

ВЕСТНИК

**МОСКОВСКОГО ГОРОДСКОГО
ПЕДАГОГИЧЕСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА**

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

**СЕРИЯ
«ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ»**

№ 4 (20)

**Издается с 2008 года
Выходит 4 раза в год**

**Москва
2015**

VESTNIK

MOSCOW CITY UNIVERSITY

SCIENTIFIC JOURNAL

SERIES

HISTORICAL STUDIES

№ 4 (20)

Published since 2008

Quarterly

Moscow

2015

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Реморенко И.М.

председатель

ректор ГАОУ ВО МГПУ,
кандидат педагогических наук, доцент,
почетный работник общего образования
Российской Федерации

Рябов В.В.

заместитель председателя

президент ГАОУ ВО МГПУ,
доктор исторических наук, профессор,
член-корреспондент РАО

Геворкян Е.Н.

заместитель председателя

первый проректор ГАОУ ВО МГПУ,
доктор экономических наук, профессор,
академик РАО

Агранат Д.Л.

проректор по учебной работе ГАОУ ВО МГПУ,
доктор социологических наук, доцент

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Рябов В.В.

главный редактор

доктор исторических наук, профессор,
член-корреспондент РАО

Жириков И.Г.

доктор исторических наук, профессор

Исаков В.А.

доктор исторических наук, профессор

Кириллов В.В.

кандидат исторических наук, профессор

Корнилов В.А.

кандидат исторических наук, профессор

Карпачев С.П.

доктор исторических наук, профессор

Малышева О.Г.

доктор исторических наук, профессор

Михайловский Ф.А.

заместитель главного редактора

доктор исторических наук, профессор

Осиновский И.Н.

доктор исторических наук, профессор

Пашенцев Е.Н.

доктор исторических наук, профессор

Ртищева Г.А.

кандидат исторических наук, доцент

Сорокин А.А.

кандидат исторических наук, доцент

Уколова В.И.

доктор исторических наук, профессор

Хаванов Е.И.

доктор исторических наук, профессор

Журнал входит в «Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук» ВАК Министерства образования и науки Российской Федерации.

ISSN 2076-9105

© ГАОУ ВО МГПУ, 2015

СОДЕРЖАНИЕ

История России: с древнейших времен до 1917 года

<i>Карпачёв С.П.</i> Российские масоны второй половины XVIII века: историко-статистический этюд	8
<i>Мальшиева О.Г.</i> Выборы в Первую Государственную думу: взгляд через столетие	13
<i>Токарева Е.А.</i> Печать и государственная власть в Российской империи в начале XX века	21
<i>Ершова Т.В.</i> Финансовая прибыль московской буржуазии в период Первой мировой войны в 1914–1917 годы	25

Новейшая история России

<i>Лузгина Ю.С.</i> Три кита демократизации русской армии в конце 1917 года	32
<i>Антоненко В.М.</i> История советской таможни на Северном Сахалине в 20–30-е годы XX века	39
<i>Карпов Е.А.</i> Коллективная самоидентификация воспитанников артиллерийских подготовительных училищ (1946–1955 годы)	47

Всеобщая история

<i>Ермаков А.В.</i> Сущностные характеристики раннехристианской церкви и роль христианской общины Рима	54
<i>Кодина В.С.</i> Методы и каналы пропаганды южных штатов против северных в годы Гражданской войны в США (1861–1865)	60
<i>Тадтаев Т.В.</i> Экономическое развитие Южной Осетии в годы Советской власти	67
<i>Барабанов М.В.</i> Постсоциалистические страны Восточной Европы и европейское сообщество: начало пути в ЕС	80

Жиряков И.Г. К истории «санкционных войн» Евросоюза:
конфликт ЕС с Австрией в 2000 году 89

Болтаевский А.А., Прядко И.П. Болезни урбанизма:
прошлое и настоящее 97

Критика. Рецензии. Публицистика

Лотменцев А.М. «Что нужно Лондону, то рано для Москвы». Система Джозефа Ланкастера и император Александр I. Рецензия на монографию А.А. Орлова «“Школы для всех”. Ланкастерская система обучения в России в первой четверти XIX века (1814–1826 гг.)» (М.: РИЦ МГГУ им. М.А. Шолохова, 2014. 200 с., ил.) 106

Авторы «Вестника МГПУ», серия «Исторические науки», 2015, № 4 (20) 113

Требования к оформлению статей 115

CONTENTS

History of Russia: from Ancient Times to 1917

<i>Karpachyov S.P.</i> Russian Freemasons of Second Half of the Eighteenth Century: a Historical and Statistical Sketch.....	8
<i>Malysheva O.G.</i> Elections to the First State Duma: Look over a Century	13
<i>Tokareva E.A.</i> The Press and State Power in the Russian Empire in the Beginning of the XX th Century	21
<i>Ershova T.V.</i> The Financial Profit of Moscow Bourgeoisie during the First World War in 1914–1917	25

Modern History of Russia

<i>Luzgina Y.S.</i> «Three Pillars of Democratization» of the Army. Replacing the commissioners of the Provisional Government by Bolshevik Commissars in the Russian Army in the End of 1917.....	32
<i>Antonenko V.M.</i> History of the Soviet Customs House in North Sakhalin in the 1920–30 s.	39
<i>Karpov E.A.</i> Collective Self-identity Among the Pupils of the Preparatory Schools of Artillery (1946–1955)	47

General History

<i>Ermakov A.V.</i> Essential Characteristics of the Early Christian Church and the Role of the Christian Community of Rome	54
<i>Kodina V.S.</i> Methods and Channels of Southern States Propaganda against Northern States during the Civil War in the USA (1861–1865).....	60
<i>Tadtaev T.V.</i> Economic Development of South Ossetia in the Period of Soviet Power	67

<i>Barabanov M.V.</i> Post-Socialist East Europe Countries and European Community: the Beginning of the Way to the EU.....	80
<i>Zhiryakov I.G.</i> On the History of European Union «Sanction Wars»: EU Conflict with Austria in 2000	89
<i>Boltaevskiy A.A., Priadko I.P.</i> Diseases of urbanizm: Past and Present	97

Criticism. Reviews. Publicism

<i>Lotmentsev A.M.</i> «What London needs is too early for Moscow». Joseph Lancaster’s system and Emperor Alexander I. Review by Monograph of A.A. Orlov «“Schools for all”. Lancaster System of Education in Russia in the First Quarter of the XIX Century (1814–1826)» (M.: Publishing Centre of M.A. Sholokhov MSHU, 2014. 200 p., ill.).....	106
---	-----

«MCU Vestnik» / Authors, Series «Historical Studies», 2015, № 4 (20)	113
--	-----

Style Sheet	115
--------------------------	-----

История России: С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН ДО 1917 ГОДА

С.П. Карпачёв

Российские масоны второй половины XVIII века: историко-статистический подход

В статье на основе историко-статистических методов, с помощью составления унифицированной анкеты рассматриваются профессиональная принадлежность, национальность, происхождение, уровень образования, общественная деятельность российских вольных каменщиков XVIII века.

Ключевые слова: масоны; XVIII век; метод исторической выборки; историко-статистический метод.

Статья написана на основе метода исторической выборки. По моим подсчетам, проведенным на основе энциклопедического словаря Серкова [4], в XVIII веке было более 3-х тысяч масонов (3118). Из данной генеральной совокупности проведена выборка, в которую включены персоналии, чьи фамилии начинаются на буквы «А» и «Б», всего 373 человека. Она составляет 12 % от генеральной совокупности. Представляется, что более чем десятая часть генеральной совокупности и довольно случайный алфавитный принцип являются серьезным основанием для репрезентативности выборки.

Нижеследующая таблица 1 показывает характер профессиональных занятий российских масонов XVIII века, включенных в выборку и предполагаемую на этой основе их профессиональную принадлежность в генеральной совокупности.

Наложение данных выборки на генеральную совокупность показывает, что почти половина российских масонов XVIII века (около полутора тысячи человек) были представителями чиновничества и военнослужащих. Пятьсот человек были заняты в сфере интеллектуально-творческого труда. Немногим более 400 человек представляли купеческое сословие. Более 150 человек занимались ручным трудом. У значительной группы профессиональная принадлежность не выявлена.

Национальный состав российского масонства XVIII века можно определить исключительно «по фамилиям», что, конечно же, снижает точность расчетов, но позволяет в общих чертах представить его национальный облик. В XVIII веке масонов-иностранцев, родившихся в своих странах, принявших

Таблица 1

Характер профессиональных занятий российских масонов XVIII века

Профессиональные занятия российских масонов XVIII века	Численность в выборке	Доля в выборке (%)	Предполагаемая численность в генеральной совокупности
Чиновники*	80	22	686
Военнослужащие**	53	14	437
Военнослужащие / чиновники***	37	10	312
Лица интеллектуально-творческих занятий****	59	16	500
Купцы	50	13	405
Лица, занятые ручным трудом*****	20	5	156
Без указаний рода деятельности	74	20	622
Итого:	373	100	3118

Примечания:

* Включая дипломатов

** В данном случае к чиновникам и военнослужащим относятся все лица данного рода занятий без указания званий, рангов и т. д.

*** Выделение данной категории обуславливается тем, что военнослужащие подчас переходили на гражданскую службу и обратно.

**** К ним отнесены артисты, архитекторы, художники, скульпторы, адвокаты, ученые, переводчики, студенты, преподаватели и профессора, медики и аптекари, священники.

***** Сюда отнесены ремесленники, слуги, парикмахеры, портные, стекольщики и т. д.

российское подданство или находившихся на русской службе в отечественном «королевском искусстве» насчитывалось, согласно моим подсчетам, 350 человек, т. е. менее 12 % от общего числа «братьев» [2]. Подавляющее большинство масонов с немецкими, польскими, французскими и др. фамилиями были российскими подданными [3] (см. табл. 2).

Мои расчеты, проведенные по всем российским «масонским персоналиям», показали, что доля русских в отечественном масонстве в XIX веке увеличилась и достигла 40 %. Поляки составляли 14 % от общего числа. В XVIII веке их было меньше, так как часть Польши была захвачена Российской империей в конце века. В XIX веке польское масонство на оккупированных территориях было инкорпорировано в российское, что увеличило его долю среди отечественных вольных каменщиков. При этом уменьшилась доля немцев, хотя они и продолжали занимать лидирующее положение в национальном составе масонских лож [3].

По наблюдениям А. Тойнби, в отличие от русского образованного общества, чья европеизация была поверхностна, остзейские немцы были европейцами в полном смысле слова [5]. Поэтому их значимость в деятельности масонов, сыгравших свою роль в социально-культурной модернизации России, велика.

В выборке из 371 персоналии указано семейное происхождение 60-ти, т. е. 16 % от всего их числа.

Двадцать масонов были выходцами из офицерских (10 человек от поручика до полковника) и генеральских семей (10 человек).

Таблица 2

Национальная принадлежность российских масонов XVIII века

Национальность	Численность в выборке	Доля в выборке (%)	Предполагаемая численность в генеральной совокупности
Русские	110	29	904
Немцы	174	47	1466
Поляки	27	7	218
Французы	25	7	218
Остальные	21	6	187
Неизвестно	16	4	125
Итого:	373	100	3118

У двадцати родители были чиновниками: действительные статские советники, занимавшие высочайшие посты в правительственном аппарате (3 человека); тайные советники (III класс, соответствующий должностям министров, их товарищей, сенаторов — 2 человека); у трех вольных каменщиков родители отмечены как «высокопоставленные чиновники». Всего же выходцев из семей чиновников, занимавших высшие государственные и придворные должности, отмечено десять человек. У пятерых — родителями были провинциальные и мелкие чиновники. У остальных пяти родители были надворными советниками (VII–VIII классы Табели о рангах, соответствующие воинским должностям майора и подполковника).

Отцами 11-ти масонов были священники (8 — православных, в том числе «дьячок» и «подьячий», и 3 лютеранских пастора).

На основании обработанных данных можно сделать вывод о том, что большинство вольных каменщиков были на 2/3 выходцами из семей чиновников и офицеров. Пятая часть — из семей священников. Остальные вели свое происхождение от самых разнообразных слоев населения (купцов, ремесленников, лиц интеллектуального труда). Таким образом, масоны были выходцами не только из высокопоставленных семей, но и из демократических слоев населения.

В выборке оказалось 44 человека, по которым есть данные об образовании (12 %).

Высшее образование (оконченное или неоконченное) указано у 33-х (порядка 9 % выборки) человек. Из них в Московском университете обучалось 13 человек каменщиков, в германских — 13,7; в других высших учебных заведениях (Виленском, Эдинбургском, Страсбургском, Академическом университетах, Славяно-греко-латинской академии, Академии художеств, Духовной академии). Переложив данные выборки на генеральную совокупность, можно предположить, что высшее образование имели порядка 280 «детей вдов».

У оставшихся 11-ти персоналий указано такое образование: пажецкий и кадетские корпуса — 6 человек, духовные семинарии — 3 человека, гимназии — 2 человека.

Одиннадцать персоналий — это 3 % выборки. Если данные перенести на генеральную совокупность, то получится 94 человека, что, конечно же, не соответствует действительности. В XVIII веке большинство военнослужащих и чиновников оканчивали пажецкий корпус, созданный в 1750 году, и кадетские корпуса. В частности, в 1732 году был основан Сухопутный кадетский корпус, в 1752 году — Морской кадетский корпус, в 1762 году — Артиллерийский и Инженерный шляхетский корпус. Это было обыденностью, и потому соответствующая информация не отложилась в источнике.

Масонские конституции указывали, что кандидат в члены общества должен быть «человеком свободным и добрых нравов». Нигде не упоминался уровень образования. Однако участие в масонских ложах предполагает наличие достаточного интеллекта. Здесь зачитываются «зодческие работы», т. е. рассуждения на нравственные, духовные темы, по проблемам ритуала и масонской символики, проводятся беседы и дискуссии по этим вопросам. Масонская символика весьма разнообразна и человек, стремящийся ее освоить, должен иметь способность к абстрактному мышлению. Все это приводило к тому, что в масонских ложах сосредотачивалась образованная элита российского общества. Так, к 1787 году из 60-ти членов Российской академии наук 13 человек были масонами [1: с. 199].

В России XVIII века стали появляться элементы гражданского общества. Масонские мастерские были первыми неправительственными организациями в стране. Следовательно, участие в них уже было показателем общественной активности. Тем не менее я выявил в выборке 54 вольных каменщика (15 % от общей численности), по которым есть более конкретные сведения об их участии в общественной жизни. В подсчетах учитывался единичный факт без учета более одной активной позиции. У некоторых масонов указано их несколько. Экстраполяция на генеральную совокупность показывает, что 468 человек являлись участниками различных обществ и занимались деятельностью, не связанной со служебными обязанностями, в частности, литературными работами, переводами, научными исследованиями. Масоны немецкой национальности стали организаторами первого в России общества страхования жизни [2]. «Дети вдовы» были членами Вольного экономического общества, Английского собрания, Уложенной комиссии (1767 г.), предводителями дворянства. Они принимали участие в новиковских мероприятиях: Типографической компании, Дружеском научном обществе, Собрании университетских питомцев Педагогической семинарии при Московском университете, Переводческой семинарии. Были членами всякого рода попечительств. Занимались благотворительностью (впрочем, это была одна из форм собственно масонской деятельности), меценатством, коллекционированием. Отмечались их работы в области оспопрививания, садоводстве, шелководстве и виноградарстве.

По мнению современного исследователя, масонство XVIII века было «прибежищем для энергичного идеализма» [1: с. 199].

Таким образом, использование метода случайной и репрезентативной выборки показывает, что российские масоны XVIII века были выходцами из семей офицеров, чиновников, в меньшей степени священников и купцов. Сами они были, прежде всего, военными и государственными служащими, интеллектуалами,

представителями торгового капитала. Российское масонство было многонациональным. Значительное большинство вольных каменщиков были российскими подданными немецкого происхождения, высока была и доля русских. Масонский социокультурный страт имел высокий уровень образования, в нем сосредотачивалась интеллектуальная элита страны. Как показывают расчеты, среди масонов было значительное число выдающихся деятелей России. Пятьдесят четыре персоналии выборки (15 % от нее, или 468 человек генеральной совокупности) отмечены в Русском биографическом словаре — крупнейшем справочно-биографическом ресурсе изучения российского исторического процесса. Масоны, будучи членами первых неправительственных организаций и активными участниками общественной жизни России XVIII века, внесли значительный вклад в социально-культурную модернизацию страны.

Литература

1. *Глаголева Е.В.* Повседневная жизнь масонов в эпоху Просвещения. М.: Молодая гвардия, 2012. 468 с.
2. *Карпачев С.П.* Иностранцы в русском масонстве: вторая половина XVIII века // Вестник МГПУ. Серия «Исторические науки». 2014. № 3 (15). С. 18–24.
3. *Карпачев С.П.* Масоны-иностранцы в российских ложах XVIII–XIX веков. Компаративный анализ // Вестник МГПУ. Серия «Исторические науки». 2015. № 1 (17). С. 8–14.
4. *Серков А.И.* Русское масонство. 1731–2000. Энциклопедический словарь. М.: РОССПЭН. 2001. 1224 с.
5. *Тойнби А.Дж.* Пережитое. Мои встречи. М.: Айрис-Пресс, 2003. 672 с.

Literatura

1. *Glagoleva E.V.* Povsednevnyaya zhizn' masonov v e'poxu prosveshheniya. M.: Molodaya gvardiya, 2012. 468 s.
2. *Karpachev S.P.* Inostrancy' v russkom masonstve: vtoraya polovina XVIII veka // Vestnik MGPU. Seriya «Istoricheskie nauki». 2014. № 3 (15). S. 18–24.
3. *Karpachev S.P.* Masony'-inostrancy' v rossijskix lozhax XVIII–XIX vekov. Komparativny'j analiz // Vestnik MGPU. Seriya «Istoricheskie nauki». 2015. № 1 (17). S. 8–14.
4. *Serkov A.I.* Russkoe masonstvo. 1731–2000. E'nciklopedicheskij slovar'. M.: ROSSPE'N. 2001. 1224 s.
5. *Tojnbj A.Dzh.* Perezhitoe. Moi vstrechi. M.: Ajris-Press, 2003. 672 s.

S.P. Karpachyov

Russian Freemasons of Second Half of the Eighteenth Century: a Historical and Statistical Sketch

In article on the basis of historical and statistical methods, by composing a uniform questionnaire the author considers professional affiliation, nationality, origin, level of education, social activity of the Russian Freemasons of the eighteenth century

Keywords: Freemasons; the eighteenth century; the method of historical sampling; historical and statistical method.

О.Г. Малышева

Выборы в Первую Государственную думу: взгляд через столетие

В статье рассматривается общественно-политическая ситуация начала XX столетия, когда зарождался российский парламентаризм, разрабатывались законодательные основы избирательной системы Российской империи. В центре внимания особенности избирательной кампании по выборам в Первую Государственную думу.

Ключевые слова: парламентаризм; Государственная дума; выборы; политические партии.

Столетие назад, в начале XX века, Россия делала первые шаги по созданию представительных институтов, основанных на принципах парламентаризма. Это стало следствием сложных процессов, сотрясавших основы российской государственности, в том числе тяжелейшего политического кризиса, первой русской революции, несоответствия системы государственного управления жизненным реалиям.

Государственная дума Российской империи рождалась в муках, противоречиях, на фоне кровавых событий драматического 1905 года. Появление ее стало уступкой власти российскому обществу, достигшему высшей точки политического брожения, причем уступкой вынужденной. Вынужденный характер важнейшей политической реформы, несомненно, наложил отпечаток на подготовительный процесс, ее проведение и результаты. Во многом этим объясняется то, что Государственная дума так и не стала устойчивым образованием, органично вошедшим в систему органов власти дореволюционной России.

Оставляя в стороне противоречия и сложности периода, предшествовавшего созыву первого парламента, выработки избирательного законодательства, определения ее компетенций, полномочий и статуса, обратимся к практике и особенностям первой избирательной кампании в Думу, проходившей весной 1906 года.

Краеугольным камнем всякой избирательной системы является вопрос о том, кто может быть наделен избирательными правами. По этому поводу в Российской империи проводились ожесточенные дебаты. Поскольку реформа шла «сверху», к участию в ее обсуждении были допущены только избранные представители правящей элиты, поименно определенные императором и его окружением. Обсуждения носили закрытый характер и были окутаны завесой секретности.

Главным стал вопрос: следует ли ввести в России всеобщее избирательное право или принять за основу сословные выборы с куриальной системой,

как это было в практике земских выборов. Точку в спорах поставил император Николай II. Он решительно выступил против всеобщего избирательного права, заявив: «...идти слишком большими шагами нельзя. Сегодня всеобщее голосование, а затем недалеко и до демократической республики. Это было бы бессмысленно и преступно...» [6: с. 95]. В этих словах со всей очевидностью просматривается намерение главы государства ограничиться малейшими, лучше «косметическими», уступками в процессе политической модернизации.

Избиратели были разделены на четыре курии: землевладельческую, городскую, крестьянскую и рабочую. Курии по числу предоставляемых голосов были неравными: один голос помещика приравнивался к трем голосам городской буржуазии, 15-ти голосам крестьян и 45-ти голосам рабочих избирателей. Выборы оставались многостепенными: для помещиков и горожан — двухстепенными, для рабочих — трехстепенными и для крестьян — четырехстепенными. Избирательных прав были лишены женщины, молодежь до 25 лет, военнослужащие действительной службы и народности, которые вели кочевой образ жизни.

Предоставление избирательных прав жителям национальных районов вызывало особое беспокойство государственных чиновников. В соответствии с правилами предусматривался разный порядок избрания депутатов от инородцев и городского и оседлого населения, к ним не принадлежавших. К примеру, инородцы Семиреченской, Закаспийской, Самаркандской и Ферганской областей выбирали в Думу по одному человеку от каждой области, что не шло ни в какое сравнение с нормами представительства в других регионах. И даже такое ограниченное представительство инородцев не на шутку беспокоило правых чиновников. Сама мысль об участии в выборах и законодательной деятельности представителей инородцев была неприемлемой для части монархического окружения, цеплявшегося за прошлые порядки.

Существенное влияние на процесс формирования первого представительного органа России имела организация выборов и ход избирательной кампании. Это было тем более важно, что подобного рода опыта Российская империя не имела.

Ситуацию осложняло внутреннее положение, в котором разворачивалась первая избирательная кампания. Ко времени начала работы Первой думы в 82 из 87 губерний и областей Российской империи было объявлено военное положение и введена усиленная или чрезвычайная охрана (в стране шла первая русская революция). Существенно усугубляло ситуацию то, что собрания и митинги практически по всей стране были запрещены, предвыборные собрания разрешались с огромным трудом и проходили под контролем полиции.

Страну сотрясали выступления рабочих, студентов, либеральной общественности. Все чаще сообщалось о революционных настроениях в армии и на флоте. В эти тревожные дни великий князь Константин Романов записал в дневнике: «Тревожное настроение по всей России; тяжелый, удушливый

воздух, как перед грозой. Все ждут, когда же, наконец, будут объявлены выборы в обещанную Государственную думу; правила о выборах еще не утверждены, их пересматривают, и Дума все откладывается, — а от нее ждут спасения. Но не грянет ли гром раньше, чем она соберется? И из какой тучи?.. Страшно. Все ждут чего-то» [3: с. 148].

В такой взрывоопасной обстановке предстояло провести первые выборы в народное представительство. Перед губернаторами как представителями власти на местах стояла сложная задача: стабилизировать положение в регионах, обеспечить проведение избирательной кампании в соответствии с законом, не допуская при этом ни малейшей критики в адрес правительства и верховной власти.

За ходом избирательной кампании пристально следил председатель Совета министров Сергей Юльевич Витте. Возглавляемое им правительство было не намерено ограничиваться позицией стороннего наблюдателя по отношению к оппозиции. С его подачи губернаторы повсеместно отслеживали деятельность либеральных партий. Речь шла прежде всего о партии кадетов, которую власть считала основным противником самодержавия (напомним, что социалистические партии действовали нелегально и участия в выборах не принимали).

Предвыборная деятельность кадетов распоряжением губернаторов была полностью запрещена в Гродненской, Минской, Тамбовской губерниях, ограничивалась деятельность в Екатеринославской, Новгородской, Оренбургской, Пермской, Рязанской, Таврической, Уфимской и Ярославской губерниях; в Кубанской области и Черноморской губернии предвыборные собрания партии были разрешены буквально накануне открытия Первой Государственной думы в апреле 1906 года (РГИА. Ф. 1276. Оп. 2. Д. 8).

Расстановка политических сил в ходе выборов в Первую думу была чрезвычайно пестрой. Одномоментный «вброс» на политическую сцену десятков политических партий, ставший прямым следствием манифеста 17 октября 1905 года, ставил российского избирателя, вне зависимости от его социальной и профессиональной принадлежности, перед непростым выбором.

Фаворитом в предвыборной гонке стала кадетская (Конституционно-демократическая) партия. Ее невероятная активность вызывала особое беспокойство у представителей исполнительной власти. Уже в середине избирательной кампании, имея общее представление о грядущем исходе выборов, министр внутренних дел П.А. Дурново разослал губернаторам зашифрованную телеграмму, в которой просил изложить собственное мнение на причины значительного успеха кадетов в ходе первых выборов. Министр желал знать, заключались ли эти причины в «самой системе выборов», в «усиленной пропаганде левых» или крылись в других обстоятельствах.

В своих ответах губернаторы приводили различные объяснения успеха кадетов, в частности, финансовые вложения в кампанию (так, по сообщению московского градоначальника, в Москве монархисты израсходовали на выборы

1065 руб., умеренные — около 335 тыс. руб., кадеты — свыше 700 тыс. руб.). Среди причин назывались недовольство и раздражение населения своим экономическим положением и унижительным для России исходом Русско-японской войны. Другими словами, голосование зачастую было не столько за кадетов, о политических настроениях и программе которых население, несмотря на активную предвыборную агитацию, не было достаточно осведомлено, сколько против правительства с его пагубной политикой.

Иногда причины успеха кадетской партии определялись губернаторами весьма нестандартно. Так, успехи в Архангельской губернии объяснялись спецификой условий губернии, являвшейся традиционным местом политической ссылки. Кроме того, причинами назывались «тупое равнодушие простого населения к выборам» (Уфимская губерния), «загипнотизированность избирателей кадетскими выступлениями» (Таврическая губерния), «бессознательное вотирование» умеренных классов за конституционных демократов из чувства протеста против репрессий правительства (Московская и Тамбовская губернии), всеобщее бурное сочувствие кадетам (Черниговская губерния) [5: с. 76–79].

К тому же кадетская партия использовала все имеющиеся в арсенале средства. К примеру, с лекциями и разъяснениями для избирателей разъехались по стране «золотые соловьи» кадетской партии — В.А. Маклаков, А.И. Кизеветтер, П.Н. Милуков, В.Д. Набоков, кн. П.Д. Долгоруков, А.М. Колюбакин, И.М. Чупров, М.В. Челноков, Н.В. Тесленко и др. (см.: РО РНБ. Ф. 1072. Т. 15).

Все материалы о ходе выборов в различных регионах страны стекались в комиссию под председательством графа Дмитриева-Мамонова (в известном смысле эта комиссия стала прообразом избирательной комиссии), созданную по распоряжению С.Ю. Витте. Комиссия не только наблюдала за ходом выборов, но обобщала и анализировала сведения об агитационной деятельности политических партий, союзов и внепартийных комитетов. Материалы и выводы комиссии «Об агитационной деятельности политических партий, союзов и внепартийных комитетов по выборам народных представителей в Государственную думу» отличались высокой степенью достоверности, что подтвердили вскоре состав депутатского корпуса Первой думы и ее политическую направленность [4: с. 112–117].

Анализ документов фонда избирательной комиссии Дмитриева-Мамонова убедительно свидетельствует о некоторых особенностях, присущих первой избирательной кампании. Пожалуй, главной из них была чрезвычайная многочисленность партий, избирательных блоков и групп, которые боролись за голоса избирателей.

На основании губернаторских отчетов о ходе выборов в Первую Государственную думу, сосредоточенных в материалах комиссии Дмитриева-Мамонова, нами подсчитано, что за голоса избирателей боролось свыше 140 политических партий, общественных объединений и избирательных комитетов. Помимо общеизвестных партий октябристов, кадетов, Союза русского народа, Партии правового порядка, Торгово-промышленной партии и других, в выборах участвовали партии

и объединения, сформированные по религиозному, национальному, территориальному, профессиональному и сословному принципам.

По территориальному принципу были сформированы такие партии, как Бессарабская партия центра, Кружок граждан Екатеринбурга, Корсунский монархический кружок, Курская народная партия порядка, Прибалтийская конституционная партия и другие (РО РНБ. Ф. 1072. Т. 15. Л. 6 об., 50, 99, 105, 163, 204). Национальный признак лег в основу формирования Группы избирателей поляков, Еврейского союза умиротворения и равноправия евреев, Польской партии реальной политики, Татарской партии, Эстонской демократической партии, Украинской демократической партии, Польско-литовско-еврейско-латышско-русской объединенной прогрессивной группы и др. (РО РНБ. Ф. 1072. Т. 15. Л. 27, 90–91 об., 94, 172, 271).

К числу партий по сословным и профессиональным признакам можно отнести Крестьянский союз, Партию пролетариата, Предвыборный комитет землевладельцев (Минская губерния), Союз рабочих депутатов, Союз торгово-промышленных служащих (Ярославль) и др. (РО РНБ. Ф. 1072. Т. 15. Л. 119, 163, 228, 241).

Партии, в основе которых лежали религиозные принципы, составляли Кружок духовенства, Церковно-приходские собрания, Христианско-демократический союз, Мусульманское общество, Предвыборная католическая организация и др.

Среди многочисленных партий и избирательных групп можно также выделить те, что были образованы по смешанным признакам: территориально-национальным, национально-религиозным, национально-политическим и т. д. Среди них Белорусско-литовская партия, Еврейский избирательный комитет в г. Ковно, Еврейская конституционно-демократическая партия, Конституционно-католическая, Конституционно-монархическая, Конституционно-демократическая латышская партия, Латышская социал-демократическая партия, Группа южно-русских немцев, Народная партия 17 октября, Уездно-еврейский избирательный комитет и др. (РО РНБ. Ф. 1072. Т. 15. Л. 12 об., 46, 56, 94, 130, 172, 333).

Целый ряд политических формирований и избирательных групп носили неопределенные названия. К ним относятся Лига патриотов, Независимые, Отделение русского собрания, Партия народного центра, Русское братство, Партия защиты труда, Сусанинское общество сторонников порядка, Союз свободы, правды и миролюбия (РО РНБ. Ф. 1072. Т. 15. Л. 16, 76, 80, 185, 204, 214).

Такое невероятное даже по нынешним меркам число политических партий, избирательных комитетов и групп, на наш взгляд, свидетельствует о стремительном развитии многопартийности. Российское общество, не имевшее до 17 октября 1905 года возможности выражения своих политических настроений, словно взорвалось изнутри. Такой «обвал многопартийности» ставил в сложное положение российского избирателя, которому предстояло сделать свой выбор в ходе избирательной кампании. В отдельных случаях они вынуждены были обращаться за консультациями к представителям власти.

Так, крестьяне четырех деревень Юхновского уезда Смоленской губернии подали прошение смоленскому губернатору, в котором просили указать к какой

партии из тех, что ведут предвыборную агитацию в их местах (Конституционно-демократическая, Социал-демократическая и Торгово-промышленная) могут они примкнуть, не вредя обожаемому монарху (выделено мной. — *О. М.*). «Не будучи в состоянии ориентироваться в партиях», они просили разъяснить им, какие партии вредны и стремятся к низвержению существующего строя (РО РНБ. Ф. 1072. Т. 15 Л. 212 об.).

Отсутствие демократических традиций и опыта участия в избирательных кампаниях в полной мере отразилось на ходе выборов. Более всего это коснулось крестьянских избирателей, которые не только не интересовались выборами и не стремились принять в них участие, но, напротив, принимали это как тяжкую обязанность. Свидетельством низкого интереса к выборам народных избранников стал случай, произошедший в Пинском уезде Минской области. На вопрос, обращенный к одному из избирателей на съезде мелких землевладельцев, «Кого он собирается выбирать?», тот ответил: «Мадгуть (вероятно) тогож самого Царя, що и теперь» (РО РНБ. Ф. 1072. Т. 15. Л. 121).

Другой пример. В деревне Мучники Тупищинской волости Санкт-Петербургской губернии при выборах уполномоченного от крестьян, владеющих землей на правах частной собственности, участники собрания объявили торги: кто дешевле возьмет от общества за поездку в город на выборы. Один согласился за 10 руб., другой — за 7 руб., еще один — за 5 руб. Победил предложивший наименьшую сумму — 3 рубля (РО РНБ. Ф. 1072. Т. 15. Л. 160).

Были причины и другого рода. В Полтавском уезде Полтавской губернии отмечалось полное равнодушие к выборам среди крестьян, так как выборы совпали с посевной. В Зарайском же уезде Рязанской губернии при крайне пассивном отношении крестьян к выборам были отмечены следующие настроения: «Где уж тут о выборах думать, когда есть нечего» (РО РНБ. Ф. 1072. Т. 15. Л. 181).

Кроме того, имели место случаи крайне низкой явки выборных на уездные съезды избирателей. Так, в Астраханской губернии на съезды явились 1–2 избирателя. В Могилевской губернии выборы по этой курии вообще состоялись только по причине настойчивого давления администрации. Например, в Рогачевском уезде выборы шли под давлением земских начальников, на выборы шли неохотно, по принуждению. На предварительный съезд мелких землевладельцев (крестьян) из 5595 человек явилось 1731. Схожие данные можно привести по Санкт-Петербургской губернии. Так, на съезд мелких землевладельцев в Царском Селе из 2500 человек явилось только 15, из которых 10 были членами избирательной комиссии. В Гатчине на съезд мелких землевладельцев для выборов уполномоченных явилось из 2300 всего 17 человек (РО РНБ. Ф. Т. 15. 1072. Л. 2 об., 130, 160, 160 об.).

Еще одной особенностью первой избирательной кампании было то, что выборы проводились не одновременно по всей стране. Более того, власть до последнего момента старалась оттянуть начало избирательной кампании в регионах с наиболее напряженной обстановкой, или там, где расстановка

политических сил была не до конца ясной. В губерниях Царства Польского избирательная кампания, к примеру, стартовала только в день начала работы Первой Государственной думы — 27 апреля 1906 года. В Кубанской, Терской, Дагестанской областях, Черноморской, Кутаисской, Эриванской, Карской и Елисаветинской губерниях предвыборные собрания были разрешены буквально накануне роспуска Первой думы в июне 1906 года.

Правительство внимательно следило и за ходом избирательной кампании. Первые сведения о результатах выборов в Думу вызвали, по словам присутствовавшего в заседании Совета министров высокопоставленного чиновника Гурко, всеобщую радость министров. «Витте, несомненно, выразил общее мнение, — писал Гурко, — сказав: “Слава богу, Дума будет мужицкая”. Обер-прокурор Святейшего синода кн. Оболенский к этому лишь прибавил: “Ну и поповская, что тоже недурно”» [2: с. 532].

Схожие оценки высказывал и император. В беседе царя с редактором «Московских ведомостей» В.А. Грингмутом царь на известие о том, что Дума будет крестьянской, выразил удовольствие, добавив, что крестьяне его любят. На замечание, что крестьяне потребуют земли, Николай II ответил: «Тогда мы им покажем шиш». Ему возразили: «Тогда они взбунтуются». Ответ царя: «Тогда войска их усмирят» [1: с. 379].

Особенностями избирательной системы Российской империи стало отсутствие особого аппарата специалистов по организации и обеспечению «правильности» выборов. На первых порах вся работа: составление списков избирателей, оповещение избирателей о выборах, организация голосования, подсчет голосов и т. д. — легла на плечи представителей чиновничества, дворянского, городского и земского самоуправления, судей. Это, с одной стороны, приводило к многочисленным сбоям, неясностям и нарушениям в ходе выборов, с другой — позволяло держать власти ход кампании под управляемым контролем.

Не последнюю роль в организации и проведении выборов играли представители полиции, что впоследствии дало возможность власти отсечения от выборов оппозиционно настроенных граждан и произвольного недопущения к голосованию (по причине «недоставления повесток» о дате выборов, невыдачи полицией удостоверений личности, необходимых для голосования, невнесение в списки избирателей, исключение из них и т. д.).

Подведем итог. Мы коснулись только некоторых особенностей выборов в Государственную думу Российской империи начала XX века. Представительная демократия, как и избирательное законодательство, тогда только зарождались, делали первые шаги и не были застрахованы от ошибок и просчетов. В дореволюционной России состоялось четыре избирательные кампании в Думу, и практически постоянно шел процесс дополнения и уточнения, а подчас и внесения принципиальных изменений (как это было в случае с принятием нового избирательного закона 3 июня 1907 года) в избирательное законодательство. Важно другое: отказаться от Государственной думы как представительного института,

несмотря на перманентное противостояние ее с исполнительной и верховной властью, император Николай II не решился. Период «думской монархии» стал завершающим этапом в существовании российского самодержавия.

Литература

1. *Богданович А.В.* Три последних самодержца. М.: Новости, 1990. 379 с.
2. Власть и реформы. От самодержавной к советской России / Отв. ред. Б.В. Аманьич. СПб.: Дмитрий Буланин, 1996. 532 с.
3. Из дневника Константина Романова // Красный архив. Исторический журнал. 1931. Т. 1 (44). 1931. С. 126–151.
4. *Костылев А.В.* Материалы фонда В.А. Дмитриева-Мамонова как источник по изучению выборов в I Государственную думу // Проблемы социально-экономической и политической истории России XIX–XX веков. СПб.: Алетейя, 1999. С. 112–117.
5. *Пушкарева Ж.Ю.* Кадеты и избирательные кампании в Государственную думу I–IV созывов: дис. ... канд. ист. наук. М.: РАГС, 1998. 197 с.
6. *Таганцев Н.С.* Пережитое. Учреждение Государственной думы в 1905–1906 гг. Пг.: Государственная типография, 1919. 230 с.

Literatura

1. *Bogdanovich A.V.* Tri poslednix samoderzhca. M.: Novosti, 1990. 379 s.
2. Vlast' i reformy'. Ot samoderzhavnoj k sovetskoj Rossii / Отв. ред. B.V. Anan'ich. SPb.: Dmitrij Bulanin, 1996. 532 s.
3. Iz dnevnika Konstantina Romanova // Krasny'j arxiv. Istoricheskij zhurnal. 1931. T. 1 (44). 1931. S. 126–151.
4. *Kosty'lev A.V.* Materialy' fonda V.A. Dmitrieva-Mamonova kak istochnik po izucheniyu vy'borov v I Gosudarstvennuyu dumu // Problemy' social'no-e'konomicheskoy i politicheskoy istorii Rossii XIX–XX vekov. SPb.: Aletejya, 1999. S. 112–117.
5. *Pushkareva Zh.Yu.* Kadety' i izbiratel'ny'e kampanii v Gosudarstvennuyu dumu I–IV sozy'vov: dis. ... kand. ist. nauk. M.: RAGS, 1998. 197 s.
6. *Tagancev N.S.* Perezhitoe. Uchrezhdenie Gosudarstvennoj dumy' v 1905–1906 gg. Pg.: Gosudarstvennaya tipografiya, 1919. 230 s.

O.G. Malysheva

Elections to the First State Duma: Look over a Century

The article considers the social and political situation in the beginning of the twentieth century, when the Russian parliamentarism arose, legislative bases for electoral systems of the Russian empire were developed. In the spotlight there are the features of the electoral campaign for the election to the Ist State Duma.

Keywords: parliamentarism; State Duma; elections; political parties.

Е.А. Токарева

Печать и государственная власть в Российской империи в начале XX века

В статье анализируются проблемы взаимоотношений либеральной и консервативно-патриотической печати с властными институтами Российской империи начала XX века, обосновывается актуальность изучения этих вопросов, выявляется возрастающая степень влияния печати на формирование общественного отношения к власти и к вектору развития ее институтов. Этот короткий исторический период определяется как начало научно-медийного дискурса, существующего и сегодня.

Ключевые слова: либеральная и консервативно-патриотическая печать, медийный дискурс, государственная власть, Российская империя.

Тональность и острота современных общественно-политических дискуссий в России во многом напоминают дискуссии столетней давности. Такие политические бренды, как либерализм, черносотенство, левый радикализм, были рождены в научных и общественных кругах Российской империи начала прошлого века, и сегодня никем не отрицаются их «исторические корни». Именно тогда в России в полном смысле этого слова появилась публичная политика, политические партии, СМИ.

Очевидно, что леворадикальные идеи не имели широкого распространения в политической жизни царской России в начале XX века. Идеиная полемика на страницах печати вплоть до 1917 года велась вокруг либеральных и консервативно-патриотических общественных настроений. Как и сегодня, представители и тех, и других апеллировали к власти, требовали от нее сделать однозначный выбор. Либералы всех мастей призывали власть встать на позиции западничества: удовлетворить аппетиты частного капитала и сделать его политически неуязвимым. Представители патриотического лагеря расценивали западный путь развития как дорогу к пропасти и агрессивно отстаивали особые, «уникальные» интересы России. Вообще, «крайняя политизированность межреволюционного периода (1905–1917 гг.) заставила мечущуюся российскую интеллигенцию интенсивно искать варианты возможного пути развития Отечества, выдвигая различные общественные проекты» [4: с. 52].

О том, какое большое общественное значение периодическая печать России имела уже к концу XIX века, можно судить по энциклопедическому словарю Брокгауза и Ефрона: «В настоящее время печать есть сила, с которой считаются и поддержкой которой дорожат правительства... Как всякое сильное орудие, печать может служить для весьма различных целей, и в том числе

для целей, признаваемых в данный момент преступными, она может действовать и на пользу, и во вред правительству» [2: с. 230].

Если предположить, что мы имеем дело с научно-медийным дискурсом, рожденным тогда, в начале XX века, то становится очевидным интерес специалистов к этой проблеме. Налицо потребность в серьезном и детальном осмыслении роли и места либерально-демократических и консервативно-патриотических идей, выплеснувшихся на страницы газет и журналов, в неожиданной дискредитации институтов власти Российской империи. Изучение и обобщение такого исторического опыта позволит в известной степени определить причины и первоосновы, происходящих в настоящее время событий, лучше понять и интерпретировать современную ситуацию, предположить варианты ее развития, учесть исторические уроки.

Первые попытки такого обобщения уже предприняты современными историками. Так, например, известный исследователь думской монархии О.Г. Малышева отмечает, что «с момента появления в политической системе Российской империи новых политических элементов, таких как Государственная дума, роль средств массовой информации, призванных освещать все перипетии борьбы и практической ее деятельности, многократно возросла. Характеристики и оценки, мелькавшие на страницах прессы, напрямую зависели от политической ангажированности издания. Причем если на самые резкие выпады правых изданий власти смотрели сквозь пальцы, то за малейшую критику власти либеральные и левые издания немедленно закрывались, а редакторы привлекались к ответственности» [3: с. 181]. Другими словами, власть, понимая, что теряет вес в глазах общества, всячески пыталась контролировать печать и влиять на ее тональность всеми доступными способами.

Могла ли консервативно-патриотическая или либеральная печать в свою очередь влиять на власть или контролировать ее? Разумеется, печатные издания России следовали определенной редакционной логике, политической иерархии и финансовой политике изданий. Современная наука относит СМИ к средствам политики и власти. Это понимается нами как возможность осуществлять политику и власть и использовать их в интересах общества или каких-либо общественных сил, включая и саму власть. Представляется, что и «профессиональные» журналисты, и участники общественного дискурса, так называемые «гражданские» журналисты, на страницах либеральных и консервативных газет и журналов начала XX века оказались за очень короткий исторический отрезок времени вписанными в относительно новую информационно-коммуникационную среду.

Отметим некоторые ее принципиальные особенности. Во-первых, на глазах рушились «духовные» скрепы традиционного, сословно-патриархального, консервативно-патерналистского российского общества. В этот момент рушатся и традиционные представления о силе печатного слова. Оно становится не информацией, а оружием. На первый план выходит не значение сообщения, а эффект им произведенный. Во-вторых, в городах образовывались многочисленные группы

молодых людей, которые, оборвали свои духовные, культурные и экономические связи, и представляли собой опасную маргинальную толпу. Печатная информация, рассчитанная на массового потребителя, становится в этот момент реальной силой. В малограмотной стране, какой была Россия в начале XX века, сила печатного слова дополняется визуальным образом (листовка, агитка, брошюра, лубок, даже театральное действие). «Не меньшую опасность несла в массы радикально и нигилистически настроенная отечественная интеллигенция, часто малообразованная и авантюрная по природе. Идеология социального равенства и насильственной справедливости, проповедуемая такой интеллигенцией, легко превращала «мир» в «разруху», прежде всего, в головах людей» [7: с. 309]. И наконец, это относительно легкая возможность финансового обеспечения безрассудных и опасных идей в России начала XX века. Порой неоправданно щедрое финансирование средств массовой информации и государством, и частными предпринимателями, и через пожертвования превращало печать в реальный механизм власти.

Разумеется, периодическая печать либерально-консервативного толка в Российской империи была и инструментом влияния на власть, и инструментом контроля. Так, патриотический «Русский вестник» уже в 1906 году писал: «Уже в массах народа патриотическое чувство погашено... В умах образованного общества монархия уже давно разрушена. В настоящее время деятельности революционной печати прямо нечего противопоставить, как и вообще разрушительной деятельности» [6: с. 308]. Кадетские газеты вторили этому посылу по-своему: «На скамье подсудимых не народные представители, а народное представительство... на скамье подсудимых целый период русской истории с его пылкими чаяниями, с его гордой борьбой за преобразование России и с его несомненными историческими ошибками» [1: с. 151].

Крах Российской империи в 1917 году как исторический факт, приход к власти левых радикалов в лице большевиков оставляют «открытым» для современных историков главный вопрос: власть в России оказалась недостаточно либеральной и довела страну до революций и изнурительных войн или же она недостаточно «патриотично» боролась с либерализмом и крупным капиталом, в результате чего привела страну к катастрофе? Рожденный в трудной обстановке предреволюционной России научно-медийный дискурс сегодня существует в качестве исторической проекции. В начале XX века власть России и либерально-демократическая и национально-патриотическая печать бесконечно взаимно демонизировали или канонизировали друг друга. В этом поединке проиграла власть.

Последнее убедительно прозвучало в словах одного из главных идеологов самодержавия того периода К.П. Победоносцева: «В ежедневной печати скопляется какая-то роковая, таинственная, разлагающая сила, нависшая над человечеством» [5: с. 307].

Литература

1. Бикерман М. Российская революция и Государственная дума. СПб.: Новое товарищество, 1907. 198 с.

2. Брокгауз и Ефрон. Энциклопедический словарь. СПб.: изд. Ф. А. Брокгаузъ (Лейпцигъ) и И. А. Ефронъ (Санкт-Петербургъ), 1897. Т. 23. 530 с.

3. *Мальшева О.Г.* Парламент Российской империи: испытание войной // Первая мировая война — пролог XXI века: мат-лы Междунар. науч. конфер. Ч. 1. М.: ИВИ РАН, 2014. С. 179–184.

4. *Набокина М.Е.* Структурные и организационные особенности Московского религиозно-философского общества памяти Владимира Соловьева // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия «Исторические науки». 2013. № 1 (11). С. 50–56.

5. *Победоносцев К.П.* Великая ложь нашего времени. М.: Русская книга, 1993. 638 с.

6. Русский вестник. СПб., 1906. № 7. С. 308–324.

7. *Токарева Е.А.* Интеллигенция и власть в России. Основные подходы к изучению // История государства Российского: истоки, процессы, проблемы (к 1150-летию образования): монография / под общ. ред. Н.И. Дорохова. [Электронное издание]. М.: Изд-во МУ им. С.Ю. Витте, 2014. 450 с.

Literatura

1. *Bikerman M.* Rossijskaja revolyuciya i Gosudarstvennaya дума. SPb.: Novoe tovarishhestvo, 1907. 198 s.

2. Brokgauz i Efron. E'nciklopedicheskiy slovar'. SPb.: izd. F. A. Brokgauz'' (Lejpcig'') i I. A. Efron'' (Sankt-Peterburg''), 1897. T. 23. 530 s.

3. *Maly'sheva O.G.* Parlament Rossijskoj imperii: ispy'tanie vojnoj // Pervaya mirovaya vojna — prolog XXI veka: mat-ly' Mezhdunar. nauch. konfer. Ch. 1. M.: IVI RAN, 2014. S. 179–184.

4. *Nabokina M.E.* Strukturny'e i organizacionny'e osobennosti Moskovskogo religiozno-filosofskogo obshhestva pamyati Vladimira Solov'eva // Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya «Istoricheskie nauki». 2013. № 1 (11). S. 50–56.

5. *Pobedonoscev K.P.* Velikaya lozh' nashego vremeni. M.: Russkaja kniga, 1993. 638 s.

6. Russkij vestnik. SPb., 1906. № 7. S. 308–324.

7. *Tokareva E.A.* Intelligenciya i vlast' v Rossii. Osnovny'e podhody' k izucheniyu // Istoriya gosudarstva Rossijskogo: istoki, processy', problemy' (k 1150-letiyu obrazovaniya): monografiya/ pod obshh. red. N.I. Doroxova. [E'lektronnoe izdanie]. M.: Izd-vo MU im. S. Yu. Vitte, 2014. 450 s.

E.A. Tokareva

The Press and State Power in the Russian Empire in the Beginning of the XXth Century

The article analyzes the problems of the relationship between the liberal and conservative-patriotic press and imperious institutions of the Russian Empire in the beginning of the XXth century. The author grounds the topicality of the study of these questions, reveals the increasing degree of influence of press on the formation of public attitude to the authorities and to the vector of development of its institutions. This short historical period is determined as the beginning of the scientific-media discourse, existing also nowadays.

Keywords: liberal and conservative-patriotic press; media discourse; state power; Russian Empire.

Т.В. Ершова

Финансовая прибыль московской буржуазии в период Первой мировой войны в 1914–1917 годы

В статье рассматривается финансовая и экономическая деятельность представителей московской буржуазии, показана система обогащения на военных поставках в условиях Первой мировой войны.

Ключевые слова: финансы; московская буржуазия; Первая мировая война.

Отечественная буржуазия в годы Первой мировой войны нажила на военных заказах громадные состояния. По подсчетам А.Л. Сидорова, царская Россия за период с июля 1914 года до марта 1917 года истратила на военные нужды 30,5 млрд рублей [6: с. 116].

Основным источником, позволившем царскому правительству вести продолжительную войну, был выпуск в обращение кредитных билетов и краткосрочных обязательств. До Февральской революции 1917 года было выпущено кредитных билетов на 8234,2 млн рублей. По сведениям Министра финансов П. Барка, за время с 16 июля 1914 года до 1 августа 1916 года ежемесячно выпускалось кредитных билетов на сумму 214 млн рублей [6: с. 143].

Привлекая частную промышленность к нуждам государственной обороны, царское правительство выдавало предпринимателям ссуды, авансы и кредиты. Так, завод «Динамо» в Москве, выполняя в течение 1915–1916 годов заказы на сумму 2 3428 824 рублей 50 копеек и 10 750 фунтов стерлингов, получил аванс в размере 8 230 820 рублей 7 копеек и 6986 фунтов стерлингов (РГВИА. Ф. 512. Оп. 1. Д. 301. Л. 63 об. – 64). Несмотря на получение больших денег, администрация завода обратилась в Главное артиллерийское управление (ГАУ) с просьбой выдать еще аванс в размере 378 420 рублей (РГВИА. Ф. 512. Оп. 1. Д. 301. Л. 66).

Русскому товариществу торговли металлами «Износков, Зуккау и К» ГАУ выдал аванс в размере 741 000 рублей под гарантийные письма Азовско-Донского и Коммерческого банков (РГВИА. Ф. 369. Оп. 4. Д. 36. Л. 10 об.). Военное ведомство профинансировало в Москве «Торговый дом Г. Волин и К» в размере 344 046 рублей 15 копеек под гарантийные письма Азовско-Донского и Коммерческого банков. ГАУ выдало аванс товариществу «В. Алексеев, П. Вишняков, А. Шамшин» в размере 206 375 рублей (РГВИА. Ф. 369. Оп. 4. Д. 36. Л. 17 об. – 18).

В феврале 1916 года Торговый дом «Кузнецов, Рябушинский и К» заключили контракт с Военным ведомством на постройку автомобилей на общую сумму

27 млн рублей (ЦИАМ. Ф. 1082. Оп. 1. Д. 26. Л. 1 А). Для выполнения принятого заказа на автомобили правление к июлю 1916 года получило от Военного министерства 7 121 301 рублей 92 копеек. Из них 5 512 500 рублей было выдано Военно-техническим управлением (ЦИАМ. Ф. 51. Оп. 10. Д. 66. Л. 6).

Большую безвозмездную ссуду на восстановление получило акционерное общество завода «Каучук», эвакуированного из зоны боевых действий. Всего к концу марта 1916 года на покрытие расходов по перевозке и восстановлению завода в Москве правительство передало 2 577 270 рублей. (ЦИАМ. Ф. 1191. Оп. 1. Д. 2. Л. 11). Завод «Проводник» в период с 27 ноября 1915 года по 1 июля 1916 года получил заказов на сумму 19 777 848 рублей 36 копеек (ЦИАМ. Ф. 51. Оп. 1. Д. 929. Л. 119).

Помимо промышленных предприятий различные общественные организации стремились получить деньги у Военного министерства. Так, Московский биржевой комитет сумел получить в ГАУ ссуду в размере 5 млн рублей «на изготовление предметов для снабжения армии» (РГВИА. Ф. 369. Оп. 4. Д. 36. Л. 14). К 1 октября 1915 года МВПК получил у Военного ведомства аванс в размере 5 500 000 рублей. Из него местным комитетам за изготовление военной продукции было выдано 2 092 500 рублей. Кроме того, по заказам, сделанным Московским военно-промышленным комитетом, к 3 октября 1915 года «кроме израсходованной вышеуказанной суммы предстоит уплатить еще 18 063 831 руб. 55 коп.». Ввиду этого МВПК обратился в Особое совещание по обороне государства отпустить ему аванс для расчета с поставщиками в размере 50 % от общей стоимости сделанных заказов, т. е. в сумме 9 031 915 рублей 77 копеек.

В представленном ходатайстве об отпуске денег МВПК отметил, что он сделал заказы на изготовление к 3 октября 1915 года предметов артиллерийского снабжения армии на 7 914 443 рублей 80 копеек; предметов военно-технического снабжения армии на 3 746 153 рублей 50 копеек; предметов интендантского снабжения армии на 509 333 рублей 95 копеек и на разные военные заказы на 13 089 901 рублей 20 копеек (РГВИА. Ф. 512. Оп. 1. Д. 186. Л. 23). К ноябрю 1915 года МВПК получил в ГАУ 500 000 рублей «на финансирование мелких и средних промышленных предприятий в Московском районе» (РГВИА. Ф. 369. Оп. 4. Д. 36. Л. 14).

Выгодные военные заказы способствовали баснословному обогащению московской буржуазии. Наиболее высокие прибыли получали владельцы металлообрабатывающих предприятий. Так, если в 1914 году чистая прибыль завода братьев Бромлей была 489 676 рублей 95 копеек, то в 1916 году только от производства военных изделий завод получил 2100 золотых рублей (ГАРФ. Ф. 7952. Оп. 3. Д. 60. Л. 8).

На заводе акционерного общества «Добровых и Набголец» в течение 1914–1915 годов было произведено продукции на 2 958 795 рублей 10 копеек, а в 1915–1916 годах — на 5 493 310 рублей 44 копеек. Чистая прибыль завода с 315 206 рублей 44 копеек в 1914–1915 годы возросла в 1915–1916 годы до 1 225 320 рублей. Правление общества предполагало увеличить основной капитал до 6 300 000 рублей [1: с. 177–178].

Громадные прибыли получили владельцы Московского металлического завода. Во время войны на заводе наблюдалось постоянное сокращение производства. Так, в 1913–1914 операционном году на заводе было произведено продукции 15 383 484 пудов (100 %), в 1914–1915 — 11 588 931 пудов (75,86 %), в 1915–1916 изготовили продукции 8 998 847 пудов (58,49 %) (ГАРФ. Ф. 7952. Оп. 3. Д. 189. Л. 5). Однако, несмотря на большое сокращение производства, прибыли владельцев завода постоянно росли. Так, в течение 1914–1915 операционного года завод Гужона продал готовой продукции на 11 244 282 рублей 96 копеек, а в 1915–1916 операционном году на 15 746 091 рублей 16 копеек. Произошло увеличение, по сравнению с предшествующим годом, на 41 % (ГАРФ. Ф. 7952. Оп. 3. Д. 210. Л. 71; ЦИАМ. Ф. 498. Оп. 1. Д. 1035. Л. 2). Чистая прибыль завода составила в 1914–1915 годах 1 399 004 рублей 46 копеек, в 1915–1916 годах, несмотря на сокращение производства, она увеличилась до 2 980 844 рублей 31 копейки (ЦИАМ. Ф. 498. Оп. 2. Д. 25. Л. 1; Д. 27. Л. 1).

После начала Первой мировой войны Коломенский машиностроительный завод принял заказы от Военного и Морского ведомств изготовить паровозов на 4 490 052 рублей, частей паровозов на 282 822 рублей, вагонов на 540 800 рублей, вагонеток на 3 514 700 рублей, кухонь походных на 1 609 500 рублей, двигателей и частей к ним на 3 384 097 рублей, станков для выделки колючей проволоки на 1 155 000 рублей, гранат и частей к ним на 13 350 000 рублей, взрывателей на 5 912 500 рублей. Всего по заказам Военных министерств завод производил продукции на 37 163 727 рублей. Кроме того, для Министерства путей сообщения завод изготовил за годы войны паровозов, вагонов и вагонеток на 12 464 110 рублей, для частных заводов, работавших на оборону государства, было принято заказов на 1 768 926 рублей и для остальных предприятий было изготовлено продукции на 3 526 481 рублей. Всего Коломенский завод принял заказов на 54 923 244 рублей (РГВИА. Ф. 369. Оп. 4. Д. 75. Л. 84–86).

Большие финансовые прибыли во время войны получал Люберецкий завод. По данным на 29 января 1916 года, завод для Артиллерийского ведомства изготовил продукции на 4 192 946 рублей 87 копеек (72 % производительной мощности завода). За это же время сельскохозяйственных машин на заводе было изготовлено на 1 733 068 рублей 22 копейки (27 %). Всего Люберецким заводом было изготовлено продукции на 5 926 015 рублей 9 копеек (РГВИА. Ф. 512. Оп. 1. Д. 23. Л. 19).

На запрос генерала Ванкова перековать около 1000 пудов круглой стали Мытищинский вагоностроительный завод дал согласие выполнить заказ по цене 2 рубля 50 копеек с доставкой стали на завод. Возмущенный Ванков ответил, что вполне достаточно заплатить по 1 рублю 50 копеек за перековку стали (РГВИА. Ф. 512. Оп. 1. Д. 23. Л. 29, 30). Администрация завода согласилась.

Быстро возрастали прибыли Московского меднопрокатного и кабельного завода «Алексеев, Вишняков и Шамшин». Так, в 1913–1914 годах она составляла 438 863 рублей 82 копейки. В 1914–1915 годах чистая прибыль поднялась до 545 934 рублей 48 копеек (ГАРФ. Ф. 7952. Оп. 3. Д. 547; Д. 550. Л. 33). К концу февраля 1916 года завод изготовил для Главного военно-технического управления,

для Управления Юго-западной железной дороги, для почт и телеграфа и других предприятий кабелей на 16 294 385 рублей 48 копеек (ЦИАМ. 848. Оп. 2. Д. 107. Л. 391, 392). 2 сентября 1915 года генерал Ванков подписал контракт с анонимным обществом Русско-Бельгийского патронного завода. Для успешного выполнения заказа завод получил аванс в размере 500 000 рублей (РГВИА. Ф. 512. Оп. 1. Д. 107. Л. 24, 24 об.).

Значительные прибыли получили владельцы текстильных предприятий, приспособившихся к нуждам войны. Камвольная прядильня Товарищества Даниловской мануфактуры за годы войны при основном капитале 1 млн рублей получила чистой прибыли 1 300 000 рублей [4: с. 228].

Наиболее крупные прибыли Московские текстильные магнаты получили в 1915–1916 годы. Связано это было с мобилизацией русской промышленности на нужды обороны государства. Так, Московское купеческое товарищество на паях за 1915–1916 операционный год получило чистой прибыли 9 593 319 рублей 53 копейки. Прибыль была распределена. На один дивиденд товарищество выплатило 15 % или 206 рублей 25 копеек (РГВИА. Ф. 369. Оп. 16. Д. 86. Л. 1 об., 3 об.). Торгово-промышленное товарищество «П. Рябушинский с сыновьями» в 1915–1916 операционном году получило чистой прибыли 3 458 321 рублей 67 копеек. Товарищество выдало на одну акцию пайщикам по 260 рублей (ЦИАМ. Ф. 51. Оп. 10. Д. 1054. Л. 4). В 1915–1916 операционном году Прохоровская Трехгорная мануфактура получила чистой прибыли 3 107 137 рублей 90 копеек (ЦИАМ. Ф. 51. Оп. 10. Д. 928. Л. 6 об.). Товарищество «А.Н. Второва с сыновьями» 10 декабря 1916 года на общем собрании пайщиков приняло решение выдать дивиденды по 1400 рублей на один пай — всего 1 820 000 рублей (ЦИАМ. Ф. 51. Оп. 10. Д. 241. Л. 2).

В годы Первой мировой войны систематически повышались цены на текстильные изделия. Начиная с августа 1914 года московские ситцевики повысили цены на ткани сначала на 0,5 копейки за аршин, затем до одной копейки за аршин. На твердые цены, вводимые царским правительством на торговлю тканями, предприниматели ответили прекращением производства под предлогом отсутствия сырья и топлива [3: с. 200–201].

Спекуляция хлопком, центром торговли которым являлась Москва, приобрела довольно большие размеры. «Та бешеная пляска цен на хлопчатобумажные изделия, всю тяжесть которой испытывает на себе частный потребитель, отнюдь не равнозначна и не исчерпывается скромным понятием неизбежного, в силу общих условий, повышение цен на эту категорию товаров: в безудержное взвинчивание цен привходит некоторый, и весьма значительный плюс от причин спекулятивного порядка». В заметке отмечается, что все беды покупателя не в повышении цен фабрикантами, а в спекуляции на рынке хлопком. Цены же на хлопок с июля 1914 года по июль 1915 года выросли в два раза, с 16 руб. 66 коп. до 32 руб. 50 коп. за пуд. [2: с. 22; 2а: с. 19–20].

В условиях Первой мировой войны царское правительство вынуждено было начать раздавать заказы на производство бязи, марли, ваты, бумазеи, сукна для нужд армии. Уже к началу 1915 года до 25 % хлопчатобумажной продукции

потребляла армия. Цены на текстильные изделия шли вверх. К октябрю 1916 года фабрики были загружены до 67,3 % военными заказами [6: с. 384–385]. Соответственно поднялись цены на пряжу и ткани. Политика Министерства промышленности и торговли в области регулирования цен на хлопок увенчалась успехом. Установленные созданным хлопковым комитетом низкие цены на хлопок отвечали интересам фабрикантов-текстильщиков. Продавали же они свою продукцию по нефиксированным ценам, т. е. выиграли, в конечном счете, предприниматели, производившие хлопчатобумажные ткани [6: с. 386, 387].

В начале 1916 года московские фабриканты подняли цены на различные сорта тканей от 50 до 125 %. Общество заводчиков и фабрикантов Московского промышленного района доказывала законность таких цен. «Во всяком случае, — сообщалось в “Известиях общества заводчиков и фабрикантов”, — если бы даже по всему фронту вздорожание готовых отделанных хлопчатобумажных тканей выразилась в 125 %, то его следовало бы признать вполне законным; достаточно принять во внимание, что удорожание русского хлопка, не говоря уже об американском, современная стоимость топлива и, наконец, расходы об оплате рабочего труда вполне покрывают и тем самым легитимируют указанное повышение цен» [2а: с. 20].

Подъем цен на готовую хлопчатобумажную продукцию повлек за собой рост розничных цен. Так, в начале 1916 года цены на бельевой товар поднялись до 125 %, на сатин — до 135 %, на одежные ткани — на 150–170 % и на другие сорта — от 130 до 160 % [2б: с. 18]. Царское правительство вынуждено было вновь вмешаться в торговлю тканями. Были установлены твердые предельные цены, по которым разрешалось вести торговлю. Регулирование цен на рынке при сокращении частной торговли могло привести к новому росту цен на ткани. Предприниматели обходили правительственные постановления, констатировал Министр торговли и промышленности [6: с. 390].

В начале 1917 года стоимость текстильных товаров на московском рынке поднялась на 210 %. По подсчетам фабрикантов, в кустарном производстве цены на ткани должны подняться от 258 до 300 %. Предприниматели заявили, что если цены на ткани ручного производства останутся на 170 %, то их изготовление должно прекратиться. Поэтому на ручное ткачество нормировка цен не должна распространяться [6: с. 393]. Таких прибылей текстильные магнаты Москвы еще никогда не получали.

Громадные прибыли получали в годы мировой войны владельцы химических и резиновых заводов. Так, чистая прибыль завода «Богатырь» в Москве, выпускающего резиновые изделия для армии, увеличивалась из года в год. В 1913 году завод получил прибыли 434 139 рублей, в 1914 году — 887 428 рублей, в 1915 году — 2 674 167 рублей и в 1916 году — 15 178 298 рублей [5: с. 17]. Такой гигантский скачок мог быть только при условии военных заказов и поддержки правительственных органов. Небольшой химический завод акционерного общества «Шеринг» в 1915 году выпустил химической продукции на 194 018 рублей, не считая стоимости 480 пудов тетрила для Артиллерийского ведомства по цене около

230 рублей за пуд (РГВИА. Ф. 369. Оп. 4. Д. 83. Л. 53). Не менее быстро развивались и другие химические заводы в Москве.

Приведенные факты свидетельствуют о быстром росте прибыли московской буржуазии и финансовых магнатов города. В целом за годы Первой мировой войны общая стоимость выпускаемой продукции в Москве увеличилась почти на 100 млн рублей: с 556 883 млн в 1914 году до 656 112 млн рублей к концу войны. Полученные прибыли были использованы московскими капиталистами на расширение фабрик и заводов и открытие новых акционерных обществ. Так, в годы войны в Москве возникло акционерное общество «Автомобильный Московский завод» с основным капиталом 10 млн рублей (ЦИАМ. Ф. 861. Д. 1. Д. 67. Л. 5 об.). В 1915 году в Москве Н.А. Второв, Н.Ф. фон Дитмар, И.А. Морозов и др. создали акционерное общество «Коксобензол» с основным капиталом в 4 млн рублей (ЦИАМ. Ф. 51. Оп. 10. Д. 1626. Л. 3; Ф. 2204. Оп. 2. Д. 23. Л. 33 об.). Н.А. Второв построил в Москве два громадных снаряжательных завода и начал весной 1916 года строить третий завод около разъезда Затишье Московско-Нижегородской железной дороги (РГВИА. Ф. 512. Оп. 1. Д. 226. Л. 216), на которых наполнялись взрывчаткой снаряды, получаемые с заводов, работавших на Организацию генерала Ванкова. Летом 1915 года группа крупнейших предпринимателей: Н.И. Прохоров, братья Рябушинские и др. — учредили «Московское военно-промышленное товарищество на паях 1915 года» с основным капиталом 6 млн рублей. Завод товарищества должен был выпускать снаряды (РГВИА. Ф. 512. Оп. 1. Д. 408. Л. 7).

Во время войны почти все предприятия Москвы расширились и увеличивали свои капиталы. Строились новые подъездные пути к Московскому металлургическому заводу, расширялись цеха. На реорганизацию предприятия предполагалось израсходовать 1 862 000 рублей. Стоимость же выпускаемых изделий после переоборудования завода должна была возрасти до 5,5 млн руб. ежегодно (ЦИАМ. Ф. 498. Оп. 1. Д. 976. Л. 13). Основные капиталы в условиях войны увеличились на заводе «Бр. Бромлей» с 3 млн рублей до 6 млн в 1916 году (ГАРФ. Ф. 7952. Оп. 3. Д. 99. Л. 148). Коломенский завод увеличил свои капиталы с 12 млн в 1911 году до 15 млн рублей в 1915 году [1: с. 177]. Приумножил основные капиталы завод «Богатырь». Так, если в 1914 году основной капитал завода был 9 938 000 рублей, то к 1 января 1917 года он увеличился до 22 500 000 рублей [5: с. 17].

Таким образом, московская буржуазия воспользовалась участием России в Первой мировой войне и на военных поставках заработала огромные прибыли, которые использовала для расширения промышленных предприятий. Это произошло в силу ряда причин. Одной из них было то, что Россия не была готова к мировой войне. Царское правительство вынуждено было привлечь частную промышленность к нуждам государственной обороны и большим правительственным заказам. Этим и воспользовалась московская буржуазия для получения сверхприбылей. За время войны она окрепла и была в состоянии развивать производство, конкурируя с иностранными фирмами.

Литература

1. Из истории фабрик и заводов Москвы и Московской губернии (конец XVIII – начало XX в.). Обзор документов / Под ред. В.А. Невзорова. М.: Изд-во ЦГАМ, 1968. 335 с.
2. Известия Общества заводчиков и фабрикантов и фабрикантов Московского промышленного района. 1915. № 5.
  - 2а. Известия Общества заводчиков и фабрикантов и фабрикантов Московского промышленного района. 1916. № 7.
  - 2б. Известия Общества заводчиков и фабрикантов и фабрикантов Московского промышленного района. 1916. № 10.
3. *Лаверычев В.Я.* Монополистический капитал в текстильной промышленности России (1900–1917 гг.). М.: МГУ, 1963. 423 с.
4. *Пажитнов К.А.* Очерки истории текстильной промышленности дореволюционной России. Шерстяная промышленность. М.: АН СССР, 1955. 247 с.
5. *Панфилова А.М.* История завода «Красный Богатырь». М.: МГУ, 1956. 128 с.
6. *Сидоров А.Л.* Финансовое положение России в годы Первой мировой войны (1914–1917). М.: Изд-во АН СССР, 1960. 579 с.

Literatura

1. Iz istorii fabrik i zavodov Moskvy' i Moskovskoj gubernii (konecz XVIII – nachalo XX v.). Obzor dokumentov / Pod red. V.A. Nevzorova. M.: Izd-vo CGAM, 1968. 335 s.
2. Izvestiya Obshhestva zavodchikov i fabrikantov i fabrikantov Moskovskogo promy'shlennogo rajona. 1915. № 5.
  - 2а. Izvestiya Obshhestva zavodchikov i fabrikantov i fabrikantov Moskovskogo promy'shlennogo rajona. 1916. № 7.
  - 2б. Izvestiya Obshhestva zavodchikov i fabrikantov i fabrikantov Moskovskogo promy'shlennogo rajona. 1916. № 10.
3. *Lavery'chev V.Ya.* Monopolisticheskij kapital v tekstil'noj promy'shlennosti Rossii (1900–1917 gg.). M.: MGU, 1963. 423 s.
4. *Pazhitnov K.A.* Oчерki istorii tekstil'noj promy'shlennosti dorevoljucionnoj Rossii. Sherstyanaya promy'shlennost'. M.: AN SSSR, 1955. 247 s.
5. *Panfilova A.M.* Istoriya zavoda «Krasny'j Bogaty'r'». M.: MGU, 1956. 128 s.
6. *Sidorov A.L.* Finansovoe polozhenie Rossii v gody' Pervoj mirovoj vojny' (1914–1917). M.: Izd-vo AN SSSR, 1960. 579 s.

T.V. Ershova

**The financial Profit of Moscow Bourgeoisie during the First World War
in 1914–1917**

The article considers the financial and economic activity of representatives of the Moscow bourgeoisie. A system of enrichment based on military supplies in the conditions of the First World War is shown.

Keywords: finances; Moscow bourgeoisie; the First World War.

Ю.С. Лузгина

Три кита демократизации русской армии в конце 1917 года

В статье рассматривается процесс смены комиссаров Временного правительства на большевистских в русской армии в конце 1917 года, а также реакция военных комиссаров на происходившие события.

Ключевые слова: Первая мировая война; демократизация армии; комиссары Временного правительства; В.Б. Станкевич; большевики; эсеры; революция 1917 года.

Демократизация русской армии, находившейся в состоянии войны с Четвертым союзом, началась еще при Временном правительстве, выпустившим известный приказ № 1 и с июля 1917 года учредившим должности политических комиссаров в армии. Идея введения института комиссаров, контролирующего командный состав от имени новой революционной власти, была заимствована из опыта Французской революции конца XVIII века. По выражению одного из вождей Белого движения — генерала А.И. Деникина, «негласной обязанностью комиссаров явилось наблюдение за командным составом и штабами, в смысле их политической благонадежности» [4: с. 291]. Известными комиссарами Временного правительства были Б.В. Савинков, В.Б. Станкевич и др. Военный комиссар Киева в 1917 году К.М. Оберучев — «представитель временной революционной власти» — вспоминал, что ему приходилось разъяснять солдатам ошибочность взгляда на офицерство как на исключительно контрреволюционную касту [8: с. 13].

Следует отметить, что полноценного института армейских комиссаров Временному правительству создать не удалось ввиду его кратковременного существования. Уже в сентябре 1917 года А.Ф. Керенским был издан приказ № 49 о прекращении политработы в войсках, ограничении работы комиссаров, а также о прекращении арестов и смещений офицеров. Запрещалось формирование каких бы то ни было революционных отрядов [10: с. 72]. Но было уже поздно — процесс демократизации шел полным ходом. Датой прекращения деятельности института комиссаров Временного правительства исследователи называют 18 ноября

1917 года, когда армию покинул верховный комиссар (или, по терминологии того времени, «комиссарверх») Станкевич. Права и обязанности армейских комиссаров не были четко обозначены вплоть до падения Временного правительства.

Пришедшие к власти в октябре 1917 года большевики были заинтересованы в усилении своего влияния в армии и уже на II съезде Советов 26 октября постановили приступить к смене комиссарского состава в воинских частях [3: с. 57, 103]. Комиссары Временного правительства должны были быть смещены, на эти посты предполагалось поставить комиссаров съезда Советов, наделенных чрезвычайными полномочиями вплоть до создания Временных революционных комитетов (ВРК), на которые предполагалось возложить ответственность за революционный порядок и твердость фронта [7: с. 15].

Постараемся проследить на основе газетных сообщений и иных документов той эпохи, как происходила смена комиссарского состава в русской армии, охваченной к концу 1917 года пораженческими настроениями, но еще ведущей войну с Германией и Австро-Венгрией. Большинство комиссаров Временного правительства были эсерами, кадетами и представителями других партий. Большевики старались вырвать армию из-под влияния своих идеологических противников. В первые же месяцы после переворота часть комиссаров армии и флота были отстранены от должности и арестованы ВРК, в том числе «вождь революции» В.С. Войтинский, комиссар Северного фронта В. Шубин, генеральный комиссар Черноморского флота И.И. Бунаков-Фундаминский и др.¹ Об аресте временно исполняющего должность комиссара Северного фронта докладывал В.Л. Барановский, в то время занимавший должность генерал-квартирмейстера штаба Северного фронта [1: с. 460]. В.Б. Станкевич активно противодействовал большевикам. Так, в ноябре 1917 года в разговоре с новым верховным главнокомандующим (главверхом, или, как его иронически называли противники, верхопрапом, так как в царской армии он имел только чин прапорщика) Н.В. Крыленко Станкевич брал на себя ответственность за неисполнение действующей армией приказов советской власти и верховного главнокомандования о начале переговоров с немцами, указывая, что из 15-ти армий только три признали Крыленко. «Если некоторые фронты и были оповещены об инструкциях перемирия», — телеграфировал Станкевич, — «юго-западный, румынский и кавказский фронты не получали их»². Комиссары собирали сведения о настроениях солдат, их отношении к петроградским событиям. В революционной армии вопрос о комиссарах становился насущным. Комиссары Временного правительства препятствовали распространению большевистской агитации даже после октябрьского переворота. Но главной заботой комиссаров и командиров русской армии в октябре — ноябре 1917 года был вопрос продовольственный. Эсеровская газета «Дело

¹ Дело народа: орган Центрального комитета партии социалистов-революционеров. 1917. № 198. 3 ноября. С. 2; № 207. 12 ноября. С. 5; № 210. 15 ноября. С. 3; № 232. 14 декабря. С. 4.

² Русский солдат-гражданин во Франции: Центральный орган Отрядного комитета русских войск во Франции. 1917. № 109. 17 ноября. С. 1.

народа» регулярно публиковала телеграммы комиссаров о нехватке хлеба, требования «именем России, именем свободы» наладить дело снабжения³.

Перед лицом большевизма наблюдалось определенное сплочение командиров и комиссаров русской армии, например, некоторые комиссары созывали съезды офицеров совместно с армейскими комитетами⁴. Таким образом, не признавая власти большевиков, армия признавала комиссаров Временного правительства и даже шла с ними на сотрудничество. В газете русского корпуса, воевавшего во Франции, «Русский солдат-гражданин во Франции», сообщалось о прибытии комиссара русских войск на Салоникский фронт и беспрепятственном (со стороны офицеров) инспектировании им войск⁵.

Смена командиров, комиссаров и комитетов — это «три кита демократизации» армии, по выражению историка М.А. Молодцыгина [7: с. 36], т. е. избавление армии от так называемых «контрреволюционных элементов» (царских офицеров, комиссаров-эсеров и т. д.), решение вопроса о перемирии и демобилизация. Приказ о демобилизации взбудоражил армию, возможно, даже больше, чем все остальные революционные события. Командиры в войсках с беспокойством воспринимали новость о назначенных в армию комиссаров СНК (Совета народных комиссаров), так как те были поставлены на места для полного контроля переписки и работы штабов [1: с. 454].

У солдат к перевороту было троякое отношение. Как сообщали 31 октября 1917 года эсеру Г.И. Семенову, комиссару 9-й армии, занимавшему эту должность с лета 1917 года, в армии были противники большевиков, сочувствующие им и колеблющиеся. Причем за большевиков ратовали в основном солдаты из запасных полков, часть из которых «пробралась» в ротные комитеты [2: с. 117–118]. Это соотносится с выводом М.А. Молодцыгина, что быстрее в процесс большевизации втягивались низовые комитеты [7: с. 27].

Оппозиционные газеты не оставались в стороне от разоблачений и критики действий большевистских комиссаров. «Дело народа» регулярно помещала заметки про нарушение новыми комиссарами железнодорожного движения, про захват отдельных комиссариатов армий и неподчинение воинских частей Украины большевикам⁶. В ноябрьском номере «Дела народа» была помещена статья под названием «Комиссар с прошлым», где говорилось, что назначенный СНК комиссар 12-й армии Риббе, из прапорщиков Латышского полка, ранее обвинялся в германском шпионаже, был приговорен к аресту,

³ Дело народа: орган Центрального комитета партии социалистов-революционеров. 1917. № 202. 7 ноября. С. 3.

⁴ Русский солдат-гражданин во Франции: Центральный орган Отрядного комитета русских войск во Франции. 1917. № 110. 18 ноября. С. 5.

⁵ Русский солдат-гражданин во Франции: Центральный орган Отрядного комитета русских войск во Франции. 1917. № 104. 11 ноября. С. 6; № 114. 2 декабря. С. 1.

⁶ Дело народа: орган Центрального комитета партии социалистов-революционеров. 1917. № 199. 4 ноября. С. 4; № 229. 10 декабря. С. 3; № 231. 13 декабря. С. 2.

но сбежал⁷. Поэтому вскоре большевистские комитеты и комиссары получили распоряжение ВРК Ставки главковерха принять меры к прекращению распространения оппозиционных (оборонческих) газет и «контрреволюционной буржуазной печати» [9: с. 200].

Как видели свои обязанности новые комиссары, вынужденные противостоять сторонникам прежних властей в лице комиссаров и командиров? Один из назначенных партией большевиков комиссаров, Кожевников, утвержденный чрезвычайным советом в должности комиссара 4-й армии в ноябре 1917 года и именовавшийся «народным комиссаром 4-й армии», сразу после выборов обратился с речью к армейским революционным организациям. В ней он призывал командиров (признанных солдатами) и комитеты к сотрудничеству с ним как «представителем Совета народных комиссаров» (в противовес «представителям временной революционной власти»), просил извещать его о происходящем в частях и противодействовать контрреволюции, а также сообщал, что им «приняты меры о пересмотре вопроса о военных комиссарах, должности которых занимают лица, поставленные бывшим Временным правительством» [2: с. 282]. Крыленко, назначив М.И. Зарембо временным комиссаром 18-го армейского корпуса, определил его задачи так: отстранение от должности командиров и комиссаров прежнего правительства, распространение приказа о демобилизации армии, созыв корпусного съезда и образование ВРК, наблюдение за выполнением условий перемирия [2: с. 296].

Комитеты требовали от комиссаров смещения неугодных командиров, были случаи, когда комиссары сами распускали части во исполнение приказа о демобилизации [2: с. 379], иногда сами большевистские комиссары и комитеты были бессильны перед отказом частей идти в наступление или сдерживать бесчинства демобилизованных. «Наши организации решили во что бы то ни стало вывести армии с румынской территории, лишить власти Щербачёва и самозванцев-комиссаров», — такие телеграммы посылали в январе 1917 года большевики фронтового комитета Румынского фронта. По утверждению комитета, Щербачёв со своими комиссарами стремился уморить армию голодом [2: с. 394].

Но уже в декабре Ставка призывала комиссаров препятствовать дезертирству с фронта, а глава СНК В.И. Ленин срочно телеграфировал комиссарам армии о задержании телеграмм народного комиссара по военным и морским делам (наркомвоенмора) Л.Д. Троцкого о демобилизации [5: с. 16]. В отдельных частях вырабатывались положения о комиссарах, например, в положении 1-й армии объявлялось, что комиссары являются представителями органов военного контроля [9: с. 258].

Двадцать третьего декабря вышло положение о формировании на добровольной основе Красной гвардии. Комиссары, по этому положению, обязывались уведомлять управление Северного фронта о ходе формирования красногвардейских частей [9: с. 307]. Комиссары Красной гвардии, среди которых было много

⁷ Дело народа: орган Центрального комитета партии социалистов-революционеров. 1917. № 203. 8 ноября. С. 3.

людей с солидным партийным стажем, что очень в то время ценилось (например, М.С. Богданов, В.А. Троицкий, П.И. Вишнякова и др.), проводили занятия на политические темы для красногвардейцев, производили запись в Красную гвардию [6: с. 97; 9: с. 330]. Комиссаром красногвардейского отряда был и В.К. Блюхер, будущий легендарный полководец Гражданской войны и маршал Советского Союза.

Во исполнение приказа о выборном начале в армии должность комиссара также становилась выборной. Исполнительный комитет солдатских депутатов 12-й армии рекомендовал выбирать комиссарами людей, признающих советскую власть, предупреждая, что оппозиционно настроенные люди не будут утверждены в должности комиссаром армии [9: с. 253]. В соответствии с временным положением о демократизации армии оперативные, боевые, санитарные вопросы, вопрос снабжения оставались в ведении прежних органов, но под контролем комиссаров и комитетов, с «согласия которых отдаются распоряжения и приказы этих органов» [9: с. 226]. О ходе демократизации армии, остроумно названной исследователем М.А. Молодцыгиным «большевизацией» [7: с. 37], комиссары-большевики доносили в вышестоящие органы, как до них это делали военные комиссары Временного правительства.

Таким образом, можно сказать, что курс большевистского правительства на заключение мира с Германией и проведение демобилизации русской армии, не был поддержан не только большинством офицеров, но и комиссарским составом, поставленным в армии при Временном правительстве. «Представители временной революционной власти» в какой-то момент пошли на объединение с командным составом в намерении продолжать отечественную войну, выступали против переговоров с врагом, срывали братания. Одним из самых важных для комиссаров и командиров в послеоктябрьские дни стал вопрос продовольственный. Предупреждая о возможном голоде в армии, они посылали в центр тревожные телеграммы. Можно предположить, что часть комиссаров Временного правительства надеялась на быстрое падение большевиков, поэтому стремилась продолжать исполнение своих обязанностей, особенно в армиях, удаленных от столицы.

Комиссары большевистской партии, которыми стали заменять комиссаров прежнего правительства, не всегда пользовались тем влиянием, на которое рассчитывали и иногда были вынуждены сами бороться с бесчинствами демобилизованных солдат, оказавшись, таким образом, заложниками армейских комитетов и солдатской массы. Политическая борьба развернулась на фронте еще в начале 1917 года, но после октябрьского переворота окончательно вылилась в жесткое противостояние двух лагерей, став, таким образом, прообразом будущей Гражданской войны. Прежние комиссары армии и флота арестовывались за свое несогласие с действиями армейских комитетов и большевиков, контрреволюционная печать закрывалась, за чем следили комиссары нового правительства. Представители обеих властей собирали сведения о настроениях солдат, их отношении к заключению мира, к политической обстановке в стране. По мере укрепления

власти большевиков оппозиционно настроенные кандидаты от армейских комитетов лишались возможности попасть на должность комиссара.

После подписания Брестского мира и окончательной демобилизации армии в начале 1918 года советская власть начала целенаправленно создавать институт политических комиссаров в армии, учитывая в том числе опыт деятельности комиссаров Временного правительства.

Литература

1. 1917. Разложение армии / Под ред. В.Л. Гончарова. М.: Вече, 2010. 496 с.
2. Большевики Молдавии и Румынского фронта в борьбе за власть Советов (март 1917 г. – январь 1918 г.). Документы и материалы. Кишинев: Картя Молдовеняскэ, 1967. 449 с.
3. Второй Всероссийский съезд советов рабочих и солдатских депутатов. М.; Л.: Госиздат, 1928. 182 с.
4. *Деникин А.И.* Очерки русской смуты. Т. 1: Крушение власти и армии, февраль – сентябрь 1917. М.: Наука, 1991. 520 с.
5. Директивы Главного командования Красной Армии (1917–1920). Сборник документов. М.: Воениздат, 1969. 884 с.
6. *Конеv А.М.* Красная Армия на защите Октября. М.: Наука, 1989. 336 с.
7. *Молодцыгин М.А.* Красная Армия: рождение и становление, 1917–1920 гг. М.: ИРИ РАН, 1997. 231 с.
8. *Оберучев К.М.* Офицеры в русской революции. Нью-Йорк: Первое русское издательство в Америке, 1918. 52 с.
9. Октябрьская революция и армия. 25 октября 1917 – март 1918 г. Сборник документов / Под ред. Л.С. Гапоненко. М.: Наука, 1973. 456 с.
10. Севастополь: Хроника революций и гражданской войны 1917–1920 гг. / Под ред. В.В. Крестьянкина. Симферополь: Государственный комитет архивов Украины, Государственный архив г. Симферополя, 2005. 294 с.

Literatura

1. 1917. Razlozhenie armii / Pod red. V.L. Goncharova. M.: Veche, 2010. 496 s.
2. Bol'sheviki Moldavii i Rumu'nskogo fronta v bor'be za vlast' Sovetov (mart 1917 g. – yanvar' 1918 g.). Dokumenty' i materialy'. Kishinev: Kartya Moldovenyaske', 1967. 449 s.
3. Vtoroj Vserossijskij s'ezd sovetov rabochix i soldatskix deputatov. M.; L.: Gosizdat, 1928. 182 s.
4. *Denikin A.I.* Ocherki russkoj smuty'. T. 1: Krushenie vlasti i armii, fevral' – sentyabr' 1917. M.: Nauka, 1991. 520 s.
5. Direktivy' Glavnogo komandovaniya Krasnoj Armii (1917–1920). Sbornik dokumentov. M.: Voenizdat, 1969. 884 s.
6. *Konev A.M.* Krasnaya Armiya na zashhite Oktyabrya. M.: Nauka, 1989. 336 s.
7. *Molodczy'gin M.A.* Krasnaya Armiya: rozhdenie i stanovlenie, 1917–1920 gg. M.: IRI RAN, 1997. 231 s.
8. *Oberuchev K.M.* Oficery' v russkoj revolyucii. N'yu-Jork: Pervoe russkoe izdatel'stvo v Amerike, 1918. 52 s.
9. Oktyabr'skaya revolyuciya i armiya. 25 oktjabrja 1917 – mart 1918 g. Sbornik dokumentov / Pod red. L.S. Gaponenko. M.: Nauka, 1973. 456 s.

10. Sevastopol': Xronika revolyucij i grazhdanskoj vojny' 1917–1920 gg. / Pod red. V.V. Krest'yankina. Simferopol': Gosudarstvenny'j komitet arxivov Ukrainy', Gosudarstvennyj arxiv g. Simferopolya, 2005. 294 s.

Y.S. Luzgina

**«Three Pillars of Democratization» of the Army.
Replacing the Commissioners of the Provisional Government
by Bolshevik Commissars in the Russian Army in the End of 1917**

In 1917, when Russia was at war with Germany, in the Russian army under the influence of revolutionary events democratization occurred. Launched by the Provisional Government, it was continued by the Soviet government that came to power in October 1917, which immediately decreed to replace the military commissars of the former government at the army by Bolshevik commissars. The article considers the process of changing of the composition of the commissars, as well as the reaction of the military commissars at occurring events.

Keywords: the First World War; democratization of the army; commissioners of the Provisional Government; V.B. Stankevich; Bolsheviks; Socialist-Revolutionaries; Revolution of 1917.

В.М. Антоненко

История советской таможни на Северном Сахалине в 20–30-е годы XX века

В статье рассматриваются особенности становления и первых лет работы таможенных органов на Северном Сахалине после установления советской власти, вопросы введения и прекращения действия режима порто-франко на данной территории, взаимоотношения с японскими нефтяными концессиями и проблемы борьбы с контрабандой.

Ключевые слова: таможня; Сахалинская область; порто-франко; нефтяные концессии; контрабанда.

Изучение истории Дальневосточной таможни в последние десятилетия все больше привлекает внимание историков. Во многом этот интерес связан с активным экономическим развитием Дальневосточного региона. Торгово-экономические интересы государства, местных органов власти и бизнеса Дальнего Востока в целом и Сахалинской области, в частности, направлены на развитие партнерских отношений как с другими регионами России, так и с соседними государствами. Проблемы, с которыми сталкивается область в наши дни — сложность доставки грузов, их высокая стоимость, — были актуальны на протяжении всего XX века. Опыт прошлых лет работы областной таможни: механизмы ее взаимодействия с центром, способы решения спорных вопросов, связанных с взаимоотношением с иностранными компаниями, борьба с контрабандой — может быть полезен в деятельности современной таможни.

Целью данной работы является изучение истории становления таможенных органов на Северном Сахалине, фактически, с чистого листа, в новых политических и экономических реалиях; а также понимание места и роли таможни в условиях освоения и развития вновь присоединенной к СССР территории.

После достижения дипломатических договоренностей с Японией, весной 1925 года на Северном Сахалине начинается подготовка к формированию советского административного аппарата (с мая 1920 года по 15 мая 1925 года Северный Сахалин был оккупирован японскими войсками). На заседании Президиума ДРК 10 апреля 1925 года было решено создать в Александровске таможню второго разряда для осуществления таможенного надзора (РГИА ДВ. Ф. Р-2443. Оп. 1. Д. 62. Л. 10). Управляющим таможней был назначен К.Д. Бузанов (РГИА ДВ. Ф. Р-2443. Оп. 1. Д. 28. Л. 7). 26 апреля первые сотрудники советской таможни на Северном Сахалине прибыли на остров. Ими были, помимо управляющего, старший контролер А.Г. Кобелев, делопроизводитель

И.Н. Кравцов, помощник корабельного смотрителя первого разряда П.В. Пак (РГИА ДВ. Ф. Р-2443. Оп. 1. Д. 28. Л. 7). Непосредственно приступила к исполнению своих функциональных обязанностей Александровская таможня 15 мая 1925 года в момент ухода с Сахалина представителей бывшей японской администрации (РГИА ДВ. Ф. Р-2443. Оп. 1. Д. 28. Л. 2, 30).

В административном порядке таможня подчинялась как уполномоченному НКВД на Северном Сахалине, так и Главному таможенному управлению Дальневосточного округа (ГТУ ДВО), районному таможенному инспектору в соответствии с правилами Таможенного устава СССР от 12 декабря 1924 года (Законы России: [сайт]. URL: http://www.lawrussia.ru/texts/legal_861/doc861a837x887.htm). В первые месяцы своей работы Александровская таможня входила в районное подчинение Николаевской-на-Амуре районной таможни (РГИА ДВ. Ф. Р-2443. Оп. 1. Д. 28. Л. 37). Однако на собрании Сахалинского ревкома 29 сентября 1925 года такое положение было подвергнуто резкой критике: «о. Сахалин является самостоятельным округом, во-первых, во вторых — проводимая таможенная работа на Сахалине имеет своеобразные специфические стороны, которые ничего общего с Николаевской таможней не имеют и разрешение их в компетенцию Николаевской таможни не входит, и в третьих — как показала практическая работа в текущую навигацию, Николаевская на Амуре таможня, вследствие плохой связи с Сахалином, фактически не руководила Александровской таможней и на будущее время руководить Сахалинскими Тамучреждениями не сможет в дальнейшем»¹ (РГИА ДВ. Ф. Р-2443. Оп. 1. Д. 28. Л. 87). По рекомендации островных властей, ДВО ГТУ было принято решение сделать Александровскую таможню районной с подчинением областному таможенному округу (РГИА ДВ. Ф. Р-2443. Оп. 1. Д. 28. Л. 76).

В конце 1925 года была образована Охинская таможня. Точную дату образования таможни установить не удалось, однако, поскольку основной функцией Охинской таможни являлся контроль над грузооборотом концессий, то, соответственно, можно предположить, что служба начала функционировать 14 декабря 1925 года с момента подписания концессионного договора на эксплуатацию на Северном Сахалине нефтяных и угольных месторождений [2: с. 21]. Ее основной функцией был контроль над импортно-экспортными операциями сахалинских концессий («концессия — договор о передаче в эксплуатацию на определенный срок природных богатств, предприятий и других хозяйственных объектов, принадлежащих государству» [1: с. 633]). По данным на 1935 год в дислокацию Охинской таможни входили 4 таможенных поста — Кайган-Оха, Пильтун, Чайво, Катангли, — таможенные операции производились в порту Москальво во время командировок туда работников таможни (РГИА ДВ. Ф. Р-4398. Оп. 1. Д. 9. Л. 53, 54).

На основании действующего законодательства с приходом советской власти на Северный Сахалин распространялась монополия государственной внешней торговли.

Для того чтобы взять под контроль таможни все товары заграничного происхождения, находящиеся к моменту установления советской власти

¹ Здесь и далее при цитировании сохраняется орфография и пунктуация источника.

на Северном Сахалине, было принято решение об их клеймении без взимания таможенных пошлин и акцизов для того, чтобы отличать их от возможной контрабанды (РГИА ДВ. Ф. Р-2443. Оп. 1. Д. 62. Л. 10, 39). Однако этот процесс не всегда проходил гладко. Обращает на себя внимание переписка между Александровской таможней, Дальневосточным промышленным бюро и начальником Дальневосточного таможенного округа (РГИА ДВ. Ф. Р-2443. Оп. 1. Д. 62. Л. 36, 38, 54, 55, 57). Суть вопроса состояла в следующем: японская торговая фирма «Ничиро Дзицуго Кайша» под разными предложениями оттягивала момент клеймения товаров, хранящихся на складах по предоставленным ими спискам. Клейменный сбор с каждой отдельной бандероли составлял от 2 до 3 копеек. За три дня до окончания срока клеймения товаров представители «Ничиро Дзицуго Кайша» заключили договор с частной русской компанией «Товарищество “Труд”», которое в свою очередь также пыталось растянуть сроки проведения клеймения, объясняя это риском порчи товара (табачных изделий).

С началом работы концессий на Северном Сахалине клеймение товаров было приостановлено на неопределенный срок (РГИА ДВ. Ф. Р-2443. Оп. 1. Д. 62. Л. 125).

Во время переговоров по заключению концессионного договора наблюдалось довольно лояльное отношение высшего руководства СССР к процессу обеспечения концессий необходимой техникой, а их работников — товарами (РГИА ДВ. Ф. Р-2443. Оп. 1. Д. 62. Л. 85, 93). Однако таможня была в затруднительном положении касательно своих действий по отношению к концессионным грузам (РГИА ДВ. Ф. Р-2443. Оп. 1. Д. 62. Л. 126). С одной стороны, работникам таможни как государственным чиновникам необходимо было четко следовать букве закона, с другой — зачастую распоряжения, поступающие «сверху», противоречили существующему законодательству, либо необходимые нормы или разъяснения по конкретным случаям попросту отсутствовали (РГИА ДВ. Ф. Р-2443. Оп. 1. Д. 28. Л. 31). Хотя в процессе обсуждения концессионных договоров власти на местах высказывались за сохранение таможенных пошлин на товары, ввозимые для пользования концессионером (РГИА ДВ. Ф. Р-2443. Оп. 1. Д. 62. Л. 38), было принято решение о беспошлинном ввозе необходимых грузов, которое фактически действовало до вступления договоров в законную силу 14 декабря 1925 года (РГИА ДВ. Ф. Р-2443. Оп. 1. Д. 62. Л. 85). Список товаров, разрешенных к ввозу на сахалинские концессии, определялся концессионным договором (РГИА ДВ. Ф. Р-2470, Оп. 1. Д. 211. Л. 76).

В связи с монополией внешней торговли особо острой становится проблема снабжения населения острова. Поэтому с самого начала работы таможни возникает вопрос «о законодательных нормах контроля товаров, поступающих на Северный Сахалин» (РГИА ДВ. Ф. Р-2443. Оп. 1. Д. 62. Л. 2). Начиная с весны 1925 года появляются проекты установления на Сахалине порто-франко (режима беспошлинной торговли) (Карилин К.Г. Порто-франко на Северном Сахалине // Сибирская заимка. 2000. № 4: [сайт]. URL: <http://zaimka.ru/soviet/karlin1.shtml>). Решение

о распространении порто-франко на Северный Сахалин было принято СНК СССР 24 ноября 1925 года (Там же).

Список товаров, которые поступали на сахалинский рынок, определялся Таможенно-тарифным комитетом (РГИА ДВ. Ф. Р-2470. Оп. 1. Д. 211. Л. 76). Закупкой товаров по спискам занимался Дальгосторг, причем импортные товары поступали на Северный Сахалин на основании ввозных разрешений (РГЭА. Ф. 5240. Оп. 1. Д. 26. Л. 57). Заграничные и отечественные товары попадали на Сахалин через Владивосток со сложением пошлин и акцизов. Однако до 25 ноября 1925 года, даты официального введения порто-франко на Сахалине, с завозимых товаров взимались пошлины и акцизы в полном объеме. Кроме того, поставляемые Дальгосторгом товары скупались как частниками-перекупщиками, так и местным торговым кооперативом, что в совокупности давало пятидесятипроцентную наценку на розничные цены во Владивостоке (РГИА ДВ. Ф. Р-2470. Оп. 2. Д. 13. Л. 34). Снабжением Рыбновского района занимался Дальгосрыбтрест, а товары проходили через Николаевскую-на-Амуре таможду (РГИА ДВ. Ф. Р-2443. Оп. 1. Д. 157. Л. 29). Таким образом, утвержденные ТТК товары «делилась на два списка: товары по списку “А” проходили через Александровскую таможду, товары по списку “Б” предназначались для рыбных промыслов Сахалина» (Карилин К.Г. Порто-франко на Северном Сахалине // Сибирская заимка. 2000. № 4: [сайт]. URL: <http://zaimka.ru/soviet/karlin1.shtml>). Режим порто-франко просуществовал на Сахалине до конца 1920-х годов (Там же), однако в целях поддержки отечественной промышленности (нефтяной и рыбной) беспошлинное и безлицензионное право ввоза на острова иностранных товаров для отдельных предприятий и категорий работников было закреплено в ряде законодательных актов: постановлении СНК СССР от 12 декабря 1928 года «О предоставлении тресту Сахалиннефть таможенных льгот»; постановлении СНК СССР от 18 июня 1929 года (с изменениями от 28 октября 1930 года № 590б) «О разрешении беспошлинного и безлицензионного ввоза товаров из заграницы на рыбные промысла ДВК» и постановлении СНК СССР от 28 октября 1930 года № 590а «О разрешении беспошлинного и безлицензионного ввоза из заграницы товаров в некоторое местности ДВК и ЯАССР» (РГИА ДВ. Ф. Р-2443. Оп. 1. Д. 284. Л. 30). Функции таможни применительно к завозу импортных грузов для государственных организаций сводились к «проверке соответствия прибывшего из заграницы груза сопроводительным документам и к периодическому обзору отчетности государственных организаций в целях установления обращения льготных предметов по прямому назначению» (РГИА ДВ. Ф. Р-2443. Оп. 1. Д. 284. Л. 31).

Проанализировав деятельность Охинской таможни², можно сделать вывод, что в 20–30-е годы XX века таможня неоднократно сталкивалась с нарушениями действующего таможенного законодательства со стороны японских

² В отечественной историографии присутствует точка зрения, что со стороны местных административных органов наблюдалось предвзятое отношение к деятельности концессионеров [3: с. 2].

нефтяных концессий. Так, были неоднократно выявлены случаи контрабанды и спекуляции товаров. Огромной проблемой было пресечение незаконной продажи алкоголя населению: «Концессионер наряду с законной продажей товаров из своей лавки предусмотренной концессионным договором имел такую же параллельную незаконную контрабандную торговлю со складов отдела снабжения по неимоверно высоким ценам с целью мобилизации червонца в свои руки необходимые ему на внутренние расходы предприятия в Охе и тем избежать ввоза иены из Японии в СССР на предмет законного обмена червонца» (РГИА ДВ. Ф. Р-4398. Оп. 1. Д. 4. Л. 14). Для борьбы с неконтролируем сбытом на сторону иностранных товаров ГТУ в 1932 году было решено создать специальные удостоверения (заборные книжки) с печатью для работников концессий, прикрепляющие их к определенному концессионному магазину; в свою очередь Охинская таможня должна была вести карточный учет (РГИА ДВ. Ф. Р-2443. Оп. 1. Д. 289. Л. 72). Более того, были случаи, когда государственные организации, находящиеся на Северном Сахалине, закупали иностранные товары для целей, выходящих за рамки их компетенции (РГИА ДВ. Ф. Р-2443. Оп. 1. Д. 406. Л. 6; Ф. Р-2443. Оп. 1. Д. 296. Л. 5). Для пресечения подобных случаев особым указанием ГТУ от 25 декабря 1932 года было «необходимо со всей жесткостью применять установления таможенного Кодекса о контрабанде» (РГИА ДВ. Ф. Р-2443. Оп. 1. Д. 289. Л. 5). Из отчетов Охинской таможни 1935 года видно, что проблема с вывозом на материк импортных товаров, купленных в концессионных магазинах рабочими концессий с целью перепродажи на рынках Хабаровска, Благовещенска и других соседних городов, приобретает массовый характер: «способы ухищрений к вывозу на материк заграничных товаров аналогичны способам квалифицированных контрабандистов, как то: скрывание часов в половом органе женщины, подвязка часов под коленками у мужчин, скрывание ценностей в белье и вещах, кроме этого не исключена возможность скрывания ценностей в банках разных консервов, сале, масле и хлебе» (РГИА ДВ. Ф. Р-2443. Оп. 1. Д. 406. Л. 14). В связи с этим не раз в переписке Охинской таможни и ДВО ГТУ вставал вопрос об открытии таможенного поста в порту Москальво, который не был решен в рассматриваемый период. Нередки были случаи завоза концессионером товаров низкого качества (гнилых овощей, материи плохого качества и т. п.), которые выявлялись таможенными чиновниками (РГИА ДВ. Ф. Р-2443. Оп. 1. Д. 406. Л. 25). Однако, трудности при пресечения существующих нарушений как колдоговора, так и норм советского законодательства возникали, в том числе, в связи с отсутствием слаженности в работе контролирующих концессии органов. Так, у таможни были напряженные отношения с местным отделением ОГПУ, которое не всегда оперативно реагировало на предоставляемые ему материалы о выявленных нарушениях.

Для того чтобы сглаживать возникающие конфликты (линия поведения, проводимая высшим руководством СССР по отношению к японским концессионерам), Охинской таможне были даны недвусмысленные указания

ДВО ГТУ: «...в отношении предъявления концессионеру каких-либо требований необходимо соблюдение сугубой осторожности; всегда лучше возникающий вопрос, не находящий прямых указаний в законах СССР или установках по концессии, предварительно поставить перед Отделением. Таким путем будут Ваши требования к концессионеру базироваться на указаниях обжалования... Примите это указание за правило» (РГИА ДВ. Ф. Р-2443. Оп. 1. Д. 300. Л. 29).

Средства на содержание таможни, зарплату сотрудников выделялись ДВО ГТУ (РГЭА. Ф. 5240. Оп. 1. Д. 102. Л. 14). Расходы сотрудникам Охинской таможни (по данным на 1932 год, семь и три человека в летний и зимний период соответственно), выезжающим в командировки для проверки ввозимых и вывозимых грузов, оплачивались за счет средств концессии на основании статьи 27 Таможенного кодекса 1928 года: «За выполнение таможенных операций над перевозимыми через границу Союза ССР грузами вне мест расположения таможенных учреждений или в их районе во внеурочное время, а также за сопровождение таможенными сотрудниками судов и товарных транспортов и за надзор над грузами в приписных складах... взыскивается с заинтересованных учреждений, организаций и лиц особый сбор, зачисляемый в специальные средства Главного Таможенного Управления...» (Таможенный кодекс Союза ССР (утв. Постановлением ЦИК СССР, СНК СССР 19 декабря 1928 года) // Консультант Плюс: [сайт]. URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ESU;n=5990>).

Исходя из отчетов управляющих сахалинских таможен, в первые годы их работы количество контрабандных дел было небольшим: всего 21 случай, выявленный Александровской таможней на сумму 779 р. 76 коп. за 1926 год (РГИА ДВ. Ф. Р-2443. Оп. 1. Д. 28. Л. 96), — тем не менее, как следует из анализа архивных материалов, на Северном Сахалине существовали предпосылки для ввоза контрабанды, такие как дороговизна товаров, проблемы со снабжением Дальгосторгом населения необходимыми товарами, а также наличие концессионных товаров, которые, как правило, через посредничество работников концессий просачивались на внутренний рынок (РГИА ДВ. Ф. Р-2470. Оп. 2. Д. 13. Л. 34). В результате за девять месяцев 1932 года в Охинском районе сумма нелегально реализованных концессией товаров достигла 50 000 рублей (РГИА ДВ. Ф. Р-4398. Оп. 1. Д. 4. Л. 14), а в 1935 году по району Охинской таможни было выявлено 534 случая контрабанды на сумму 213 146 р. 03 коп. (РГИА ДВ. Ф. Р-4398. Оп. 1. Д. 9. Л. 58). Предметом контрабанды являлись белье и платье, ткани, трикотаж, галантерея, меха, кожаные изделия, часы и часты, чай, колониальные товары, сов. валюта, табачные изделия, косметика и парфюмерия, золотые изделия (РГИА ДВ. Ф. Р-4398. Оп. 1. Д. 9. Л. 60).

При возвращении сезонных рабочих с Сахалина на материк также имелась возможность для вывоза контрабанды. Для того чтобы работники могли вывозить свое имущество, приобретенное в лавках концессий, они должны были предъявить специальную справку, выдаваемую краевым отделением НКВД, либо оплатить полагающиеся сборы с разрешения Крайторга (РГИА ДВ. Ф. Р-2443. Оп. 1. Д. 157. Д. 282). Однако выполнение таможней своих

обязанностей наталкивалось на многочисленные жалобы со стороны рабочих концессий, так как к случаям контрабанды приравнивались ситуации, когда в багаже рабочих, который они предъявляли к досмотру, были найдены сверхсписочные товары либо превышающие норму. В ответ на жалобы трудящихся ГТО в 1936 году прислало разъяснения по подобным вопросам. Все товары сверх списков должны конфисковаться до оплаты комиссий без признания их контрабандой (РГИА ДВ. Ф. Р-2443. Оп. 1. Д. 405. Л. 51).

Незаконным ввозом сверхсписочных товаров без оплаты пошлины занимались и японские торговые компании на территории Северного Сахалина, также они проводили махинации с советской валютой, доставляемой их агентами из Владивостока (РГИА ДВ. Ф. Р-2443. Оп. 1. Д. 284. Л. 34). Однако выявление всех подобных случаев было сопряжено с большими трудностями для таможи в связи с недостатком кадров, обширностью районов таможен, неразвитостью инфраструктуры, затрудненным доступом к отдельным местам (РГИА ДВ. Ф. Р-2443. Оп. 1. Д. 62. Л. 75). Так, для проверки судов, стоящих на рейде, работники таможен были вынуждены пользоваться катерами ОГПУ за неимением собственного транспорта (РГИА ДВ. Ф. Р-2470. Оп. 1. Д. 203. Л. 13).

Таким образом, в рассматриваемый период работы таможи на Северном Сахалине была определена дислокация таможенной сети, которая лишь частично удовлетворяла потребностям таможенников в осуществлении контроля над грузооборотом, выявления всех возможных случаев контрабанды. Таможенные посты в ключевых портах попросту отсутствовали. В связи с тем, что таможенники обслуживали концессионные предприятия Северного Сахалина, при возникновении разногласий с концессионером механизм их разрешения не был четко отрегулирован, что вызывало массу проблем при осуществлении таможенного контроля. Поступающие от ДВО ГТУ и других вышестоящих инстанций предписания и инструкции о разрешении спорных ситуаций, порядке соблюдения статей Кодекса и Устава порой носили противоречивый характер. Возникающие проблемы мешали Сахалинской таможне эффективно решать поставленные перед ней государством задачи, максимально активно участвовать в экономическом развитии Северного Сахалина.

Литература

1. Советский энциклопедический словарь / под ред. А.М. Прохорова и др. М.: Советская энциклопедия, 1981. 1600 с.
2. Шалкус Г.А. Из истории деятельности японской нефтяной концессии на Северном Сахалине // Краеведческий бюллетень. 1998. № 2. С. 20–30.
3. Шалкус Г.А. Создание и деятельность японских концессий на Северном Сахалине в 1925–1944 гг. // Сибирский торгово-экономический журнал. 2008. № 7. С. 87–91.

Literatura

1. Sovetskij e'nciklopedičeskij slovar' / pod red. A.M. Proxorova i dr. M.: Sovetskaja e'nciklopediya, 1981. 1600 s.

2. *Shalkus G.A.* Iz istorii deyatel'nosti yaponskoj neftyanoj koncessii na Severnom Saxaline // Kraevedcheskij byulleten'. 1998. № 2. S. 20–30.

3. *Shalkus G.A.* Sozdanie i deyatel'nost' yaponskix koncessij na Severnom Saxaline v 1925–1944 gg. // Sibirskij trgovovo-e'konomicheskij zhurnal. 2008. № 7. S. 87–91.

V.M. Antonenko

History of the Soviet Customs House in North Sakhalin in the 1920–30s

In the article the author considers the peculiarities of the formation and early years of work of the custom house authorities in the north Sakhalin after the establishment of Soviet power, problems of introduction and the termination of the regime of a free port on this territory, relationships with Japanese oil concessions, and problems of the struggle against smuggling.

Keywords: custom house; Sakhalin region; a free port; oil concessions; smuggling.

Е.А. Карпов

Коллективная самоидентификация воспитанников артиллерийских подготовительных училищ (1946–1955 годы)

В статье впервые рассматривается вопрос коллективной самоидентификации неизученной социальной общности позднесталинского периода — воспитанников артиллерийских подготовительных училищ, функционировавших в Советском Союзе в 1946–1955 годах, а также взаимосвязанный вопрос их противопоставления другим социальным общностям и группам.

Ключевые слова: артиллерийские подготовительные училища; воинское обучение и воспитание в СССР; советская молодежь; послевоенный период истории СССР; социальные общности советского народа.

В настоящее время практически неизвестными для исторической науки остаются артиллерийские подготовительные училища (АПУ) — военно-учебные заведения для подростков с военно-профессиональным компонентом, сеть которых действовала в СССР после окончания Великой Отечественной войны (1946–1955 гг.). АПУ предоставляли воспитанникам возможность бесплатно получить полное общее среднее образование (8-й, 9-й и 10-й классы) с последующим распределением в артиллерийские военные училища¹.

Всего в 1946 году было создано десять АПУ: 1-е и 2-е Московские, Ленинградское, Ростовское, Киевское, Харьковское, Одесское, Сталинское², Минское (с дислокацией в г. Гомеле БССР) и Ереванское (далее — 1-е и 2-е МАПУ, ЛАПУ, РАПУ, КАПУ, ХАПУ, ОАПУ, САПУ, МИАПУ, ЕАПУ), которые за время своей деятельности выпустили в различные военные училища около 11 300 чел. (ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 106 а. Д. 216; ЦАМО РФ. Ф. 36. Оп. 74379 сс. Д. 44, 45, 58; Оп. 74380 сс. Д. 32; Оп. 74381 сс. Д. 33, 34; Оп. 363274 с. Д. 60, 70, 76; Оп. 363275 с. Д. 52–54, 62, 65, 66; Оп. 363276 с. Д. 1, 17, 20, 22, 24; Ф. 60173 а. Оп. 505393 с. Д. 3; Ф. 60174. Оп. 502801 с. Д. 16; Оп. 614228. Д. 7; Оп. 614231. Д. 5; Оп. 64236. Д. 23; Оп. 803385 с. Д. 1; Ф. 60162. Оп. 670045 с. Д. 1.; Ф. 60176. Оп. 803384 с. Д. 1; Оп. 810594 с. Д. 1; Оп. 614238. Д. 8; Ф. 60183. Оп. 803382 с. Д. 1; Ф. 60190. Оп. 364992 с. Д. 5; Оп. 905903. Д. 1; Ф. 60197. Оп. 803380 с. Д. 1).

¹ Платное полное общее среднее образование в СССР (за 8–10 классы) существовало в 1940–1956 гг.

² В 1961 г. г. Сталино Украинской ССР переименован в г. Донецк.

Уникальность АПУ состояла в том числе в контингенте воспитанников, который возрастом и мотивацией отличался от курсантов артиллерийских училищ. В связи с перерывом в учебном процессе в годы войны некоторое время среди воспитанников преобладали переростки, которым на момент выпуска было по 19–20 лет.

Отдельного внимания заслуживает проблема коллективной самоидентификации воспитанников АПУ и связанное с ней противопоставление другим социальным группам. Изучение данного вопроса поможет сформировать представление о неизвестной для науки части советской молодежи позднесталинского периода.

Коллективная самоидентификация воспитанников различалась в зависимости от социальной группы, которую они представляли, и социальной роли, в которой они выступали в училищах и за его пределами. На уровне формальных и неформальных групп воспитанников существовало противопоставление «свой – чужой», иногда доходившее до антагонизма.

В роли «чужих» могли выступать не только представители социальных общностей, не связанных с АПУ, но и в зависимости от ситуации собственные начальники и старшие (офицеры и преподаватели АПУ), а также воспитанники других классов параллелей.

В зависимости от масштаба коллективных социальных ролей воспитанников можно выделить шесть основных уровней коллективной самоидентификации и соответствующего противопоставления, которые целесообразно рассматривать от больших к меньшим.

Первый уровень. Воспитанники идентифицировали себя как граждане Советского Союза, в которых целенаправленно культивировался интернационализм, солидарность со странами «народной демократии», а также борющимся коммунистическим Китаем, охваченным антиколониальным сопротивлением Вьетнамом и, конечно, с народом Северной Кореи. Идентификация формировалась в ходе учебно-воспитательного процесса, идеологической работы с воспитанниками, выступлений и обращений к воспитанникам начальников АПУ (ЦАМО РФ. Ф. 60174. Оп. 502798 с. Д. 1; Оп. 502799 с. Д. 23; Оп. 614232. Д. 7; Оп. 617548. Д. 5; Оп. 617548. Д. 5) [6: с. 201].

Таким образом, являясь безусловными конформистами, воспитанники противопоставляли себя французским и американским интервентам, англо-американским «поджигателям войны» и враждебному капиталистическому окружению.

Второй уровень. Воспитанники идентифицировали себя как военных (но таковыми фактически не являлись) и противопоставляли себя гражданским лицам, причем противопоставление носило как мирный, так и достаточно жесткий характер.

Весь воспитательный процесс в АПУ была поставлен таким образом, чтобы мотивировать воспитанников на дальнейшую воинскую службу. Цели воспитательной работы в АПУ были сформулированы так: «...вырастить пламенных патриотов социалистического отечества, любящих военное дело

и решивших посвятить себя службе в артиллерии Вооруженных сил СССР. Привить... глубокое уважение к воинской доблести и чести, стремление к героическим подвигам за Родину и высокую дисциплинированность в выполнении законов государства и приказов начальников, привить любовь к артиллерии как роду оружия» [7: с. 3].

Следовательно, воспитательный процесс должен был показать преимущество военных перед гражданскими лицами («шпаками»), к чему были причастны и руководители АПУ: военные более смекалистые, сильные, ловкие, подтянутые, нравятся женщинам, они — защитники советского народа.

Жесткость противопоставления была обусловлена соперничеством с гражданской молодежью (в том числе с учащимися ремесленных училищ) на улице, а также за внимание девушек.

В Москве местами стычек стали «Бродвей» (ул. Горького), парки им. Горького и Сокольники, в Ленинграде — Парк Победы, Марсово поле, в Киеве — ул. Крещатик, в Ростове-на-Дону — сквер перед РИИЖТ, в Харькове — сквер им. Плеханова (ЦАМО РФ. Ф. 60174. Оп. 363274 с. Д. 69. Л. 66; Ф. 36. Оп. 74379. Д. 46; Оп. 363275 с. Д. 51. Л. 40–48) [3: с. 57; 4: с. 33, 120, 121; 6: с. 82; 8: с. 210, 245, 275].

Столкновения были не всегда беспочвенны, так как воспитанники могли быть оскорблены или спровоцированы. Так, в марте 1948 года гулявшие в городском парке воспитанники ЕАПУ попали под руку местным жителям, затеявшим драку с солдатами гарнизона (ЦА МО РФ. Ф. 36. Оп. 363275 с. Д. 66. Л. 107–120). Очевидно, самая масштабная стычка с участием воспитанников АПУ произошла 9 мая 1948 года в ленинградском Парке Победы, когда на выручку двум воспитанникам ЛАПУ, задираемых учащимися ремесленных училищ, в считанные минуты прибежали все их одноклассники (ЦА МО РФ. Ф. 36. Оп. 363275 с. Д. 55. Л. 35) [5: с. 46, 54].

Сходными причинами была обусловлена конкуренция с представителями другой сети учебных заведений с военно-профессиональным уклоном для подростков — учащимися спецшкол Военно-воздушных сил СССР («вентиляторам»). А вот с воспитанниками суворовских военных училищ трений практически не было.

Иногда воспитанники военно-учебных заведений даже объединялись, чтобы противостоять «шпакам». Так, в марте 1949 года в клубе «Десятилетие Октября» произошла массовая драка между воспитанниками ЛАПУ (до 70 чел.), Ленинградского военно-морского подготовительного училища, учащимися спецшколы ВВС, с одной стороны, и гражданской молодежью, с другой стороны (ЦА МО РФ. Ф. 36. Оп. 74379. Д. 46. Л. 113).

Отличительной чертой субкультуры воспитанников АПУ, позволяющей выделяться «настоящим спецам» (самоназвание воспитанников), также являлись внешние знаки отличия: самодельные погоны с «галуном» из фольги, расклешенные брюки, приталенные и укороченные кителя, тянутые туфли

фуражек с подрезанными козырьками, самодельные значки и нашивки по году обучения, распространенные среди 9–10-х классов АПУ (ЦА МО РФ. Ф. 36. Оп. 74379. Д. 58. Л. 84–89. 743380. Д. 43. Л. 102; Оп. 363274 с. Д. 76. Л. 118; Оп. 363275 с. Д. 51. Л. 36–38; Оп. 363278 с. Д. 14. Л. 42) [1: с. 20, 28, 29; 4: с. 93, 115–117, 243; 5: с. 10, 52, 126, 286; 6: с. 10; 7: с. 10, 37, 38; 8: с. 215, 265].

Третий уровень. Воспитанники идентифицировали себя в качестве объекта учебно-воспитательного процесса и противопоставлялись офицерам и преподавателям АПУ, осуществлявшим воздействие на них.

Проживая в интернатах на территории училища, воспитанники АПУ практически постоянно соприкасались с офицерами и ежедневно — с преподавателями. Характерными особенностями среды воспитанников как молодого мужского коллектива являлись сплоченность и параллельная самоорганизация, жесткие правила и саморегуляция, определявшиеся во многом «уличным» поведением.

Отношение воспитанников к офицерам и преподавателям было достаточно размытым. С одной стороны, они воспринимались как невраждебная сила, которая определяла их дальнейшую деятельность и судьбу, с другой стороны, существовало негласное противоборство с этой силой, которая к тому же могла выступать с позиций несправедливости.

Соблюдая требования, предъявляемые офицерами, старшинами батарей и преподавателями, воспитанники не считали зазорным незаметно нарушать их, например, всячески помогать не подготовленному к уроку товарищу, отвлекая внимание педагога, предпринимать действия для переноса и отмены контрольных и проверочных работ, а также нарушать распорядок дня и воинскую дисциплину (были распространены самовольные отлучки, нарушение формы одежды, курение, проказы и хулиганство, а также поступки в соответствии с коллективными представлениями о чести и справедливости), выяснение отношений между воспитанниками, коллективные самосуды над провинившимися. В таких случаях воспитанников связывала круговая порука.

Общие условия работы и особенности контингента привели к тому, что работать в АПУ могли только морально подготовленные офицеры и педагоги, выработавшие определенные педагогические качества и заработавшие авторитет у воспитанников, которые, в свою очередь, равнялись на офицеров (некоторые из которых были ненамного старше подопечных) и наиболее авторитетных преподавателей-мужчин, видели в них аналог отцовских оценки и воспитания. Учащиеся уважали в них силу, находчивость, юмор, справедливость, фронтовое прошлое и внимание, уделяемое подопечным.

При правильном подходе офицеры, как отмечает бывший воспитанник 1-го МАПУ В.Н. Глаголев, направляли процесс самовоспитания в среде воспитанников [3: с. 127].

Если офицеры и преподаватели не соответствовали ожиданиям, они подвергались обструкции со стороны воспитанников, а преподаватели — в исключительных случаях даже третированию [3: с. 196–199, 204–209, 215; 5: с. 285].

Самоорганизация позволяла воспитанникам порой чувствовать себя достаточно независимо, чтобы реагировать на «несправедливости» начальства. Известные случаи коллективного протеста во 2-м МАПУ, ЛАПУ и ХАПУ против якобы недостаточных порций пищи, а также массовые отказы от принятия пищи, в которых принимали участие до 100 чел. (ЦА МО РФ. Ф. 36. Оп. 363274 с. Д. 57. Л. 126, 127; Оп 363275. Д. 63. Л. 62; 363276 с. Д. 20. Л. 9) [5: с. 234]. Иногда протесты были реакцией на настоящую несправедливость. Так, попытка коллективного отказа от пищи во 2-м МАПУ в 1950 году была вызвана незаконным приказом офицера остричься (ЦА МО РФ. Ф. 36. Оп. 74379. Д. 46. Л. 148).

Случаи коллективного протеста были приравнены руководством УАВУЗ к чрезвычайным происшествиям. Однако зачастую сами начальники АПУ расценивали их как «ребячество».

Четвертый уровень. Идентификация воспитанников как представителей формального коллектива (взводов и батарей, а также училища целиком) и противопоставление друг другу в этом качестве (на уровне параллели) в рамках стимулирования руководством Управления артиллерийских военно-учебных заведений в аппарате командующего артиллерией Советской Армией (в подчинении которого находились АПУ) и собственного руководства влияли на положительные результаты в учебе и соревновательность.

Этому способствовали первенства среди училищ, а также первенства батарей и взводов каждого училища, организованные в соответствии с распоряжениями вышестоящих военных инстанций, например, в соответствии с приказами командующего артиллерией, а также в соответствии с решениями руководства училищ.

Училище-победитель и лучшее подразделение определялись по уровню успеваемости, организованности, внутреннего порядка, политической работы и художественной самодеятельности и получали переходящий приз, например, модель артиллерийского орудия, и вымпел соответственно (ЦА МО РФ. Ф. 60174. Оп. 614233. Д. 9). Первенства могли быть приурочены к какому-либо празднику, например, к годовщине Советской Армии.

В обстановке соревновательности проходила вся жизнь в АПУ — учеба, военное дело, спорт. К примеру, в КАПУ по среднему баллу успеваемости определялось место воспитанника во взводе, взвода — в батарее, батарее — в училище. Под праздники — годовщину Великой Октябрьской социалистической революции, Новый год, День Советской Армии и Военно-Морского флота и День международной солидарности трудящихся — в торжественной обстановке определялись лучшие батареи за четверть, поощрялись воспитанники и офицеры (URL: <http://kievkapu.narod.ru/shum/s19.html>) [4: с. 196; 5: с. 331; 9].

В качестве поощрений практиковалось премирование взвода билетами в театр, фотографирование лучших подразделений. Все это служило наглядным примером для остальных (ЦА МО РФ. Ф. 60174. Оп. 614232. Д. 7) [8: с. 205].

Как вспоминает выпускник 2-го МАПУ 1954 года Э.И. Буйновский, принцип соревновательности в училище был поднят на небывалую высоту. Взводы соревновались по количеству взысканий и поощрений, батареи — за более высокий

средний учебный балл, числу спортсменов и даже игрой батарейных барабанщиков [1: с. 32].

Пятый уровень. Идентификация воспитанников как представителей неформальных коллективов и противопоставление другим неформальным коллективам воспитанников в рамках деления по году обучения. Во всех АПУ в разной степени сложилось деление воспитанников на так называемых «спецов» (9-е и 10-е классы, в КАПУ и ХАПУ также «бананы», в РАПУ — «болгары») и «хазаров» (8-е классы, в ЛАПУ также «тотальники», «албанцы»), предполагающее физическую эксплуатацию последних и принудительный обмен новых предметов обмундирования на старые (ЦА МО РФ. Ф. 36. Оп. 74379. Д. 46. Л. 163–185; Оп. 363274 с. Д. 58. Л. 22–23; Оп. 363278 с. Д. 12. Л. 68–71; Оп. 743380. Д. 43. Л. 42–93, Л. 95–143).

Иногда за «хазар» вступался 10-й класс, или они давали отпор коллективно (Ф. 36. Оп. 363276. Д. 19. Л. 79) [8: с. 214, 245, 275, 305]. Подобное явление отчасти сравнимо с «цуком» — системой неуставных взаимоотношений в старых кадетских корпусах, но не связано с ними напрямую и постепенно было изжито благодаря действиям руководства и самих воспитанников [2: с. 31–35; 8: с. 285].

Таким образом, можно сделать вывод о существовании вертикали коллективной самоидентификации воспитанников АПУ, взаимосвязанной также с противопоставлением другим социальным общностям и группам. Принимая себя, прежде всего, в качестве воспитанников АПУ, они также осознавали себя представителями различных социальных общностей и групп. Выбор объектов противопоставления был обусловлен как идеологически лояльным общегражданским, так и корпоративным самосознанием, возрастными особенностями воспитанников и особенностями инфраструктуры АПУ.

Литература

1. Буйновский Э.И. Повседневная жизнь первых ракетчиков и космонавтов. М.: Молодая гвардия, 2004. 311 с.
2. Гребенкин А.Н. Неуставные отношения в военно-учебных заведениях Российской империи // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики: [научно-теоретический и прикладной журнал]. 2011. Ч. 1. № 3. С. 31–35.
3. Наша юность, любовь и память. Историко-мемуарный сборник о 1 Московском артиллерийском подготовительном училище (1946–1955 гг.) / В.В. Круглов, Б.П. Сыченков [и др.]. Ч. 1: История. М.: Информационно-издательский центр «ДС», 2002. 280 с.
4. Наша юность, любовь и память. Историко-мемуарный сборник о 1 Московском артиллерийском подготовительном училище (1946–1955 гг.) / В.В. Круглов, Б.П. Сыченков [и др.]. Ч. 2: Воспоминания. Кн. 1. М.: Информационно-издательский центр «ДС», 2003. 266 с.
5. Не зря надели мы, друзья, артиллерийские погоны: Воспитанники. Курсанты. Офицеры / С.И. Кондратенко, О.И. Сеницкий, Ю.К. Цуков [и др.]. Ч. 1. М.: Ассоциация «Интердрейдинг», 1996. 408 с.
6. Не зря надели мы, друзья, артиллерийские погоны: Воспитанники. Курсанты. Офицеры / С.И. Кондратенко, О.И. Сеницкий, Ю.К. Цуков [и др.]. Ч. 2. М.: Ассоциация «Интердрейдинг», 1996. 416 с.

7. Сборник статей по обучению и воспитанию в артиллерийских подготовительных училищах / под ред. А.Н. Марышева. М.: Воениздат, 1949. 118 с.
8. *Сыченков Б.П.* Юные боги войны. Краткая история средних военно-учебных заведений Советского Союза. М.: Голос-Пресс, 2006. 380 с.
9. *Шум О.В.* Киевское артиллерийское подготовительное училище // Киевское артиллерийское подготовительное училище: [мемориальный сайт] / сост. и ред. И.И. Канаев. М., 2005–2015. URL: www.kievkapu.narod.ru/s1.html.

Literatura

1. *Bujnovskij E'.I.* Povsednevnyaya zhizn' pervy'x raketnikov i kosmonavtov. M.: Molodaya gvardiya, 2004. 311 s.
2. *Grebenkin A.N.* Neustavny'e otnosheniya v voenno-uchebny'x zavedeniyax Rossijskoj imperii // Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy' teorii i praktiki: [nauchno-teoreticheskij i prikladnoj zhurnal]. 2011. Ch. 1. № 3. S. 31–35.
3. Nasha yunost', lyubov' i pamyat'. Istoriko-memuarny'j sbornik o 1 Moskovskom artillerijskom podgotovitel'nom uchilishhe (1946–1955 gg.) / V.V. Kruglov, B.P. Sy'chenkov [i dr.]. Ch. 1: Istoriya. M.: Informacionno-izdatel'skij centr «DS», 2002. 280 s.
4. Nasha yunost', lyubov' i pamyat'. Istoriko-memuarny'j sbornik o 1 Moskovskom artillerijskom podgotovitel'nom uchilishhe (1946–1955 gg.) / V.V. Kruglov, B.P. Sy'chenkov [i dr.]. Ch. 2: Vospominaniya. Kn. 1. M.: Informacionno-izdatel'skij centr «DS», 2003. 266 s.
5. Ne zrya nadeli my', druž'ya, artillerijskie pogony': Vospitanniki. Kursanty'. Oficery' / S.I. Kondratenko, O.I. Siniczkiy, Yu.K. Czukov [i dr.]. Ch. 1. M.: Associaciya «Interdrejding», 1996. 408 s.
6. Ne zrya nadeli my', druž'ya, artillerijskie pogony': Vospitanniki. Kursanty'. Oficery' / S.I. Kondratenko, O.I. Siniczkiy, Yu.K. Czukov [i dr.]. Ch. 2. M.: Associaciya «Interdrejding», 1996. 416 s.
7. Sbornik statej po obucheniyu i vospitaniyu v artillerijskix podgotovitel'ny'x uchilishhax / pod red. A.N. Mary'sheva. M.: Voениzdat, 1949. 118 s.
8. *Sy'chenkov B.P.* Yuny'e bogi vojny'. Kratkayja istoriya srednix voenno-uchebny'x zavedenij Sovetskogo Soyuz. M.: Golos-Press, 2006. 380 s.
9. *Shum O.V.* Kievskoe artillerijskoe podgotovitel'noe uchilishhe // Kievskoe artillerijskoe podgotovitel'noe uchilishhe: [memorial'ny'j sajt] / sost. i red. I.I. Kanaev. M., 2005–2015. URL: www.kievkapu.narod.ru/s1.html.

E.A. Karpov

Collective Self-identity Among the Pupils of the Preparatory Schools of Artillery (1946–1955)

The article for the first time considers the issue of collective self-identity of unexplored social community of the late Stalin period — the pupils of artillery preparatory schools, which functioned in the Soviet Union in 1946–1955, and the interrelated issue of their opposition to other social communities and groups.

Keywords: artillery preparatory schools; military training and upbringing in the USSR; Soviet youth; the post-war period of Soviet history; social communities of the Soviet people.

А.В. Ермаков

Сущностные характеристики раннехристианской церкви и роль христианской общины Рима

В статье рассматриваются основные структурные особенности раннехристианской церкви. Выделены основные моменты, характеризующие церковь как уникальную для античного общества структуру. Особенный акцент сделан на христианской общине города Рима, ее роли в жизни ранней церкви. В качестве источников использованы работы античных авторов, каноническая и апокрифическая литература древних христиан.

Ключевые слова: христианская община Рима; первые христиане; христианство и Римская империя; структура Церкви.

Существует великое множество научных работ, посвященных истории раннего христианства. В научной литературе представлены зачастую различные, порой противоположенные, точки зрения на историю христианства. Например, Е.И. Смирнов, православный автор, в своей «Истории церкви» утверждает, что «сказание Римской церкви о том, что апостол Петр был епископом в Риме в продолжении 25 лет, от 42 до 67 г.» [10: с. 36], расходясь с историческими фактами, изложенными в Деяниях апостольских, не выдерживает критики. В том же духе, отстаивая истинность своей конфессии, пишет католик И. Лортц: «история Церкви — одно из мощнейших средств, служащих для осознания богатства и истинности католической веры, которая не только удовлетворяла религиозное чувство столь многих, великих и величайших, совершенно разных людей, но инициировала непревзойденные достижения во всех областях жизни» [6: с. 9]. К тому же часто такого рода авторы имеют склонность к описательному характеру изложения. Это заметил в свое время В.В. Болотов: «собственно, в применении к церковной истории вопрос о субъективизме переходит в вопрос о конфессиональном элементе. Иногда требуют, чтобы история была не только общехристианскою, но и историюю определенного христианского вероисповедания. Требование, предъявляемое в таком объеме, было бы незаконно, потому что история в таком виде сделалась бы полным отрицанием идеи исторического

знания. Но в пределах законности конфессионализм историка есть явление вполне естественное и непротивное научной объективности» [2: с. 32]. Изучая раннее христианство, невозможно не обратить внимания на существенные характеристики христианской церкви.

Во-первых, это иерархичность и авторитетность, т. е. наличие некоего единого центра. Очевидно, что основателем религии был исключительно Иисус Христос. Достоверность его существования как исторической личности к настоящему времени разделяется большинством исследователей [8: с. 5]. Христианство не было некой суммой опыта предшествующих поколений, не было жизненной философией, позднее приобретшей сакральный характер (что свойственно некоторым восточным верованиям). Христианство — религия откровения, возникшая из проповеди одного человека, называющего себя Сыном Божиим. Позднее изречения и поступки Христа были записаны в специальные книги — Евангелия. Иисус стал высшим авторитетом для христиан последующих поколений. Однако Иисус был высшим авторитетом для своих последователей и во время своей земной проповеди. Готовясь к смерти, он подчеркнул авторитетный характер складывающейся христианской церкви, оставив после себя преемника. Христос говорит апостолу Петру: «...ты — Скала, и на этой скале Я возведу Мою Церковь...» (Мф 16: 18)¹. Таким образом, уже самим основателем религии был выделен данный момент.

Стоит отметить, что в истории христианства эта существенная характеристика проявилась не только в наличии определенного лица, которое является преемником Христа и первым среди равных. Место жительства данного лица приобрело также священный характер.

2. Христианская церковь по своей сути имела прозелетический, миссионерский характер. Христианство зародилось в римской императорской провинции Иудея, но в пределах одной римской провинции существовать не могло [14: с. 144]. С самого своего возникновения церковь начала активную прозелетическую деятельность, и распространилась по Империи. «Все другие культы, кроме установленных государством, были терпимы», — отмечает В.В. Болотов [3: с. 24]. Либо потому, что они были религиями языческими, с легкостью признававшими римских богов, либо потому, что были национальными, исторически обусловленными: «...Еврейскую религию римляне, скрепя сердце, признали религией дозволенной (*licita*)» [3: с. 25]. Христианство же изначально позиционировало себя как религия нового откровения, единственно истинная и ориентированная на каждого человека. Христианство имело «прозелетирующий характер» [3: с. 26], поэтому местом распространения новой религии стала не одна иудейская область, а вся Империя, представленная, правда, на начальном этапе иудейскими общинами и иудейскими же прозелитами. «В Палестине христиане были довольно многочисленны и не представляли для римской власти реальной опасности, особенно после расправ над иудеями и их выселения из Палестины... Некоторые

¹ Здесь и далее цитаты из Библии даются по изданию, указанному в списке литературы [1].

из апостолов проповедовали в Сирии — Дамаске и Антиохии. Согласно христианскому преданию именно в Антиохии среди грекоязычных иудеев родилось и само название — христиане. К середине I в. христианские общины образуются в городах Малой Азии и Греции. Оттуда проповедники отправлялись и в другие области; довольно рано христианство появилось в Египте, прежде всего в Александрии, где было много иудеев. На Западе христианство распространялось медленнее; исключение составляла столица империи. Среди иудеев, переселившихся в Рим или приехавших туда на время, довольно рано могли появиться и христиане» [9: с. 106–107].

Следует также заметить, что в миссионерской проповеди христианства большое значение имели элементы имперского мышления апостолов и проповедников. Так, апостол Павел, проповедуя язычникам, свободно передвигался по территории Империи. У него не возникало сомнения, что в какую-либо область его могут не пустить или где-то не поймут латинский или греческий языки. А. Гарнак справедливо указывал на ряд внешних условий распространения христианства, к которым относил «эллинизацию Востока и отчасти Запада», обусловившую «сравнительное объединение в области языка»; созданное Римом «политическое единство народов, обитавших по берегам Средиземного моря», а также «достигнутое в мировом государстве единство жизненных порядков и условий и относительную прочность общественной жизни». По мнению исследователя, «факт земной всемирной монархии порождал также представление о небесной монархии и вместе с тем создал условия для образования единой католической, т. е. Вселенской Церкви» [4: с. 42–43].

Везде был одинаковый закон, одна власть, одна культура. Интересно, что данный факт был осмыслен уже апологетами христианства. Ориген в своем сочинении «Против Цельса» писал: «во дни Иисуса взошли правда и полнота мира; они начались с Его рождения. Бог приготовил народ к учению Его и сделал так, что римский император воцарился во всем мире; не нужно было много царств, иначе народы оставались бы чуждыми друг другу и исполнение заповеди Иисуса: “Идите и научите все народы”, какую он дал апостолам, было бы труднее. Известно, что рождение Иисуса последовало в царствование Августа, который собрал и соединил в одну Империю многие народы» (С. Cels. 30).

В «Деяниях апостолов» апостол Павел высказывает желание посетить Рим, он стремится туда. Возможно, он видел некий итог своей деятельности в посещении столицы Империи. Возможно, он понимал, что, хотя большинство приверженцев новой религии сыщутся, скорее, в восточных провинциях Империи (грекоязычных, более близких Павлу по языку и культуре), но посещение столицы Империи будет иметь огромное значение для распространения новой веры, в том числе для вопросов управления церковью. Очевидно, что апостол имел огромное влияние на развивающиеся христианские общины, писал им письма, давал наставления. Павел был большим авторитетом, недаром столько посланий за его авторством были помещены в канон. В Новом завете же и указывается на чудесное персонализированное обращение и призвание Павла (Деян. 9: 3–6).

Апостол Павел в итоге посетил Рим, хотя и после кораблекрушения и находясь под стражей. «Целых два года Павел прожил в доме, за который платил сам, и принимал всех, кто приходил повидать его. Он провозглашал Царство Божье и проповедовал учение о Господе Иисусе Христе смело и беспрепятственно» (Деян. 28: 30–31).

3. Третьим существенным моментом раннехристианской церкви является ее иерархичность и структурность. Сам основатель христианской веры — Иисус Христос — установил структурную организованность церкви: «Он созвал к себе двенадцать Своих учеников и послал их по двое на проповедь» (Мк. 6: 7); «Созвав к себе двенадцать учеников... послал их возвещать Царство Бога и исцелять больных» (Лк. 9: 1–2); «Затем Господь избрал еще семьдесят двух человек и разослал их по двое впереди себя по всем городам и селениям» (Лк. 10: 1). Такими посланцами стали апостолы, которые посылались в местные иудейские общины и там находили себе адептов. Апостолы — это либо ученики Христа, либо ученики Его учеников. Представляется, что учение передавалось сверху вниз без существенных изменений (нововведения в вероучении назывались ересью, а также гностицистскими сектами, которые возникли позднее. С ними боролись).

С самого начала существования церкви как собственно организации в ней существовала определенная иерархия, ведь изначально Церковь мыслилась «телом Христовым», т. е. организацией людей (Эф. 1: 22–23). Требовалась координация движений материальных потоков, людских ресурсов и вероучительных постановлений. Иисус не оставил указаний на конкретное географическое место для Церкви и ее центра. Лишь благодаря политическими реалиям того времени им стала столица империи.

Рим был столицей, политическим, культурным и экономическим центром тогдашнего мира, империя простиралась на огромные территории: «Римская империя достигла огромных размеров, захватив территорию от Британии на севере до Египта на юге, подчинив себе Мавританию (ныне Марокко) и Месопотамию, покорив Малую Азию (большая часть современной Турции и всю Европу западнее Рейна и южнее Дуная» [12: с. 19]. Как было отмечено выше, христианство распространялось изначально среди иудеев диаспоры. Такие еврейские общины существовали в любом крупном городе Империи. Евреев было много и в Риме². «В Риме иудеи жили преимущественно в Транстевере, но их можно было находить и в других частях города, так как иудейские синагоги открылись в очень многих местах города» [4: с. 33] Любопытно, что христианство очень рано появилось в Вечном городе, фактически сразу после вознесения Христа и начала апостольской проповеди. Возможно, христиане появились в Риме уже при Клавдии. Светоний в биографии Клавдия (25, 4)

² В результате гонений Тиберия на иудеев в 19 г. н. э. из Рима в Сардинию было выслано порядка 4000 иудеев. Данное известие передается Тацитом (*Annal.* II, 85) и Иосифом Флавием (*Antiq.* XVIII, 3, 5). После падения Сеяна Тиберий отменил данный указ, и евреи опять сделались многочисленными в Риме.

пишет, что «иудеев, постоянно волнуемых Хрестом³ он изгнал из Рима». Как отмечает И.С. Свенцицкая, «не исключено, что речь шла о конфликтах между иудеями и первыми христианами, оказавшимися в Риме и спорившими во время проповедей, как это было и в других городах империи» [9: с. 107]. Кроме того, на это есть указания в священных книгах христиан, в Деяниях апостолов Нового Завета (Деян. 28: 15) и в апокрифических писаниях [7: с. 336].

Город Рим по воззрениям тогдашнего человека был центром мира, центром цивилизации. Все, кто за пределами Империи, — варвары, люди с низкой культурой, способные быть лишь рабами [13: с. 21]. Римляне их презирали. И в глазах людей того времени римская церковная община по умолчанию возвышалась над другими христианскими общинами. Первоначально связи между различными христианскими общинами были слабы. Но по мере укрепления и расширения этих связей приоритет Римской христианской общины становился более явственным. Большое значение имеют, например, послания епископа Рима Климента, в которых он заявляет о себе как об имеющем власть [5: с. 27].

Таким образом, можно заключить, что с самого начала своего существования христианство представляло собой уникальную для того времени структуру. Оно было монотеистической религией откровения, интернациональной, адресованной каждому человеку. По своей сути христианство уже имело авторитетность и структурность. Наиболее явное выражение эти моменты в истории христианства получили в существовании определенного конкретного географического центра церкви — города Рима.

Литература

1. Библия. Книги священного писания Ветхого и Нового Завета, канонические. Современный русский перевод. М.: РБО, 2011. 1408 с.
2. *Болотов В.В.* Лекции по истории древней церкви. Введение в церковную историю // Собрание церковно-исторических трудов. Т. 2. М.: Мартис, 2000. 306 с.
3. *Болотов В.В.* Лекции по истории древней церкви. История церкви в период до Константина Великого // Собрание церковно-исторических трудов. Т. 3. М.: Мартис, 2001. 534 с.
4. *Гарнак А.* Миссионерская проповедь и распространение христианства в первые три века / пер. с нем., вступ. ст. и ком. проф. А.А. Спасского. СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2007. 384 с.
5. *Задворный В.Л.* История римских пап. Т. 1. М.: Moscoviae, 1994. 345 с.
6. *Лортыц И.* История Церкви, рассмотренная в связи с историей идей. Т. 1: Древность и средние века. М.: Христианская Россия, 1999. 512 с.
7. Новозаветные апокрифы / сост. и коммент. С. Ершовой. СПб.: Амфора, 2001. 423 с.
8. *Пилат Б.* В поисках исторического Христа. М.: Фирма «Лопота», 2005. 256 с.
9. *Свенцицкая И.С.* Изгои Вечного Города. Первые христиане в Древнем Риме. М.: Вече, 2006. 400 с.

³ В специальном исследовании, посвященном проблеме Хреста, И.М. Тронский доказал, что латинское Хрестус в народно-разговорной речи соответствует греческому Христос [11: с. 34–37].

10. *Смирнов Е.И.* История христианской церкви. М.: Приход храма святых бесребренников Космы и Дамиана на Маросейке, 2007. 726 с.
11. *Тронский И.М.* Chrestiani (Tacit, Ann. XV, 44, 2) и Chrestus (Sueton. Div. Claud., 25, 4) // Античность и современность: К 80-летию Федора Александровича Петровского. М.: Наука, 1972. С. 34–37.
12. *Холл Ст.Дж.* Учение и жизнь ранней церкви. Новосибирск: Посох, 2000. 324 с.
13. *Edmundson G.* Church in Rome in the First Century. London: Biblio Life, 2009. 312 p.
14. *Smalwood E.M.* The Jews under Roman Rule from Pompey to Diocletian Leiden. E.J. Brill, 1981. 595 p.

Literatura

1. Библия. Книги свyашhенного писаниа Vetxogo i Novogo Zaveta, kanonicheskie. Sovremenny'j russkij perevod. М.: RBO, 2011. 1408 с.
2. *Bolotov V.V.* Lekcii po istorii drevnej cerkvi. Vvedenie v cerkovnuyu istoriyu // Sobranie cerkovno-istoricheskix trudov. T. 2. М.: Martis, 2000. 306 с.
3. *Bolotov V.V.* Lekcii po istorii drevnej cerkvi. Istoriya cerkvi v period do Konstantina Velikogo // Sobranie cerkovno-istoricheskix trudov. T. 3. М.: Martis, 2001. 534 с.
4. *Garnak A.* Missionerskaya propoved' i rasprostranenie xristianstva v pervy'e tri veka / per. s nem., vstup. st. i kom. prof. A.A. Spasskogo. SPb.: Izd-vo Olega Aby'shko, 2007. 384 с.
5. *Zadvorny'j V.L.* Istoriya rimskix pap. T. 1. М.: Moscoviae, 1994. 345 с.
6. *Lortcz I.* Istoriya Cerkvi, rassmotrennaya v svyazi s istoriej idej. T. 1: Drevnost' i srednie veka. М.: Xristianskaya Rossiya, 1999. 512 с.
7. *Novozavetny'e apokrif'y' / sost. i komment. S. Ershovoj.* SPb.: Amfora, 2001. 423 с.
8. *Pilat B.* V poiskax istoricheskogo Xrista. М.: Firma «Lopota», 2005. 256 с.
9. *Svenciczskaya I.S.* Izgoi Vechnogo Goroda. Pervy'e xristiane v Drevnem Rime. М.: Veche, 2006. 400 с.
10. *Smirnov E.I.* Istoriya xristianskoj cerkvi. М.: Prihod xrama svyaty'x bessrebrennikov Kosmy' i Damiana na Marosejke, 2007. 726 с.
11. *Tronskij I.M.* Chrestiani (Tacit, Ann. XV, 44, 2) i Chrestus (Sueton. Div. Claud., 25, 4) // Antichnost' i sovremennost': K 80-letiyu Fedora Aleksandrovicha Petrovskogo. М.: Nauka, 1972. S. 34–37.
12. *Xoll St.Dzh.* Uchenie i zhizn' rannej cerkvi. Novosibirsk: Posox, 2000. 324 с.
13. *Edmundson G.* Church in Rome in the First Century. London: Biblio Life, 2009. 312 p.
14. *Smalwood E.M.* The Jews under Roman Rule from Pompey to Diocletian Leiden. E.J. Brill, 1981. 595 p.

A.V. Ermakov

Essential Characteristics of the Early Christian Church and the Role of the Christian Community of Rome

The article considers the main structural features of the early Christian Church. The author points out the basic factors that characterize the Church as a unique structure for the ancient society. Particular emphasis is made on the Christian community of the city of Rome, its role in the life of the early Church. As sources there were used works of ancient authors, canonical and apocryphal literature of the early Christians.

Keywords: the Christian community of Rome; the early Christians; Christianity and the Roman Empire; the structure of the Church.

В.С. Кодина

Методы и каналы пропаганды южных штатов против северных в годы Гражданской войны в США (1861–1865)

В статье рассматривается роль пропагандистской кампании Севера против Юга в период Гражданской войны в США (1861–1865). В статье выявлены методы и каналы пропаганды северных штатов, прослежена взаимосвязь конкретных пропагандистских операций с реальными историческими событиями войны. Автор статьи пришла к выводу, что исход военных действий во многом зависит от рационального применения методов и каналов пропагандистского воздействия.

Ключевые слова: Гражданская война; США; пропаганда; история пропаганды.

В Гражданскую войну северные штаты вступили с меньшим опытом пропагандистской деятельности, чем южные. Южные штаты, всю первую половину XIX века отстаивавшие свое первенство и право голоса на политической арене, уже были знакомы с методами и средствами ведения пропаганды.

Президента Севера Авраама Линкольна не зря считают одним из лучших мастеров слова того времени. Многие его речи стали эталоном ораторского искусства. Но важны не только произносимые слова: как отмечают современные исследователи, «не только картинка, но и голос, музыка к этой картинке — важнейшие составляющие имиджа...» [2: с. 76].

Выступая в 1861 году с инаугурационной речью перед соотечественниками, Линкольн говорил: «Судя по всему, среди жителей южных штатов существуют опасения, что с приходом нашей администрации их собственность, мирная жизнь и личная безопасность могут оказаться перед угрозой. Однако для таких опасений не было и нет никаких разумных оснований...» [3: с. 92]. Линкольн, характеризующий положение страны, использует факт выхода Юга из состава Союза как повод для иронии, под «собственностью» южан следует понимать их систему применения рабского труда в сельском хозяйстве, а с «мирной жизнью и личной безопасностью» он отождествляет весь уклад их жизни. Таким образом, в своей речи он высмеивает экстенсивный тип экономики Юга и особенности его социально-экономического и политического уклада.

Геттисбергская речь Авраама Линкольна 1863 года является эталоном краткой речи: «Восемь десятков и семь лет назад наши отцы образовали на этом континенте новую нацию, зачатую в свободе и верящую в то, что все люди

рождены равными...» [3: с. 93]. Употребив в самом начале речи слова «наши отцы», Линкольн использует метод родственных чувств, он обращает внимание присутствующих на их дом, семью, родственников.

Затем он прибегает к методу искажения информации. Президент обращается к национальному чувству народа, представляя войну уже не как битву одних штатов Союза с другими, американцев с американцами, а как битву, от исхода которой зависит сама их жизнь и будущее вей нации. Линкольн говорит: «Теперь мы... встречаемся, чтобы сделать его последним пристанищем для тех, кто отдал свою жизнь во имя того, чтобы наша нация смогла выжить» [3: с. 106].

Заслуживают внимания и отдельные фразы в речи: «Отважные люди, живые и мертвые, сражавшиеся здесь, уже совершили обряд такого посвящения...» [3: с. 106]. Вместе с тем президент акцентирует внимание и на том, что должно произойти после битвы: «Мир едва ли заметит или запомнит надолго то, что мы здесь говорим, но он не сможет забыть того, что они совершили здесь» [3: с. 106]. Этим президент вновь обращается к родственным чувствам солдат, но уже путем почтения памяти павших. Так, ораторское искусство лидера, прошедшее в ходе войны эволюцию, стало одним из основных методов пропаганды Севера.

В условиях войны, когда наглядно-образные сюжеты воспринимаются населением особо ярко, получили свое второе рождение плакаты и карикатуры. Поскольку плакаты и карикатуры размещаются обычно на улице, в людных местах, то они должны привлечь внимание прохожих, стать заметными.

Один из первых плакатов, созданный анонимным автором, назывался «Великая змея Скотта» и иллюстрировал морскую блокаду Юга. Сам образ змеи был заимствован автором из плаката времен войны за независимость США. Он был использован и применен в рисунке «Единство или смерть», в одном из первых вариантов будущего флага государства с изображением гремучей змеи и надписью «Не наступай на меня» [1: с. 39–40]. Образ змеи, олицетворявшей уже более полувека единство американского народа, воспринимался как символ независимости государства. Таким образом, при помощи этого плаката уже в первый год война на Севере была представлена как борьба за независимость.

Известный художник времен войны Томас Наст во время войны создал на военную тему целую серию плакатов и карикатур. Один из наиболее ярких плакатов того времени — «Рыцари юга» (Томас Наст. Рыцари юга // Civil War History: [электронный ресурс]. URL: http://www.sonofthesouth.net/Civil_War_Atrocity.htm). Внимание привлекает кричащее название, ярко противоположное изображенному на плакате. «Рыцари» показаны в самом ничтожном и отталкивающем виде: они беспощадно отрезают головы пленным, расстреливают мирное население, сжигают обозы с продовольствием, под видом индейцев расправляются с северянами, внезапно нападают на мирных жителей.

В 1863–1864 годы Томас Наст пишет целую серию плакатов, посвященных рабству на юге США. Наиболее яркий из них — «Аукцион рабов» (Томас Наст. Аукцион рабов. 1864 // Civil War History: [электронный ресурс]. URL: http://www.sonofthesouth.net/Slave_Auction.htm). К 1863 году относится создание плакатов

«Независимость рабов» (Томас Наст. Независимость рабов. 1863 // Civil War History: [электронный ресурс]. URL: http://www.sonofthesouth.net/Thomas_Nast/Emancipated_Slaves.jpg) и «Выбор рабов» (Томас Наст. Выбор рабов. 1863 // Civil War History: [электронный ресурс]. URL: http://www.sonofthesouth.net/Thomas_Nast/Escaping_Slaves.jpg). Эта серия иллюстрирует беззаконие и ничтожность рабства как уклада жизни на Юге. Автор показывает применение рукоприкладства по отношению к рабам, нечеловеческие условия их жизни, тяжелую физическую работу. Таким образом, работы Томаса Наста получались очень информативными, глубокими, поднимаемые им проблемы не могли не затрагивать зрителей.

В творчестве Томаса Наста особое место занимают плакаты-аллегии. Один из них — «Победа в Гражданской войне» (Томас Наст. Победа в Гражданской войне. 1864 // Civil War History: [электронный ресурс]. URL: http://www.sonofthesouth.net/Thomas_Nast/Lady_Liberty.jpg). Плакат был написан за год до окончания войны, в 1864 году. Яркий и эмоционально насыщенный, он изображал долгожданное окончание войны, радость встречи с близкими, письмо с фронта о возвращении домой — эти сюжеты должны были вдохновить армию Севера, вселить в солдат уверенность в скором окончании войны, исход которой к 1864 году уже был очевиден.

Искусство создания карикатуры подчиняется уже иным смысловым схемам: произведение несет в себе определенную идею, но она выражена не цветом и надписью, а самим стилем изображения.

Начало войны ознаменовалось выходом серии политических карикатур, таких как «Президент Авраам Линкольн и Джефферсон Дэвис» (Harper's weekly. Политическая карикатура: президент Авраам Линкольн и Джефферсон Дэвис // Civil War History: [электронный ресурс]. URL: <http://www.sonofthesouth.net/singles/h1861p307.htm>). Карикатура поражает едкой сатирой: президент США изображен в роли вора, забравшегося в яблоневый сад. Ниже помещен диалог, якобы происходящий между двумя президентами: «Президент Линкольн: “Я говорю, Джефф, это идет уже достаточно долго. Предположим, что вы откажетесь от тех яблок сейчас и спуститесь вниз”. — Джефф Дэвис: “Пожалуйста, не стреляйте, мистер Линкольн, все, что я хочу, это быть в покое...”».

К 1863 году тематика карикатур и плакатов меняется: они становятся более политизированными, начинают высмеивать не только южные штаты в целом, но и их политических лидеров, генералов. Идущим по южным штатам войскам целенаправленно внедряли информацию о низких морально-нравственных качествах.

Карикатура «Король-хлопок» (Opinions on king cotton. King cotton bound. URL: <http://emergingcivilwardotcom.files.wordpress.com/2012/02/king-cotton.jpg>) появилась сразу же после начала войны. Сюжет ее взят из греческого мифа о титане Прометее, похитившем огонь с Олимпа и принесшем его людям. За это боги наказали титана, приковав цепями к скале, куда каждый день прилетал орел, клевавший его печень. Наст вкладывает в эту карикатуру едкую сатиру: «король-хлопок», жестокий правитель, в ужасе смотрит на то, как орел, символ Севера, склевывает с него необработанный плантационный хлопок — главное богатство Юга. Несмотря на то что сам сюжет мифа переосмыслен, его главная идея

четко прослеживается: будущая победа северных штатов, от которой даже главное богатство Юга, хлопок, не сможет спасти его.

Анализируя содержание северных плакатов и карикатур, можно увидеть использование такого приема пропаганды, как «навешивание ярлыков» — необоснованное приписывание кому-либо определенных черт, качеств, характеристик. В карикатурах и плакатах преобладает наделение северян благородными качествами в отличие от южан.

Еще одним из направлений северной пропаганды является создание детских игр с тематикой Гражданской войны. Правила игры пусть и в мягкой форме, но все же поддерживали сторону северян в войне: если игрок попадал на клетку, изображавшую события войны, связанные с Севером, он получал преимущество. На клетках, относящихся к Югу, напротив, нужно было или пропустить ход, или сдвинуться вниз на несколько клеток (*The Game of Secession, or Sketches of the Rebellion — an 1862 Board Game // New York state library: [электронный ресурс]. URL: <http://www.nysl.nysed.gov/scandocs/largeimg/civilwargame.htm>*).

Одним из каналов распространения пропаганды стала поэзия. Наиболее яркими и известными поэтами Гражданской войны стали Генри Лонгфелло, Джеймс Лоуэлл.

Генри Лонгфелло воспел героизм северян, показал трагедию войны:

И музыка в церкви была грустна,
Звучал кругом колокольный звон
И дивились люди в час похорон...

(*Лонгфелло Г.У. Убитый у брода. Перевод
Г. Бена // Гостиная Лукьяна Поворотова:
[электронный ресурс]. URL: <http://lukianpovorotov.narod.ru/longfellow.html>*)

Джеймс Лоуэлл прославился как поэт, писавший с едкой иронией о «мятежниках-южанках». В «Записках Биглоу» (перевод М. Зенкевича) он описывает Юг следующим образом:

Есть твари, что твердят, зовут
Всегда идти на примиренье
И диким буйволам поют
Хорал церковный в умиленье.
Мириться? Получить пинок!
Зовите это так иль этак,
Тогда мы будем сбиты с ног
Врагом проклятым напоследок...

(Поэзия Гражданской войны в США.
URL: http://www.portalus.ru/modules/shkola/print.php?subaction=showfull&id=1296140033&archive=005&start_from=&ucat=&)

Северная пресса занимает особое место в американских СМИ середины XIX века. В 1863 году, когда положение дел на фронтах войны еще было

под вопросом, газеты используют такой метод пропаганды, как отвлечение внимания: они двусмысленно описывают Авраама Линкольна, не уделяют внимания результатам его политической деятельности, а анализируют рациональность его действий на посту президента. Газета *The Plymouth Weekly Democrat*, подвергнув Линкольна в 1863 году жесткой критике, поставила под сомнение законность его действий. Внимание заслуживает заголовок газеты «Суд над Авраамом Линкольном, государственным деятелем республики» (*The Plymouth weekly Democrat*. August 27. 1863. Image 1 // Library of Kongress: [электронный ресурс]. URL: <http://chroniclingamerica.loc.gov/lccn/sn87056248/1863-08-27/ed-1/seq-1/#date1=1861&index=3&rows=20&words=Abraham+Lincoln&searchType=basic&sequence=0&state=&date2=1865&proxtext=abraham+lincoln&y=0&x=0&dateFilterType=yearRange&page=1>). Здесь не указывается даже должность президента, Линкольна называют только «государственным деятелем».

Газета *The Smoky Hill and Republican Union* в завуалированной форме обвиняет президента в развязывании войны сразу же после своего избрания: «Вопрос в том, следовало ли его избирать в 1860 году. Этот вопрос был решен выборами 1860 года, и это необратимо» (Там же). На этом примере можно проследить использование такого приема пропаганды, как «блистательная неопределенность», когда при описании кого-либо используются высказывания, не являющиеся, по сути, анализом деятельности лидера, не приводятся конкретные аргументы или факты для доказательства своей точки зрения.

К 1864 году ситуация меняется. Изменилось положение на фронте: стал уже окончательно очевиден коренной перелом в пользу федеральной армии. Имя Линкольна звучит вместе со словами «отцы основатели», «война за независимость 1775–1783», «свобода». «В первом сражении войны за независимость наши отцы не могли бы более гордиться, чем мы, в борьбе за более совершенную независимость...» (*Democrat and sentinel*. September 28. 1864. Image 1 // Library of Kongress: [электронный ресурс]. URL: <http://chroniclingamerica.loc.gov/lccn/sn86071378/1864-09-28/ed-1/seq-1/#date1=1861&index=2&rows=20&words=Abraham+Lincoln&searchType=basic&sequence=0&state=&date2=1865&proxtext=abraham+lincoln&y=0&x=0&dateFilterType=yearRange&page=1>). В этом отрывке итоги войны за независимость от колониальной Англии ставятся по значимости ниже, чем успех Гражданской войны, которая тоже толкуется как «война за независимость», формируя, таким образом, у населения отношение к южанам как захватчикам, врагам государства. Не жалея слов, пресса выражает гордость президентом, обещает, что «будущее будет сопутствовать его величию и славе, которые окружают его сейчас» (Там же).

В 1863 году, незадолго до выборов, газеты писали о новых задачах, стоящих перед страной. Так, *The Smoky Hill and Republican Union* акцентировала внимание на вопросе целостности Союза, признания за новоизбранным президентом права считаться главой как северных, так и южных штатов, имея в виду и окончание войны: «Авраам Линкольн был избран президентом не части страны, а всех штатов в 1860 году, но он насильно был отстранен от части штатов... Цель этих выборов — война. Она должна сделать Авраама Линкольна фактическим

президентом отделившихся штатов с 1860 по 1864 годы...» (The Smoky Hill and Republican Union. November 21. 1863. Image 1 // Library of Kongress: [электронный ресурс]. URL: <http://chroniclingamerica.loc.gov/lccn/sn84030186/1863-11-21/ed-1/seq-1/#date1=1861&index=8&rows=20&words=Abraham+ABRAHAM+Abraham-Lincoln+Lincoln+LINCOLN&searchType=basic&sequence=0&state=&date2=1865&proxtext=abraham+lincoln&y=0&x=0&dateFilterType=yearRang>). Эта, на первый взгляд, неброская цитата навязывает читателям особое отношение к Конфедеративным штатам. Конфедерация обвиняется не только в незаконном «мятеже», но и в несоблюдении американской Конституции, по которой она не имела права не признать над собой власть Авраама Линкольна.

Подводя итоги, следует отметить, что северяне использовали такие методы пропаганды, как наглядные средства (плакаты, карикатуры), устные формы (выступления политических лидеров) и пропаганду в СМИ (в газетах, в журналах). Особым каналом распространения пропаганды стала поэзия Севера. Но с 1863 года начался новый этап североамериканской пропаганды. Изменился стиль публичных выступлений президента Авраама Линкольна, использовавшего теперь более краткие и образно значимые речи. Военная кампания 1863 года сопровождалась выпуском плакатов и карикатур, оправдывавших вторжение северян в рабовладельческие штаты. Плакаты с призывами на войну, с точки зрения современных подходов составлены психологически правильно, продуманно. Каналы передачи информации северян отличались большим разнообразием и, следовательно, были рассчитаны на широкую целевую аудиторию, включавшую даже детей (пропаганда в детских играх). Умение модернизироваться, внедрять новые идеи — эти свойства северной пропаганды стали залогом ее успеха и впоследствии победы над Конфедеративными Штатами Америки.

Литература

1. *Анхольт С., Хильдрет Д.* Бренд Америка: мать всех брендов. М.: Добрая книга, 2010. 232 с.
2. *Горчакова В.Г.* Психология создания персонального бренда: учеб. пособие. М.: Дело и Сервис, 2010. 336 с.
3. История США. Хрестоматия: пособие для вузов / Сост. Э.А. Иванян. 2-е изд., стереотип. М.: Дрофа, 2007. 399 с.

Literatura

1. *Anxol't S., Xil'dret D.* Brend Amerika: mat' vsekh brendov. M.: Dobraya kniga, 2010. 232 s.
2. *Gorchakova V.G.* Psixologiya sozdaniya personal'nogo brenda: ucheb. posobie. M.: Delo i Servis, 2010. 336 s.
3. *Istoriya SShA.* Xrestomatiya: posobie dlya vuzov / Sost. E'.A. Ivanyan. 2-e izd., stereotip. M.: Drofa, 2007. 399 s.

V.S. Kodina

Methods and Channels of Southern States Propaganda against Northern States during the Civil War in the USA (1861–1865)

The article considers the role of propaganda campaign of the North against the South during the period of the Civil War in the USA (1861–1865). In the article the author revealed the methods and channels of propaganda of the northern states and traced the interconnection of concrete propaganda operations with the real historical events of the war. The author came to the conclusion that the outcome of hostilities largely depends on rational use of methods and channels of propaganda influence.

Keywords: Civil War; USA; propaganda; history of propaganda.

Т.В. Тадтаев

Экономическое развитие Южной Осетии в годы Советской власти

Статья посвящена социально-экономическому развитию Юго-Осетинской автономной области в составе Грузинской ССР. Исследуются природные богатства Южной Осетии, такие как нефть, газ, мрамор, туф и многие другие. Экономический потенциал автономной области был весьма многообразен: сельское хозяйство, фабрики, заводы, промышленные предприятия, однако центральные власти в Тбилиси искусственно сдерживали развитие края.

Ключевые слова: Южная Осетия; Грузия; экономика; природные богатства; дискриминация; социальное развитие.

«Предоставление Южной Осетии политического статуса автономной области преподносилось большевиками как убедительное проявление ленинской национальной политики, как торжество права на самоопределение южных осетин. Фактически же усилиями... И. Сталина и С. Орджоникидзе... Осетия была расчленена на две автономии с подчинением их разным республикам. И такое расчленение осетинского народа было преподнесено как великий дар несчастному народу, который не желал мириться с лишением его неотъемлемого права на самоопределение» [5: с. 51–52].

Это был беспрецедентный момент в истории осетинского этноса. После геноцида 1920 года, учиненного грузинскими национал-шовинистами, Южную Осетию в 1922 году присоединили к Грузии. Тем не менее началась новая страница в истории Южной Осетии. Молодой автономной области пришлось решать задачи, направленные на подъем экономического и культурного строительства, на создание многоотраслевого народнохозяйственного комплекса.

Для экономически отсталой аграрной Южной Осетии важнейшим звеном социально-экономического развития была индустриализация края. Для ее успешного осуществления здесь имелись и сырьевая база, и трудовые ресурсы, и рынок сбыта. Однако республиканские власти всячески препятствовали созданию и развитию здесь промышленности. Тем самым область обрекалась на роль аграрно-сырьевого придатка промышленно развитых центров Грузии.

В создании промышленности Южная Осетия располагала минеральным сырьем, горными ископаемыми и нерудными богатствами, лесами. Но минеральное сырье и особенно горные нерудные богатства тогда еще не были выявлены.

В 1922 году Центральный исполнительный комитет Юго-Осетии обратился в Академию наук СССР за помощью в деле изучения ее недр. Академия

наук СССР направила в автономную область комплексную научную экспедицию под руководством академика Левингсон-Лессинга и Флоринского. Так было начато изучение недр Юго-Осетии [1: с. 15].

Инженер-минералог Флоренский в своем отчете в августе 1928 года писал: «Распространяться о значении туфа как строительного материала вообще, а в частности для Грузии и Юго-Осетии нет нужды. В результате выяснилось, что туфы имеют широкое распространение, появляясь почти повсеместно в треугольнике, образуемом с запада сел. Хеити, с востока — Ванати и с юга — Ередви. Первый тип туфа преобладает близ сел. Приси и Хеити, второй — близ сел. Ванати. Оба сорта туфов встречаются в древних церковных постройках Цхинвальского района, выдержав испытание временем в течение более чем в 1000 лет (Хеити, Ередви). Запасы только Ванатского месторождения надлежит определить в 5 000 000 куб. метров» [4: с. 169–170].

Особенно большую ценность представляли месторождения мрамора и серпентина в Лопанском ущелье. Опыт Тифлисской фирмы «Андреолетти», эксплуатировавшей месторождения, показал, что лопанский серпентин отлично поддается распиливанию, резьбе, полировке и даже токарному станку, являясь весьма ценным материалом для столешниц, декоративных изделий, памятников и внутренней облицовки зданий. Доходили слухи о нахождении где-то в Каргалинии, на землях князей Амираджби, черного мрамора, из которого сделаны каминные во дворе наместников в Тифлисе [4: с. 170–171].

Академик Ф. Левингсон-Лессинг в своей докладной записке на имя ЦИКа Юго-Осетии писал: «Таким образом, я считаю Лопанское ущелье с его мрамором, змеевиком и гранитом, район Ахалгори и его мраморы, район туфов и туфовых лав, район свинцово-цинковых руд, район мышьяковых руд Арцисхеви; озокерит — сел. Садзегури и вулканический район Кельтского плато; этот последний уже был мною изучен в 1917 году, но обещает много интересного материала при более детальной систематической съемке» [4: с. 168].

Геологические исследования, проведенные в период второй пятилетки, обнаружили на территории Южной Осетии богатые месторождения свинца, цинка, никеля, меди, ртути, железа, нефти, а также много нерудных ископаемых: барита, талька, мрамора, серпантина — и разнообразных строительных материалов: туфа, гранита, андезита, извести, цемента, а также более 150 разнообразных минеральных источников [10: с. 131–132].

В докладной записке председателя СНК ССР Грузии Ф. Махарадзе в совет Народных комиссаров ЗСФСР говорится: «В АОЮО почти совершенно отсутствует фабрично-заводская промышленность. При этом географические и климатические условия для этой области также не способствуют развитию сельского хозяйства. Единственным доходным источником в ЮО является скотоводство. Поэтому необходимо изыскивать и использовать природные ресурсы области. Одним из ценных видов таких природных богатств в Юго-Осетии являются мраморные залежи. Интересы населения Южной Осетии,

а равно и интересы государства диктуют необходимость развертывания работ по организации юго-осетинского мраморного предприятия. Для этого требуется 480 000 рублей. Но ввиду отсутствия каких-либо свободных источников Совнарком ССР Грузии лишен возможности отпустить указанную сумму» [5: с. 181].

По указанию Ревкома Юго-Осетии Совет народного хозяйства области приступил к созданию лесной промышленности. Леса области как сырьевая база для развития лесной промышленности представляли немалый интерес. Поэтому следует остановиться особо на лесном фонде Юго-Осетии того времени.

Как видно из материалов обследования, проведенного в 1924 году Закавказской научной ассоциацией при Закавказском ЦИКе, территориальное размещение лесных ресурсов Юго-Осетии характеризовалось тем, что в 11 районах находится 5 209 650 запасов сырья в кубометрах, куда входят лиственный, хвойный, смешанный, кустарники и редколесье [1: с. 16]. В состав лиственного леса входят бук, граб, дуб, ясень, карагач, липа, ольха, осина, береза, груша, яблоня и другие. Хвойные леса состоят из пихты, ели и сосны.

На базе упомянутых лесных ресурсов началось развитие промышленности Юго-Осетии. Лесобрабатывающая промышленность включала в себя Сталининский лесокомбинат, Чуришевский лесозавод и фабрику гнутой мебели.

Лесопильный завод Юго-Осетии был построен еще в 1977 году. Но будучи вполне рентабельным в 1976–1977 годах и дав 15 900 рублей прибыли, в последнем году оказался убыточным на 7900 рублей, и, таким образом, доходность его понизилась на 28 800 рублей. При условии же нормальной работы завода с полной нагрузкой и без перебоев завод в состоянии был бы давать ежегодно минимум 15 000 рублей чистой прибыли [4: с. 182].

Фабрика гнутой мебели была построена в 1925 году и в том же году сгорела. Убытки — 15 000 рублей. Фабрику перенесли в жилой дом, который пришлось приспособить под производственные помещения. Новая площадка обошлась в 25 000 рублей. Тем не менее была большая недоработка. Причина — низкая квалификация рабочих, а также изношенность машин [4: с. 183].

На промышленность в Южной Осетии Грузия отпускала мизерные средства. И хотя экономическое положение Южной Осетии не раз становилось предметом обсуждения руководящих органов Грузии, к положительным переменам для области это не приводило. Так, в 1926 году декабрьский Пленум ЦК КП(б) Грузии вынужден был констатировать: «Если взвесить на весах, какие достижения имеются в Осетии, то нам придется стыдиться» [5: с. 53]. На Пленуме было отмечено, что в 1925–1926 годах по Грузии на душу населения приходилось по бюджету 9,3 рубля, в Абхазии — 5 рублей, в Аджарии — 7,3 рубля, а в Южной Осетии — 4,2 рубля. Намечая программу экономического возрождения Южной Осетии, пленум выдвинул лозунг «Лицом к Осетии!» [5: с. 55].

«Казалось бы, что после столь самокритичной констатации фактов руководство Грузии должно было вплотную заняться проблемами экономического развития Южной Осетии, искоренив дифференцированный подход к решению

проблем развития национальных меньшинств Грузии, но этого не произошло. Июльский (1928 г.) пленум ЦК КП(б) Грузии вновь констатировал, что по Юго-Осетии на душу населения отпускается 9 р. 20 коп., а по Грузии без Тифлиса по 15 рублей» [5: с. 53].

В последующие годы положение в Южной Осетии не изменилось. Руководители приходили и уходили, а положение оставалось прежним. Промышленность все-таки развивалась. Определенная работа была проделана в области электрификации. К 1940 году в Южной Осетии работало уже пять электростанций: Сталининская, Сохтинская, Джавская, Дзагинская и Ленингорская.

Еще в 1930 году в ЮО было создано предприятие исключительно строительное, основой которого стал бывший технический отдел СНХ — Югосстрой, выполнявший свое специальное предназначение. Итак, Югосстрой построил целый ряд зданий: почты, аптеки, мастерские и др. — всего на сумму 409 279 рублей, т. е. 25 % выполнений. В трест «Югосстрой» вошли: 1) Лопанский комбинат по добыче мрамора, талька и мраморной крошки; 2) туфовые разработки в сел. Ванат и Прис. По мрамору задача была выполнена на 100 % (72 куб. м). По мраморной крошке — на 12 % (5308 т), т. е. требовалось добыть 44 233,3 т, но не справились. По туфу — на 10 % (1056 куб. м, а требовалось 10 560 куб. м). Объяснялось это все отсутствием рабсилы, недостатком необходимых инструментов и отсутствием технического руководства [12: с. 86–87].

Другой трест — Югоспром — объединял следующие предприятия: 1) Цхинвальский лесопильный завод; 2) Цхинвальскую фабрику гнутой мебели; 3) Лехуро-Ксанский заготовительный завод; 4) Чуресховский завод; 5) Кирпичный завод и 8) Железо-скобяной магазин.

Цхинвальский лесопильный завод задание выполнил на 93 %, т. е. 1517 куб. м. Фабрика гнутой мебели — на 18 %. Магазин — на 120 %. Кирпичный завод — на 100 %, т. е. 150 000 штук кирпича. Лехуро-Ксанский завод лишь на 8,7 %, или 2000 кубических складометра дров, а требовалось на 22 988,51 кубических складометра дров. Угля — лишь на 3,3 % (3000 мешков, а требовалось 909 091 мешков). Чурисховский завод должен был выполнить на экспорт 1420 куб. м на 90 085 рублей, но не выполнил [12: с. 67].

Из вышеизложенного видно, что не все предприятия выполнили свои годовые задания. Причины были разные, но странным кажутся цели СНХ Грузии, которое почти всю продукцию посылало на экспорт, тогда как отсталой и разрушенной Юго-Осетии требовалась немалая помощь. Например, Чуресховский лесозаготовительный район готовил главным образом экспортный бук, количество которого доходило до 1420 куб. м в год [12: с. 88].

СНХ проектировал в 1930–1931 годы такие постройки: по строительной отрасли — кирпичного и известкового заводов, по полиграфической — типографии и т. д.

Промышленность Юго-Осетии зародилась с установлением Советской власти, сравнительно недавно, и поэтому вполне понятно, что за такой короткий

срок она не могла достигнуть больших результатов. Тем более, что она работала также и на экспорт, поэтому имела не только местное, но и всесоюзное значение, поэтому требовалось, чтобы смета СНХ была принята на госбюджет. Все эти мелкие нюансы тормозили развитие экономики Южной Осетии.

Еще академик А.Е. Ферсман в своем докладе сделал предположение о том, что всю отрасль нерудной промышленности можно разбить на 4 группы. Первая — это местное сырье, т. е. сырье, которое будет иметь местное значение. Вторая — сырье федеративного значения. Третья — союзное значение. Четвертая — экспортное значение. Например, сырье местного значения представляет собой частично отбросы мрамора, которые идут на дорожное строительство, затем идет кровельный материал, точильный камень. Туфы, гравильный балъзат, кислотоупорный андедит, частично гипс, затем азокарит, змеевик, минеральные воды, угольная кислота представляют интерес для Закавказья. Сырье союзного значения — мраморная крошка и пудра, тальк, частично плавленный балъзат для всего Кавказа, андезит частично для Украины, мышьяк, частично нефрит и минеральные воды. И, наконец, экспортная статья — декоративный мрамор, который частично может идти на Восток, и, наконец, нефрит. Если подсчитать, то получится следующая картина: 1) материалы местного значения — 1 млн золотых рублей; 2) материалы декоративного значения — 1 млн 300 тыс. золотых рублей; 3) материалы союзного значения — 2 млн золотых рублей; 4) материалы экспортного значения — 600 тыс. золотых рублей [6: с. 14–17]. Можно сделать вывод, что в Южной Осетии планировалось добывать полезные ископаемые на сумму около 5 млн золотых рублей по ценам 1926–1927 годов.

Идея академика А.Е. Ферсмана предусматривала строительство четырех кирпично-черепичных заводов во всех районах области, цементного, газового, стекольного заводов; добычу мрамора, асбеста, туфа, точильного камня, гипса, гажи, свинца и цинка, талька, мышьяка, андезита. Однако этим планам не удалось стать реальными ввиду ряда обстоятельств. Прежде всего, следует отметить, что Совет народного хозяйства ЮО согласно Постановлению Президиума ЦИКа автономной области от 3 декабря 1929 года объединил промышленные предприятия в центры на началах хозяйственного расчета с правами юридических лиц. В результате этого практическое управление промышленными предприятиями перешло к вновь созданным трестам. За СНХ ЮО остались лишь планово-экономические и контрольно-руководящие функции. В то же время совнархоз отделил от себя промышленность, потерял материальный источник своего существования, бюджетные ассигнования ему не были даны, несмотря на ходатайство СНХ ССР Грузии перед ЗСНК о выделении бюджетных средств на содержание аппарата СНХ ЮО. Молодая автономная область не располагала свободными средствами и, следовательно, не могла содержать аппарат совнархоза, который и был реорганизован 1 июня 1931 года в Отдел местной промышленности.

Во-вторых, отсутствие собственных бюджетных средств не позволяло ЮО вести строительство промышленных предприятий согласно предварительным наметкам [6: с. 18–19].

Между тем интенсивность проведения геологоразведочных работ в Юго-Осетии снизилась. Отдел местной промышленности (ОМП, позднее — УМП) не имел средств для приглашения специалистов и ведения геологических работ. Это привело к тому, что большинство выявленных геологических объектов лишь описаны специалистами, посланные в различные лаборатории на заключение образцы полезных ископаемых были затеряны, а полученные заключения попали к лицам, не понимавшим их значимости. Руководство ОМП ЮО, страдая от отсутствия средств, несбалансированности в народном хозяйстве, не в состоянии было продолжать ранее начатые в этой области работы.

Таким образом, перспективное развитие социалистической промышленности Юго-Осетии определялось главным образом желанием грузинских властей. Все это всячески тормозило развитие ЮО. Подтверждением этому является то, что в 1933 году из 10 предприятий промышленного назначения три наиболее главных — лесопильный завод, мебельная фабрика, производство древесного угля «Бетано» — с валовой продукцией 129,4 тыс. рублей (у лесопильного завода вообще не было валовой продукции) находились в ведении Лестреста Грузии и Грузпромсоюза [12: с. 98].

И к тому же 14 марта 1933 года в связи с решением бюро Обкома ликвидировались райлеспромхозы и организовался Областной леспромхоз — Юголеспромхоз, которому были переданы лесозаготовительные и лесообрабатывающие функции. В его ведении находились Сталинирский лесокомбинат, Чуресхевский и Джавский лесопильные заводы и Сталинирская фабрика гнутой мебели. Управляющего Юголеспромхозом постановили считать одновременно уполномоченным Наркомплеса Грузии [12: с. 99].

Индустриальное развитие Южной Осетии стало осуществляться лишь с начала 1930-х годов. В автономной области, где концу первой пятилетки были созданы лишь некоторые мелкие, кустарного типа промышленные предприятия с долей их валовой продукции в народном хозяйстве области в 13,1 %, по-прежнему на первое место выдвигалось новое строительство, освоение новых источников сырья, которыми так богата ее земля.

В то же время нуждались в коренной реконструкции существующие предприятия, которые следовало переводить из примитивного ремесленного состояния на рельсы машинной индустрии и электрической двигательной силы. Новое строительство тем более было необходимо, что в промышленном отношении Южная Осетия была самой отсталой областью в Закавказье. Поэтому ЗКК ВКП(б) постановлением от 6 июня 1932 года предложил Госпланам ЗСФСР и ССР Грузии совместно с ЦИК и Областкомом ЮО приступить к разработке второго плана области, предусмотрев в нем полную ликвидацию еще имеющейся, по сравнению с другими республиками и областями ЗСФСР, экономической и культурной отсталости ЮО [13: с. 47].

Во второй пятилетке намечалось строительство предприятий горнодобывающей, горнообрабатывающей и силикатной промышленности, а также

изучение горных богатств области. В начале 1933 года местная промышленность ЮО включала в себя мраморные и туфовые разработки, кирпичные и известковые заводы, ремонтно-механические мастерские [8: с. 246].

Грузинский республиканский Наркомат химической промышленности в 1933 году приступил к строительству Цнелисской тальковой фабрики. В том же году она была передана в систему ОМП ЮО. Спрос на тальковую продукцию как в Грузии, так и за ее пределами ускорил разработку богатых месторождений. Несмотря на это, строительство помольной фабрики в Цнелисе затягивалось, а с конца 1934 года оно было приостановлено. Лишь в 1936 году оно было возобновлено [10: с. 145].

Цнелисский мраморный завод вплоть до 1939 года выпускал лишь мраморную крошку для мозаичных полов и других надобностей строительства. В указанном году были оборудованы специальные цеха из каменорезальных и шлифовочных станков, которые выпускали высококачественные мраморные плиты, раньше выделяемые в Тбилиси, куда перевозились огромные глыбы камня. Продукция Цнелисского мраморного завода широко использовалась в самых ответственных сооружениях. До войны они поставлялись Дворец-строю в Тбилиси и для строительства Дома Советов в Москве.

Как известно, богатые высококачественные леса Южной Осетии давали ценную продукцию не только на нужды страны, но и, конечно, на экспорт. Чуресхевский лесозавод, производивший экспортную продукцию, был переведен на двухсменную работу. Ввиду роста потребностей на эту продукцию на экспорт начали работать также Сталинирский лесокомбинат и Джалабетский лесозавод. Фактически весь лес ЮО шел на экспорт. Вместе с тем были построены и оборудованы новые цеха: фанерный и по производству драни в Чуресхевском; деревообделочный, гнутой мебели, фанерный, паркетный, стружечный и бондарный при Сталинирском; фанерный, паркетный и лесохимический при Джалабетском предприятиях. В несколько раз выросло производство, в 2,5 раза увеличилась и экспортная продукция Чуресхевского, Сталинирского и Джалабетского заводов.

К сожалению, можно констатировать, что Южная Осетия в период строительства промышленности являлась неким безвозмездным поставщиком леса как для Грузии, так и для экспортных стран.

С расширением и реконструкцией фабрики гнутой мебели успешно развивались гнутарный и мебельные цеха Сталинирского лесокомбината. Уже в 1937 году они производили больше мебели, чем фабрика. Ввиду этого решением республиканского правительства последняя была перебазирована в Маралиси [10: с. 147].

Что касается делопроизводства в Южной Осетии, то оно имело огромное значение для местного населения. Всевозможные реформы затруднили общую работу производства, так как вся документация велась в разное время на разных языках. Так, 13 декабря 1929 года в протоколе заседания Президиума ЦИК ЮО

постановили: 1) всё делопроизводство — переписку с низовыми органами, переписку между ведомствами, счетоводство — перевести на осетинский язык с 1 января 1930 года; 2) главам ведомств вменить в обязанность к указанному сроку подготовить условия, допускающие перевод делопроизводства; 3) главам ведомств вменить в обязанность следить за максимальным использованием их сотрудниками функционирующих курсов по изучению осетинского языка; 4) поручить Наркомпросу договориться с мастерской о переводе группы машинок на осетинский язык. Одновременно поручить ему же изыскать способы скорейшего приобретения трех пишущих машинок на осетинском языке [4: с. 13]. Надо сказать, что осетинский язык в это время был основан на латинской графике, введенной еще в 1924 году, но об этом позже.

Таким образом создавалась промышленность Южной Осетии. В период с 1922 по 1927 годы капиталовложение в промышленное строительство составило 278 360 рублей. В годы первой пятилетки капитальное строительство было осуществлено на 802 354 рубля, вместо предусмотренных 1 662 000 рублей [10: с. 137], т. е. в два раза меньше, чем планировалось.

Для такой отсталой области, какой тогда являлась Южная Осетия, было характерно мелкое кустарное производство, развитие которого имело важное значение. Быстро развивались домашние промыслы и ремесленное производство, в особенности слесарно-кузнечное. В прошлом оно базировалось главным образом в Цхинвале и Ленингоре. По данным 1928 года, в кустарной промышленности Юго-Осетии было занято 2,5 тысяч постоянных и сезонных рабочих. Добычей и обработкой полезных ископаемых занимались 223 человека. В Кударо, Лехура и Монастере производили черепицу; в Цхинвале и Монастере гончарную посуду, в Цхинвальском, Ванатском и Ортевском районах занимались добычей и обработкой строительного камня. Особенно много рабочих было занято обработкой дерева. Эти ремесла носили сезонный характер [10: с. 138–139].

В 1936 году в Госплан включили строительство талькового завода в Цнелисе, для чего сверх отпущенных планом 1935 года 20 000 рублей выделили еще 30 000. Кроме того, Наркомтяжпрому и Госплану требовалось обеспечить окончательное строительство в 1936 году Сталинирского лесокombината, предусмотрев в плане 1936 года постройку паркетного, стружечного, фанерного, бондарного и столярного цехов, для чего отпустить 40 000 рублей.

В отчете ЮО обкома КП Грузии о работе промышленных предприятий за 1936 год числятся Сталинирский кирпичный завод, Сталинирский лесокombинат (лесозаготовки, лесозавод и мебельная фабрика, Ремонтно-механические мастерские в г. Сталинир, Чурсехевский лесозавод (лесозаготовки и лесопильные), мраморные разработки в селе Цнелис, Мсхлебский известковый завод. Годовой план по выпуску продукции предприятиями Управления местной промышленности за 1936 год выполнен на 83,7 %. Основными причинами невыполнения плана явились недостаточное снабжение сырьем ввиду отсутствия лесовозных дорог (лесопильные заводы), полуфабрикатов

и материалов (шурупы, спинки и сиденья для фабрики гнутой мебели) и недостаточная механизация кирпичного и известкового заводов и ремонтно-механических мастерских [12: с. 126].

Из года в год увеличивали производство сыроваренные и маслодельные заводы, созданные в Цхинвале и в горной полосе области в селах Лессор, Ерман, Бритага, Рук, Челиат, Гудис, Цру, продукция которых — высококачественные сыр и масло. Большая часть произведенного вывозилась за пределы области и даже республики. Вывозились также мясо, яйца, фрукты, вина и другие продукты [9: с. 149].

Можно сказать, что даже мясомолочные изделия и другие продукты реализовывались в основном на экспорт. Такая недвусмысленная политика в отношении ЮОАО со стороны Правительства ГССР четко вырисовывалась. Строительство новых предприятий не велось. Планы капиталовложения, как правило, не выполнялись, руководство УМП отстранило предприятия от строительства, а само не обеспечивало его. Оно допускало расходование капитальных средств на возведение административных домов, оставляя производственные цеха без самых необходимых станков и оборудования [13: с. 48].

Вследствие этого по капитальному строительству во второй пятилетке было израсходовано 1224,85 тыс. рублей (без тальковой фабрики), что составило около 70 % плана. Ежегодные затраты его сокращались. В 1934 году капитальные вложения в промышленности составили 425 000 рублей, а в 1937 году они снизились до 94,5 тыс. рублей, т. е. произошло резкое снижение вложений (на 330,5 тыс. рублей). Слабая работа по линии капитального строительства наблюдалась также по сельскому хозяйству и отчасти по связи. Но она наиболее характерна была в области промышленности. И это происходило в то время, когда местная промышленность в больших масштабах нуждалась в новом строительстве. Капиталовложения УМП были меньше затрат на сельское хозяйство в 1,5 раза, на просвещение — в 3 раза, здравоохранение — в 2 раза, коммунальное хозяйство — в 5 раз, на строительство безрельсовых дорог — в 6 раз [9: с. 149].

Одной из слабых сторон местной промышленности была неконцентрированность ее производства. В систему УМП все еще не входили предприятия по переработке продуктов животноводства, плодоводства и овощеводства, а также лесопромышленное хозяйство и фабрично-заводские мастерские. Производством промышленной продукции занимались кустарно-промысловая кооперация и хозяйственные организации, создавшие ведомственные предприятия. Областной отдел здравоохранения, например, имел кирпичное, а курортное управление — лесопильные производства. Данные 1935 года показывают, что вся валовая продукция промышленности составила 1 639 581 рублей [9: с. 150].

Несмотря на это, промышленность Южной Осетии медленно, но систематически росла. Экономическая дискриминация со стороны Грузинского руководства не давала вздохнуть промышленности полной грудью. Та же самая

картина наблюдалась и в сельском хозяйстве. Южная Осетия была сельскохозяйственной областью. Ведущими отраслями были животноводство, зерноводство, плодоводство. Товарность этих отраслей хозяйства была слабая. Рост посевной площади в 1928 году — 28 511 га, в 1930 году — 31 090 га, валовой продукции зерновых культур в 1929–1930 годах равен 6 800 000 рублей, валовой продукции животноводства в 1930 году — 3 млн рублей. Если взять рост товарной продукции сельского хозяйства, то она характеризуется следующими цифрами: в 1928 году — 1 200 000 рублей; в 1930 году — 1 800 000 рублей. Из приведенных цифр можно сделать вывод: по годам валовая продукция растет более усиленным темпом, чем товарная ее часть [12: с. 211].

Финансирование Южной Осетии шло по остаточному принципу. «Несмотря на наличие богатых залежей цветных металлов в Южной Осетии, автономная область держалась на традиционных сельскохозяйственных формах экономического развития. В этих условиях не приходилось ставить вопросов повышения материального благосостояния народа, строительства предприятий, жилых домов, школ и культурно-просветительных учреждений. Цхинвал — столица автономной области — производила впечатление полузабытого районного центра» [3: с. 384].

В 1940 году была закончена постройка железнодорожной ветки Гори — Сталинир (Цхинвал) [11: с. 209].

Кроме того, в 1940 году предполагалось строительство свинцово-цинкового рудника на базе Квайсинского месторождения, находившегося на высоте 1600–1700 метров над уровнем моря. Начавшееся в 1941 году строительство в связи с войной было приостановлено и вновь возобновлено в 1944 году. Общий объем капитальных вложений по строительству первой очереди было определено в 70 млн рублей. В 1946 году подлежали вводу в эксплуатацию рудник производительностью в 33 000 т руды в год, стотонная обогатительная фабрика, гидроэлектростанция мощностью 800 кВт, канатная дорога до 2 км и ряд других объектов производственного, культурно-бытового и жилищного строительства [11: с. 210].

На основании Постановления Правительства в 1945 году были начаты разведочные работы на нефть близ села Гром Сталинирского района. По плану, т. е. к концу 1946 года должны были начать работать три разведочные скважины. Проведение разведочных работ осуществлялось трестом «Грузнефть». Министерством местной промышленности ГССР в 1940 году было закончено строительство Цнелисского талькового завода мощностью в 12 000 т молотого талька в год, который снабжал химическую промышленность Советского Союза. Джалабетский лесозавод давал мощность по распиловке 10 тыс. кубометров высококачественной буковой древесины [11: с. 210].

Следует особо отметить два предприятия местной промышленности, временно законсервированных, — это Цнелисские мраморные разработки производительностью в 150 т мраморной крошки в год и Кемультские гипсовые разработки: в 1946 году предполагалось возобновить их работу.

В целом можно сделать вывод: никакого индустриального развития Южной Осетии не было. На начало 1941 года вся промышленность автономной области состояла из 12 предприятий полукустарного типа с общим числом рабочих не более 500 человек [5: с. 53]. Тбилиси не был заинтересован в развитии промышленности Южной Осетии и всячески это тормозил.

Не лучше обстояли дела и после войны. Так, например, в 1948 году в Цхинвале начал работать ремонтно-авторемонтный завод, вывезенный из г. Вены. Однако уже в 1950 году завод был передислоцирован в Кутаиси. Были закрыты под различными предлогами Джалабетский и Чуресхевский лесопильные заводы. Прекращена разработка нефтяного месторождения у села Гром. В 1950 году Правительством ГССР планировалось построить на территории Грузии девять мясокомбинатов, один из них в городе Цхинвале. Восемь были вскоре построены, а Цхинвальский начали строить только в 1956 году. Строительство цементного завода в селе Тбет так и не началось. Затягивалось строительство и хлебокомбината в городе Цхинвале [5: с. 53–54].

После XX съезда КПСС в 1956 году темпы роста промышленности увеличились. Были построены такие заводы, как «Эмальпровод» и «Вибромашина», открыт цех по пошиву одежды. Однако в целом к моменту развала СССР Южная Осетия оставалась аграрной областью, сырьевым придатком Грузии. Можно предположить, что аграрный сектор автономной области развивался и был высокопродуктивным. Однако это далеко не так. При этом из года в год росли плановые задания по мясу: в 1944 году — 5863 центнеров, а в 1945 году — уже 9093 центнеров. И это несмотря на резкое сокращение поголовья скота [5: с. 55].

До 1950 года облагаемая площадь составляла 80 000 га. А в 1950 году она возросла до 217 000 га. Сюда теперь отнесли и зимние пастбища в Ставропольском крае, которыми пользовалась Южная Осетия. Естественно повысили и плановые задания по животноводству, которые невозможно было выполнить. Все это привело к резкому снижению поголовья скота в Юго-Осетии. Уже через 3 года количество крупного рогатого скота сократилось на 3859 голов, овец и коз — на 11 000 голов. Почти 60 % крестьян в личном подворье не имели коров. С целью выполнения плана хозяйства закупили скот на стороне и на эти цели за 1951–1953 годы ушло 14,5 млн рублей и 45 000 центнеров зерна [5: с. 55].

Республиканские власти «дифференцированно» подходили к планированию сельского хозяйства Южной Осетии. Планы по зерну устанавливали даже горным районам, где пшеница никогда не росла. Особенно поразительно выглядел план сдачи мяса с гектара облагаемой площади. В 1951 году такой план для Цхинвальского района был установлен в 11,9 кг, а для соседнего Горьковского района Грузии — 8,6 кг. Для Джавского района — 10,1 кг, а для Казбегского района Грузии — 7,6 кг. Для Знаурского района — 11,7 кг, а для соседнего Карельского района Грузии — 9,4 кг и т. д. [5: с. 56].

План сдачи шерсти по Цхинвальскому району составлял 2250 г, а для Горьковского района — всего 600 г. Все это вело к фактическому разорению Южной Осетии и ее обнищанию.

Так, в 1952 году из 161 колхоза автономной области в 117 работники не получили денежных выплат. А в некоторых колхозах вообще ничего не получили за свой труд. Крестьяне Южной Осетии кормились только со своих приусадебных участков или вынуждены были уходить на заработки в города Союза, а то и совсем переселяться в другие районы. Так, в 1944 году из горных зон Южной Осетии ушло 380 крестьянских дворов, а в 1945 году еще 465 семей покинули свою родину.

Ситуация не улучшилась вплоть до распада СССР. Грузинские власти продолжали свою прежнюю политику, политику геноцида осетинского народа, но теперь более изощренно, экономическими рычагами. Искусственно сдерживая развитие Южной Осетии, Тбилиси сдерживал уровень жизни осетин и таким образом как бы предлагал им уезжать в более благоприятные районы внутренней Грузии или СССР. Если взглянуть на цифры розничного товарооборота и на потребление продуктов на душу населения за 1979 год, то становится ясно, что уровень жизни южных осетин был в 2 раза ниже, чем в среднем по стране [7: с. 131–147].

Литература

1. *Абаев В.Д.* Экономическое развитие Юго-Осетии. Ч. 3: Цхинвал, 1956. 237 с.
2. *Авксентьев В.А.* Этническая конфликтология: в поисках научной парадигмы. Ставрополь, 2001. 268 с.
3. *Блиев М.М.* Южная Осетия в коллизиях российско-грузинских отношений. М.: Проект-Пресс, 2006. 150 с.
4. Восстановление и развитие народного хозяйства Юго-Осетии: сборник документов и материалов (1921–1929 гг.). Т. 1: Сталинир, 1960. 548 с.
5. *Гаглойти Ю.С., Джисоев М.К.* Из истории осетино-грузинских взаимоотношений. Цхинвал, 1995. 234 с.
6. *Дзагоева Е.П.* К проблеме развития и размещения производственных сил в ЮО // Региональные проблемы экономики (на примере ЮО). Цхинвал, 1981. 151 с.
7. *Кабисова Д.Г.* Розничный товароборот как показатель уровня жизни // Известия ЮОНИИ АН ГССР. Цхинвал, 1981. С. 131–147.
8. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М.: Госполитиздат, 1954. Ч. 3. 254 с.
9. *Плиев Б.З.* Индустриальное развитие Южной Осетии // Известия ЮОНИИ АН ГССР. Вып. 13. Цхинвал, 1964.
10. *Плиев Б.З.* Строительство промышленности в ЮО в 20-х годах // Известия ЮОНИИ АН ГССР. Вып. 13. Цхинвал, 1964.
11. Промышленность Юго-Осетии // Известия ЮОНИИ АН ГССР. Вып. 1 (5). Сталинир, 1946.
12. Развитие народного хозяйства и культуры ЮОАО. Сборник документов и материалов (1930–1940). Цхинвал, 1967. Т. 2. 539 с.
13. XV лет Советской Юго-Осетии. 1920–1935. Сталинир: Госиздат Юго-Осетии, 1935. 83 с.

Literatura

1. *Abaev V.D.* E'konomicheskoe razvitie Yugo-Osetii. Ch. 3: Czxinval, 1956. 237 s.
2. *Avksent'ev V.A.* E'tnicheskaya konfliktologiya: v poiskax nauchnoj paradigmy'. Stavropol', 2001. 268 s.
3. *Bliev M.M.* Yuzhnaya Osetiya v kolliziyax rossijsko-gruzinskix otnoshenij. M.: Proekt-Press, 2006. 150 s.
4. Vosstanovlenie i razvitie narodnogo xozyajstva Yugo-Osetii: sbornik dokumentov i materialov (1921–1929 gg.). T. 1. Stalinir, 1960. 548 s.
5. *Gaglojti Yu.S., Dzhioev M.K.* Iz istorii osetino-gruzinskix vzaimootnoshenij. Czxinval, 1995. 234 s.
6. *Dzagoeva E.P.* K probleme razvitiya i razmeshheniya proizvodstvenny'x sil v YuO // Regional'ny'e problemy' e'konomiki (na primere YuO). Czxinval, 1981. 151 s.
7. *Kabisova D.G.* Roznichny'j tovarooborot kak pokazatel' urovnya zhizni // Izvestiya YuONII AN GSSR. Czxinval, 1981. S. 131–147.
8. KPSS v rezolyuciyax i resheniyax s'ezdov, konferencij i plenumov CK. M.: Gospolitizdat, 1954. Ch. 3. 254 s.
9. *Pliev B.Z.* Industrial'noe razvitie Yuzhnoj Osetii // Izvestiya YuONII AN GSSR. Vy'p. 13. Czxinval, 1964.
10. *Pliev B.Z.* Stroitel'stvo promy'shlennosti v YuO v 20-x godax // Izvestiya YuONII AN GSSR. Vy'p. 13. Czxinval, 1964.
11. Promy'shlennost' Yugo-Osetii // Izvestiya YuONII AN GSSR. Vy'p. 1 (5). Stalinir, 1946.
12. Razvitie narodnogo xozyajstva i kul'tury' YuOAO. Sbornik dokumentov i materialov (1930–1940). Czxinval, 1967. T. 2. 539 s.
13. XV let Sovetskoj Yugo-Osetii. 1920–1935. Stalinir: Gosizdat Yugo-Osetii, 1935. 83 s.

T.V. Tadtaev**Economic Development of South Ossetia in the Period of Soviet Power**

The article is devoted to the socio-economic development of the South Ossetian Autonomous Region within the Georgian SSR. The author studies the natural wealth of South Ossetia, such as: oil, gas, marble, travertine, and many others. The economic potential of the autonomous region was quite diverse: agriculture, factories, plants, industrial enterprises, however, the central authorities in Tbilisi artificially held back the development of the region.

Keywords: South Ossetia; Georgia; the economy; natural resources; discrimination; social development.

М.В. Барабанов

Постсоциалистические страны Восточной Европы и европейское сообщество: начало пути в ЕС

В статье освещается начало пути восточноевропейских стран, отказавшихся от социалистической модели развития, в Европейское сообщество, выявляются причины и сложности этого выбора, рассматривается заинтересованность ЕЭС в своем расширении за счет стран Восточной Европы, а также политическое, экономическое и внешнеполитическое измерение отношений Сообщества и будущих его новых членов.

Ключевые слова: постсоциалистические страны; Центральная и Восточная Европа; Восточная Европа; Европейское сообщество; ЕЭС; Западноевропейский союз (ЗЕС).

Для обозначения региона, в который входили бывшие социалистические страны, общепринято использовать термин «Центральная и Восточная Европа». На наш взгляд, применительно к рассматриваемым событиям целесообразнее применять термин «Восточная Европа» (ВЕ). Это понятие несет определенный политический смысл. Не случайно знаковой целью для новых постсоциалистических властей стран Восточной Европы в начале 90-х годов XX века стало избавление от слова «восточный», символизировавшего коммунистическое прошлое.

Сегодня не секрет, что ведущие страны Европейского сообщества участвовали — прямо или опосредованно — в «бархатных» событиях в восточноевропейских странах в конце 80-х годов XX века, когда их вектор развития резко поменялся: произошел поворот от «строительства социализма» к формированию «рыночной и демократической» модели развития [4: с. 81]. Хотя в подавляющем числе работ как зарубежных, так и российских исследователей утверждается мысль, что системная трансформация в странах Восточной Европы не импортирована и не навязана им, а порождена их глубинным, полифакторным развитием, вызрела внутри них [5: с. 69–76].

С такими утверждениями можно согласиться отчасти, поскольку конкретные факты говорят о другом. Важной вехой в кристаллизации взаимоотношений ЕЭС со странами ВЕ стал Парижский саммит «Большой семерки» в июле 1989 года. На основе его решений в сентябре 1989 года была принята программа помощи, оказываемой наиболее «продвинутым» (прежде всего политически) странам ВЕ, как утверждает российская исследовательница С.Л. Глинкина [1: с. 51]. Был создан один из инструментов реализации этой политики — фонд ФАРЕ. Координатором Программы стала Комиссия Европейского экономического сообщества (ЕЭС).

Программа ФАРЕ была направлена вначале на поддержку реформирующейся экономики Польши и Венгрии, а затем распространена, после соответствующего решения Европейского совета в сентябре 1990 года, на Чехословакию, Болгарию, Югославию и Румынию, а позже на ряд других восточноевропейских стран.

К концу 1990 года на поддержку процесса реформ в странах ВЕ, вступивших на путь экономических и политических преобразований, ЕЭС выделило по каналам программы ФАРЕ 500 млн экю⁴, из них 300 млн экю — для первоначальных получателей помощи Венгрии и Польши (в соотношении 1 : 3), остальные 200 млн экю — для других стран ВЕ [1: с. 51].

Следующей важной инициативой Запада, направленной на поддержку трансформационных реформ в Восточной Европе, стало решение об учреждении на сессии Европейского совета в Страсбурге в декабре 1989 года Европейского банка реконструкции и развития (ЕБРР), основной задачей которого стало аккумулирование средств индустриально развитых стран Запада для оказания помощи государствам ВЕ в развитии частного сектора, в становлении демократии и в реформировании экономики. Уставной капитал банка составлял 10 млрд экю, из которых 51 % был внесен государствами — членами ЕЭС, Комиссией и Европейским инвестиционным банком, а 13,45 % — странами ВЕ — получателями займов [1: с. 51].

Создав мощные инструменты финансовой поддержки стран ВЕ в виде безвозмездных субсидий и займов, ЕЭС предприняло следующий чрезвычайно важный с точки зрения трансформирующихся экономик шаг — приступило к поэтапному открытию рынка Сообщества для экспорта товаров постсоциалистических стран.

В этой связи ЕЭС начало либерализацию импортного потока вначале из Венгрии и Польши, а затем из Болгарии, Чехословакии и Румынии, приблизив его уровень к отметке, уже существовавшей в торговле с Югославией. В этом же русле следовали предоставление льготного режима в рамках общей системы преференций сначала Польше и Венгрии.

Таким образом, можно сделать вывод, что к началу 1991 года европейские сообщества, отвечая на перемены в Европе и мире, возникшие в связи с развалом мировой социалистической системы, мобилизовались для того, чтобы использовать исторический шанс объединения Европы на принципах, господствовавших в ее западной части [1: с. 52].

Что касается восточноевропейских стран, то еще до свержения коммунистической власти большинство их населения тянулось к Западу. Одним из проявлений завышенных ожиданий, связанных со сменой системы власти в регионе, была вера восточноевропейцев в свою идентичность с Западной Европой. Причем по оценке социологических опросов, проводимых тогда американскими исследователями, в годы революционных перемен восточно-европейцы в целом относились к капитализму как общественной системе более благоприятно или даже восторженно, чем респонденты в странах Запада [9: р. 193].

⁴ Экю — валютная единица, использовавшаяся в европейской валютной системе ЕЭС и ЕС в 1979–1998 гг.

Наряду с экономическими причинами в основе желания этих восточно-европейских государств вступить в Европейское сообщество лежали также политические мотивы и стремление к безопасности. Ведь стать полноправным членом ЕЭС для этих стран означало окончательный выход из-под сферы влияния России и «возвращение в Европу».

Итак, после развала «социалистической системы» восточноевропейские страны «потянулись в Европу». Европейское сообщество ответило взаимностью. По утверждению ряда специалистов, существование ЕС по соседству с замкнутой группой постсоветских государств с социально-экономическими и этническими проблемами и неустойчивой демократической структурой было потенциально опасным. Вследствие этого расширение на Восток рассматривалось как важный фактор утверждения демократии и стабильности в Европе. Более того, присоединение Центрально-Восточной Европы позволяло усилить политический вес ЕС в мире, изменить его международный статус.

«Расширение ЕС в первую очередь есть политический, символический или даже идеалистический процесс, лишь в последнюю очередь — экономический», — утверждает российский исследователь А.В. Дрыночкин. Это вытекает, по его мнению, «из того факта, что и сам Евросоюз является проектом, т. е. результатом целенаправленной деятельности людей» [2: с. 51].

В начале 90-х годов XX века западными исследователями началось цивилизационное обоснование необходимости вхождения бывших социалистических стран в единую Европу. Многие европейские специалисты заговорили тогда о глубоких исторических корнях «европейской идеи». Ректор Европейского колледжа доктор В. Унгерер подчеркивал, что проект Европейского союза издавна занимал философов (И. Кант), поэтов (В. Гюго), политических деятелей (Куденхове-Калерги) [14: р. 42].

Проблема практического создания «новой Европы» возникла не в 1989 году, а сразу после завершения Второй мировой войны, утверждали многие европейские исследователи. Именно после войны, по их мнению, стало очевидным, что национально-государственная система, сложившаяся на континенте в XVII–XVIII веках, не способна ни обойтись без кровопролитных войн, ни обеспечить европейцам достойное место на мировой сцене будущего, где ведущие роли призваны играть субъекты континентального масштаба.

Концепция, которая легла в основу западноевропейской интеграции, как писал Унгерер, изначально была рассчитана на всю Европу. Воссоединение — в той или иной форме — двух частей разделенного континента, добавлял американский исследователь С.Ф. Крамер, всегда оставалось долгосрочной целью крупнейших западноевропейских политиков самых разных идеологических ориентаций от К. Аденауэра, А. де Гаспери и Ш. де Голля до В. Брандта [8: р. 212].

Л. Рюль предлагал отказаться от самого понятия «Восточная Европа» применительно к западнославянским и придунайским государствам. По его мнению, этот термин относился в XVIII–XIX веках преимущественно к России (с входившими в ее состав Прибалтикой и восточной частью Польши) и к европейским

территориям Османской империи. В 1945–1948 годах термин «Восточная Европа» использовался для обозначения зоны, занятой Советской армией.

Бывшие коммунистические страны не просто стремятся к привилегированным отношениям с Западом, писал Л. Рюль, Чехословакия, Венгрия, Польша и даже Прибалтийские республики «рассматривают себя как неотъемлемую часть Западной Европы», отвергая «любые варианты промежуточного положения» и особого статуса в панъевропейской системе [12: р. 48].

В области безопасности восточноевропейские государства сначала не возлагали особо больших надежд на западноевропейские институты. В 1990–1991 годы несколько активизировались их контакты с Западноевропейским союзом (ЗЕС), были заключены отдельные двусторонние договоры (между Францией и Польшей, Германией и Польшей), предусматривающие консультации в случае возникновения угрозы безопасности одной из сторон. Однако все эти каналы сотрудничества, по словам Крамера, не обеспечивали «подлинных гарантий» [8: р. 212].

В чем же видели гарантии безопасности для восточноевропейских стран европейские аналитики? Они видели эти гарантии в реализации принципа «большинства», а не консенсуса в рамках Европейского сообщества.

Принцип консенсуса в принятии решений, утверждал В. Унгерер, «недостаточен для быстрых и волевых действий в кризисных ситуациях» [14: р. 51]. Л. Бриттэн, ссылаясь на уроки Югославии, подчеркивал, что вопрос о вступлении в военные действия вряд ли может решаться на национальном уровне, тем более учитывая особые исторические сложившиеся связи и интересы отдельных государств-членов в тех или иных странах и регионах [7: р. 33].

А. Менк обращал внимание на то, что утверждение ЕЭС в качестве гаранта европейской безопасности опирается не только на изменение его институционального механизма, но и в поисках ответа на следующие вопросы: на базе какого права, в каких географических пределах, каким образом и с помощью каких военных средств Европа может поддерживать порядок [10: р. 17].

По мнению С.Ф. Крамера, обязательным условием установления прочного режима безопасности в Восточной Европе, а, следовательно, и на континенте в целом, должно быть предварительное превращение восточноевропейских стран в «нормальные» государства, «что предполагает разрешение внутренних национальных вопросов и хорошие межгосударственные отношения с соседями» [8: р. 213]. То же относится и к республикам бывшего Советского Союза, без которых «единая и свободная Европа» не может быть создана [8: р. 213]. «В конечном же счете, — считал Крамер, — единственное решение проблемы статуса Восточной Европы заключалось в ее полномочном членстве в Европейском сообществе, призванном стать не только экономической общностью, но и политическим союзом, схватывающим область безопасности» [8: р. 213].

Дискуссия о расширении ЕС интенсивно велась с самого начала 1990-х годов, что являлось результатом совокупного воздействия двух явлений — значительных успехов, достигнутых в ходе «европейского строительства» во второй половине 80-х годов, и крушения коммунизма. Сообщество оказалось главным полюсом

притяжения для восточноевропейских народов и правительств, которые, как отмечал тогдашний вице-президент Комиссии ЕЭС М. Бангеманн, «не имеют и не одобряют иных идей и планов по организации Европы» [6: р. 21].

К осени 1991 года в инстанции ЕЭС поступили заявки на вступление от Польши, Венгрии и Чехословакии. Принципиальная позиция руководства ЕС зиждилась на 237-й статье Римского договора, гласящей, что Сообщество «открыто для любой европейской демократии» [6: р. 22].

Основатели ЕС и их последователи, отмечал М. Бангеманн, всегда рассматривали Сообщество как «сердцевину объединительного процесса» в рамках всей Европы [6: р. 21]. Специалисты указывали на впечатляющие долгосрочные результаты крупного расширения ЕС: Сообщество или Европейский союз, подчеркивал В. Унгерер в 1991 году, будет насчитывать 400 млн человек и обладать самым высоким ВВП в мире, приобретет многообразные культурные источники созидания и «станет более сбалансированным в географическом и культурном смысле, чем сейчас» [14: р. 46].

Вместе с тем вокруг условий и сроков приема новых членов возникли острые споры, в процессе которых в качестве преобладающей концепции стали формироваться идеи диалектического сочетания углубления и расширения интеграционного процесса. По словам М. Бангеманна, сама «концепция расширения... требует углубления», поскольку в случае удвоения числа участников нормальное функционирование существующих ныне институтов ЕЭС окажется невозможным [6: р. 23]. В свою очередь реформа Сообщества является подготовкой к приему новых членов» [6: р. 24].

В сентябре 1990 года Комиссия ЕЭС разработала «Общие параметры соглашений об ассоциации» со странами этого региона, на базе которых начались переговоры с Чехословакией, Польшей и Венгрией [8: р. 213]. Документ Комиссии устанавливал в качестве исходных условий ассоциации не только экономические, но и политические критерии, включая верховенство закона, уважение прав человека, многопартийность, свободные выборы.

Статья 238 Римского договора допускала разработку весьма широкого спектра вариантов ассоциации — от простых соглашений о торговле и помощи до договоров, предусматривавших создание не только зон свободной торговли, но и таможенных союзов, использование норм коммунитарного права в ассоциированных странах, их участие в различных технологических и региональных программах Сообщества, регулярный диалог в сфере внешней политики и безопасности, а также культурное сотрудничество [14: р. 45].

По мнению В. Унгерера, подобные развитые виды ассоциации могут стать наиболее удачной формой связей и помощи бывшим коммунистическим странам на весь тот период, который понадобится им для полного утверждения демократических и рыночных структур. Последнее же, как подчеркивает он и многие другие, оказалось «сопряженным с гораздо большими сложностями, чем представлялось вначале» [14: р. 46].

Уже подготовка первых соглашений об ассоциации с Польшей, Чехословакией и Венгрией столкнулась с серьезными проблемами, связанными с потенциальными экономическими ущербами для Сообщества и его отдельных участников. Соглашения, подписанные 16 декабря 1991 года, не предусматривали, в частности, свободного движения ни товаров, ни людей.

Лишь в последний момент ЕЭС согласилось включить в них положение о том, что вступление в Сообщество представляет «конечную, хотя и не автоматическую цель» ассоциации. Все это, полагал С.Ф. Крамер, внушает сомнения в успехе реформирования и приобщения к ЕС даже этих трех государств. В то же время соглашения с ними рискуют воздвигнуть новый барьер между этой «тройкой» и их менее благополучными соседями [8: р. 214].

На перспективу возможного «нового раскола континента» обращал внимание и директор Белгородского института международной политики и экономики Предраг Симич. Помимо новой «экономической биполярности», «разграничения между богатыми и бедными» он отмечал разделение восточной части Европы «на три различных ареала: Центральную Европу, где изменения происходят наиболее быстро и где западные страны (особенно Германия) проявляют безусловную заинтересованность в поддержке перемен; Юго-Восточную Европу (Балканы), где изменения намного медленнее, перспективы менее определены, а интересы западных стран весьма противоречивы... территорию бывшего СССР, которую можно обозначить как Восточную Европу в точном смысле этого термина, где направление развития до сих пор неясно и сопряжено с особыми опасностями» [13: р. 26].

Своеобразное решение проблемы предлагал А. Менк, по мнению которого «следовало бы поменять местами экономические и политические этапы» воссоединения Европы [10: р. 17]. Он рекомендовал символически принять все восточноевропейские государства в Сообщество: они «подняли бы в Брюсселе свои флаги, подписали бы хартию демократии, оговаривающую, в числе прочего, права меньшинств, тем самым согласились бы на арбитраж в случае конфликтов и участвовали бы в некоторых механизмах политического сотрудничества». По мнению Менка, это имело бы важный психологический и политический эффект и позволило бы спокойно обсудить с каждой из стран Востока «сроки и формы ее присоединения к экономической Европе», которые могут и должны сильно варьироваться [10: р. 17].

Споры внутри Сообщества вокруг отношений с Восточной Европой имели и социально-экономическое измерение. Хотя социал-демократическое движение, как подчеркивал Крамер, не предлагает сейчас «внятной... альтернативы идеологии свободного рынка», поиск оптимального баланса между плановым и рыночным началами хозяйства не только продолжается, но и приобретает крайнюю актуальность для Европы в условиях промышленного вызова со стороны Японии [8: р. 215]. Это сказывалось на дискуссиях о формах помощи Востоку и о ее конечных целях; например, программа ЕБРР отражала предпочтения

французского руководства и нацелена на формирование в Восточной Европе экономической модели с чрезмерно, по мнению Крамера, развитыми этатистскими элементами.

Западная Европа, отмечал Крамер, остро нуждается в проведении по-настоящему единого «восточного» курса. А это требовало, по его мнению, прежде всего согласия между Францией и Германией и их совместного лидерства, которое, как показал опыт, является «ключом к успехам Сообщества» [8: р. 215]. Реальная опасность заключалась, как утверждал Крамер, не в германском преобладании, а в недостаточности западной помощи Востоку.

Западноевропейская политическая мысль проникалась в начале 1990-х годов сознанием того, что международно-политические, военные, социальные и экономические аспекты развития Восточной Европы теснейшим образом взаимосвязаны. Подчеркивая эту связь, Дж. Роупер призывал Запад, и в частности, Сообщество, разработать по отношению к Востоку комплексную стратегию, экономические и военно-политические направления которой были бы согласованы между собой. Только такой подход, убежденно утверждал он, позволит построить новую систему европейской безопасности [11: р. 3].

Утверждать, что Сообществу удалось разработать Комплексную программу и стратегию по отношению к странам-кандидатам вряд ли возможно без существенных оговорок. Однако надо признать, что пятое расширение Евросоюза сделало европейскую часть континента более бесконфликтной и объединенной. По мнению старых членов ЕС, удалось добиться огромного успеха в плане стабилизации ситуации на континенте, учитывая, что в состав Европейского союза была принята группа стран, которые были непосредственными соседями ЕС.

Одним словом, членство в ЕС предоставило странам Восточной Европы возможность обеспечить собственную безопасность и «состыковаться с локомотивом» социально-экономического развития Европы [3: с. 95]. Однако в полной мере реализовать эту возможность в силу ряда факторов не удалось. К сожалению, сбываются некоторые прогнозы об усилении противоречий между «старой» и «молодой» Европой, да и между новыми членами Евросоюза разворачивается острая конкуренция.

Литература

1. Глинкина С.Л. Центральная-Восточная Европа на пути в Евросоюз // Новая и новейшая история. 2007. № 3. С. 46–65.
2. Дрыночкин А.В. Последствия вступления в ЕС // Евроинтеграция: влияние на экономическое развитие Центральной и Восточной Европы = Eurointegration: impact on economic development of Central and Eastern Europe / Отв. ред. А.И. Бажан. М.: Ин-т Европы РАН, 2014. С. 50–62.
3. Ланг К. Страны — члены Европейского союза спустя два года после расширения: уроки и перспективы // Вестник аналитики. 2006. № 3. С. 95–105.
4. Усиевич М.А. Десятилетие реформ в Венгрии. 90-е годы XX в. // Новая и новейшая история. 2002. № 5. С. 80–97.

5. *Язборовская И.С.* Глобализация и опыт системной трансформации в странах Центрально- и Юго-Восточной Европы. М.: «Academic», 2008, 378 с.
6. *Bangemann M.* The process of European unification // *Studia diplomatica*. Bruxelles, 1991. Vol. 44. № 4. P. 21–30.
7. *Brittan L.* Political union and disunion in Europe // *Studia diplomatica*. Bruxelles, 1991. Vol. 44. № 4. P. 31–36.
8. *Kramer S.Ph.* Western Europe's «eastern question» // *The World today*. L., 1991. Vol. 47. № 12. P. 212–215.
9. *Deacon B.* Social policy, social justice and citizenship in Eastern Europe. 1992. P. 193.
10. *Minc A., Montrial Th. de.* A cote de l'essentiel // *Rev. des deux mondes*. P., 1991. № 12. P. 14–25.
11. *Roper J.* Yugoslavia and European security // *Rev. of Intern. Affairs*. Belgrade, 1992. Vol. 43. № 1002. P. 1–3.
12. *Ruhl L.* Defense: La longue marche fr. — allem. // *Rev. des deux mondes*. P., 1991. № 12. P. 46–58.
13. *Simic P.* Europe after the end of Cold War // *Rev. of Intern. Affairs*. Belgrade, 1992. Vol. 43. № 1002. P. 24–26.
14. *Ungerer W.* European perspectives and Central Europe // *Studia diplomatica*. Bruxelles, 1991. Vol. 44. № 4. P. 41–51.

Literatura

1. *Glinkina S.L.* Central'no-Vostochnaya Evropa na puti v Evrosoyuz // *Novaya i novejschaya istoriya*. 2007. № 3. С. 46–65.
2. *Dry'nochkin A.V.* Posledstviya vstupleniya v ES // *Evrointegraciya: vliyanie na e'konomicheskoe razvitie Central'noj i Vostochnoj Evropy' = Eurointegration: impact on economic development of Central and Eastern Europe / Otv. red. A.I. Bazhan*. М.: In-t Evropy' RAN, 2014. S. 50–62.
3. *Lang K.* Strany' — chleny' Evropejskogo soyuza spustya dva goda posle rasshireniya: uroki i perspektivy' // *Vestnik analitiki*. 2006. № 3. S. 95–105.
4. *Usievich M.A.* Desyatiletie reform v Vengrii. 90-e gody' XX v. // *Novaya i novejschaya istoriya*. 2002. № 5. S. 80–97.
5. *Yazhborovskaya I.S.* Globalizaciya i opy't sistemnoj transformacii v stranax Central'no- i Yugo-Vostochnoj Evropy'. М.: «Academic», 2008, 378 с.
6. *Bangemann M.* The process of European unification // *Studia diplomatica*. Bruxelles, 1991. Vol. 44. № 4. P. 21–30.
7. *Brittan L.* Political union and disunion in Europe // *Studia diplomatica*. Bruxelles, 1991. Vol. 44. № 4. P. 31–36.
8. *Kramer S.Ph.* Western Europe's «eastern question» // *The World today*. L., 1991. Vol. 47. № 12. P. 212–215.
9. *Deacon B.* Social policy, social justice and citizenship in Eastern Europe. 1992. P. 193.
10. *Minc A., Montrial Th. de.* A cote de l'essentiel // *Rev. des deux mondes*. P., 1991. № 12. P. 14–25.
11. *Roper J.* Yugoslavia and European security // *Rev. of Intern. Affairs*. Belgrade, 1992. Vol. 43. № 1002. P. 1–3.
12. *Ruhl L.* Defense: La longue marche fr. — allem. // *Rev. des deux mondes*. P., 1991. № 12. P. 46–58.

13. *Simic P.* Europe after the end of Cold War // *Rev. of Intern. Affairs.* Belgrade, 1992. Vol. 43. № 1002. P. 24–26.
14. *Ungerer W.* European perspectives and Central Europe // *Studia diplomatica.* Bruxelles, 1991. Vol. 44. № 4. P. 41–51.

M.V. Barabanov

**«Post-Socialist» East Europe Countries and European Community:
the Beginning of the Way to the EU**

In this article the author highlights the beginning of the way of Eastern European countries, that have renounced the socialist model of development, towards European Community and reveals the causes and difficulties of this choice. The author considers the interest of the EEC in its expansion at the expense of countries in Eastern Europe, as well as political, economic and foreign policy dimension of the relations of the Community and its new future members.

Keywords: «post-socialist» countries, Central and Eastern Europe, Eastern Europe, European Community, European Economic Community (EEC), Western European Union (WEU).

И.Г. Жиряков

К истории «санкционных войн» Евросоюза: конфликт ЕС с Австрией в 2000 году

В статье рассматриваются перипетии формирования коалиционного правительства правой Австрийской народной партии и радикальной Австрийской партии свободы в 2000 году, неадекватная реакция Евросоюза на создание этого правительства, выявляются причины введения санкций ЕС в отношении Австрии и их контрпродуктивность, формулируются уроки из санкционной политики Евросоюза.

Ключевые слова: коалиционное правительство; вотум недоверия; санкции; «санкционная война»; дипломатический бойкот.

Характеризуя состояние современных европейских и международных отношений, нельзя не заметить, что их отличительной чертой является развертывание «санкционных войн». Институт санкций как инструмент политических, экономических и правовых ограничений появился, как известно, давно. И этот инструмент, надо признать, нередко доказывал свою позитивную роль. Но сегодня институт санкций все чаще становится орудием реализации своих эгоистических политических и экономических целей сильными странами или мощными государственными объединениями.

Прошло уже пятнадцать лет после санкционного демарша Евросоюза в отношении Австрии в 2000 году. Многие этот демарш уже подзабыли, но он тем не менее остается во многом поучительным.

Напомним, что на парламентских выборах, проведенных осенью 1999 года в Австрийской Республике, больше всех голосов (33,15 %) набрала Социал-демократическая партия Австрии (СПА), получив 65 мандатов в Национальном совете. Австрийскую народную партию (АНП) поддержали 26,91 % избирателей; столько же голосов досталось и Австрийской партии свободы (АПС). АНП и АПС получили по 52 мандата каждая [8]. Таким образом, впервые на видное место вышла АПС — ультраправая партия, как ее называли некоторые австрийцы и европейцы за явные проявления национализма, за жесткую критику Евросоюза, наконец, за открыто высказываемую симпатию к некоторым действиям Гитлера со стороны лидера АПС — Й. Хайдера.

По ходу политического кризиса в отношениях ЕС — Австрия среди австрийских граждан и населения других стран — членов Евросоюза будет утверждаться мнение, что борьба с «австрийскими националистами» была вызвана в большей степени их антиевропейскими лозунгами.

Поскольку СПА не получила абсолютного большинства в австрийском парламенте, необходимо было сформировать коалиционное правительство.

АНП была категорически против создания коалиции с социалистами, не желая быть вторым, «младшим», партнером. И тогда народники решили заключить соглашение с АПС; таким образом и было сформировано новое коалиционное правительство. Кстати, Й. Хайдер не вошел в новый правительственный кабинет. От АПС в правительстве на должность вице-канцлера была включена С. Рисс-Пассер. Однако, как справедливо отмечали российские исследователи В.Я. Швейцер и Ю.И. Юданов, все это не означало ухода Хайдера из австрийской политики [1: с. 58].

Президент Австрийской Республики Томас Клестиль еще до приведения правительства к присяге поручил лидерам АНП и АПС В. Шюсселю и Й. Хайдеру подготовить и подписать коалиционное соглашение, в котором была бы подтверждена «непоколебимая приверженность» коалиционного правительства «духовным и моральным ценностям народов Европы, личной и политической свободе и верховенству права» [6: s. 216]. Такое поручение было выполнено; в обнародованном документе особо подчеркивалось, что партнеры берут на себя обязанность бороться с наследием «ужасающих преступлений национал-социалистического режима» [1: с. 58].

Тем не менее еще до официального объявления о составе нового австрийского коалиционного правительства Европейский союз 31 января 2000 года публикует «Заявление от имени 14 государств — членов ЕС», в котором предупредил, что если в состав нового правительства войдет Австрийская партия свободы, то республике будет объявлен политический бойкот, и против нее будут введены внешнеполитические санкции [7: s. 216].

Упомянутый российский исследователь истории Австрии Ю.И. Юданов писал: «Впервые руководство Евросоюза открыто заявило одному из членов объединения, что его национальный выбор собственных правителей не может быть признан... При этом никто не ставил под сомнение безупречность демократической процедуры голосования в Австрии. Создан прецедент вмешательства со стороны Евросоюза во внутривнутриполитические проблемы малой благополучной республики» [5: с. 82].

Жесткое давление на Австрию, по мнению российских аналитиков, должно было продемонстрировать стремление ЕС ускорить процесс политической интеграции в условиях перехода в результате развития глобализации к единым стандартам не только в экономике, но и в политике [5: с. 93].

Президент Томас Клестиль отверг ультиматум Евросоюза. Пользуясь своим конституционным правом, он вычеркнул из списка претендентов от АПС двух, с его точки зрения, весьма сомнительных кандидатов [1: с. 57]. В конечном счете, Томас Клестиль, исходя из результатов выборов и договоренностей АНП и АПС, утвердил представленный ему Шюсселем список кабинета министров. В письме калифорнийскому Центру Симона Визенталя президент Томас Клестиль объяснял свое решение тем, что у него не оставалось иной альтернативы: новые выборы могли бы привести к лавинообразной победе партии Хайдера¹.

¹ Независимая газета. 2000. 5 февраля.

Новое австрийское правительство начало работу с вотума недоверия, который вынесли в парламенте депутаты оппозиционных от СПА и партии «зеленых». Они обвинили канцлера Вольфганга Шюсселя в том, что он «несет личную ответственность за нанесение политического и экономического ущерба» национальным интересам страны путем создания правящей коалиции с крайне правой Австрийской партией свободы. Вотум недоверия большинством голосов депутатов от АПН и АПС был, конечно, отклонен¹. Но этот шаг оппозиции говорил об обострении внутривластной ситуации в Альпийской республике.

После формирования коалиционного правительства в Австрии было распространено заявление президента парламента Евросоюза Николь Фонтэн, в котором она требовала исключить Австрию из Евросоюза вследствие того, что в новое австрийское правительство, несмотря на предупреждение 14 государств членов ЕС, вошли представители крайне правой Австрийской партии свободы (АПС)².

Дело до исключения, конечно, не дошло, но произошел невиданный доселе демарш Евросоюза — началось дипломатическое давление на Австрию. Европейский союз обвинил Австрию в отходе от базовых норм ЕС и объявил ей дипломатический бойкот и санкции, направленные против члена общей организации.

Ведь, по существу, европейские чиновники из Брюсселя требовали, чтобы в Австрии отменили результаты выборов. Попытки руководства Евросоюза управлять политическими процессами в суверенной стране вызывали раздражение у 80 % австрийцев, согласно проведенному тогда опросу общественного мнения [5: с. 83]. Так что, Австрия в полной мере испытала «распропагандируемое» в ЕС равноправие всех членов этого объединения.

Представители Бельгии и Франции демонстративно покинули зал заседания встречи министров социального обеспечения ЕС в феврале 2000 года, когда слово взяла их коллега из Австрии Э. Зикль, являвшаяся членом АПС. Обструкцию устроили и министру иностранных дел Б. Ферреро Вальднер (АНП), когда она проводила в Вене заседание ОБСЕ, председателем которого была тогда Австрия [1: с. 95].

Объявленный ЕС политико-дипломатический бойкот Австрии носил по преимуществу показательный характер, считает российский исследователь В.Я. Швейцер [1: с. 95]. Вряд ли с таким утверждением известного ученого можно безоговорочно согласиться. Действительно, санкции были в основном политические, а не экономические, процедура принятия которых требует особого решения. К тому же экономические санкции могли бы вызвать раздражение у деловых кругов некоторых стран ЕС, имевших тесные экономические связи с Австрией.

Но, так или иначе, поведение 14 стран — членов ЕС в отношении Австрии было явно неуважительным, что в международных отношениях вообще, а в партнерских особо, считается недопустимым.

Более того, по утверждению австрийских авторов, в некоторых государствах — членах Евросоюза публично высказывался призыв «к свержению

¹ Российская газета. 2000. 16 февраля.

² Ведомости. 2000. 22 февраля.

правительства Австрии» [7: s. 218]. Произошло сокращение двусторонних контактов, блокирование австрийских кандидатов на руководящие должности в ЕС [5: с. 83]. Последовали факты исключения Австрии из ряда программ ЕС [3].

Австрийская Республика заявляла, что «нарушены основополагающие договоры, устанавливающие Сообщество и Союз», что нарушен общий принцип права — «*Audi alteram partem*» (право сторон выложить Суду собственную точку зрения) [7: s. 219]. А следовательно, был нарушен принцип справедливости и объективности.

Президент Австрийской Республики Томас Клестиль посетил весной 2000 года Европейскую комиссию и Европейский парламент, где он призывал Евросоюз к объективности, справедливости и «найти выход из сложившейся ситуации» [7: s. 220].

Затем Президент Австрии пишет на имя премьер-министра Португалии А. Гуттерриша, занимавшего тогда должность Председателя Европейского совета, письмо о необходимости создания на уровне ЕС механизма, предназначенного для тестирования политики государства-члена, заподозренного в отходе от базовых норм ЕС. По мысли Клестилья, соответствующий проект мог бы быть рассмотрен в рамках Межправительственной конференции. Предложение было отвергнуто премьер-министром Португалии, мотивировавшим свое решение тем, что введенные санкции не имеют отношения к ЕС и являются предметом двусторонних отношений государств-членов [3].

В апреле 2000 года канцлер В. Шюссель в очередной раз выступил с требованием ослабления санкций и заявил, что в случае отказа Австрия использует все имеющиеся у нее средства для защиты своих прав. Министр финансов Австрии К.-Х. Грассер заявил, что Австрия может воспользоваться своим правом вето для блокирования деятельности ЕС, а также приостановить платежи в бюджет ЕС.

Тем не менее руководство ЕС «не услышало» Австрию. Тогда в мае 2000 года Федеральное правительство Австрии принимает «Программу действий по отмене санкций», в которой, в частности, говорилось о возможности проведения осенью 2000 года референдума о членстве Австрии в ЕС, если санкции не будут отменены [7: s. 221]. И только после этого ЕС начинает вести диалог, но не с руководством Австрии, а с австрийской парламентской оппозицией.

Лидер СПА Австрии Гузенбауэр предложил план, предусматривавший ряд мер, в частности, отмену референдума, направленных на устранение кризиса в отношениях между Австрией и ЕС. Однако План Гузенбауэра, получивший поддержку у ЕС, подвергся резкой критике со стороны канцлера В. Шюсселя и вице-канцлера от АПС С. Рис-Пассер [3].

В течение лета 2000 года продолжающиеся попытки Австрии убедить партнеров по ЕС в необходимости отмены санкций против Вены оказались безрезультатными. В отчаянии Австрия начинает блокировать решения по некоторым вопросам экономической жизни ЕС³.

³ Vremia MN. 21.07.2000.

И только осенью 2000 года в Евросоюзе усиливаются голоса в пользу достижения компромисса, который позволил бы выйти из кризиса без потери лица. В Евросоюзе создали «совет мудрецов», который должен был провести переговоры с обеими сторонами. Австрия заявила о поддержке и сотрудничестве с «советом мудрецов» [7: s. 221].

Восьмого сентября 2000 года Президент Франции Жак Ширак как действующий тогда председатель Совета ЕС и «совет мудрецов» сделали свои доклады, в которых подчеркивалось, что «правительство Австрии стремится к общеевропейским ценностям и принимает практические меры по соблюдению этих ценностей и норм». И далее делался вывод: «меры, принятые XIV государствами — членами ЕС были контрпродуктивны, и их следует отменить» [7: s. 222].

Двенадцатого сентября 2000 года было принято решение Евросоюза, в котором говорилось об отмене всех санкций в отношении Австрийской Республики [7: s. 222].

Таким образом, австрийцы с большими усилиями сумели таки отстоять свой выбор, свою позицию. В Австрийской Республике снятие санкций, естественно, вызвало бурю восторга и гордости австрийцев; они чувствовали себя победителями⁴.

Снятию санкций, по словам канцлера Австрии Вольфганга Шюсселя, предшествовала «подковерная» борьба внутри ЕС. Он утверждал, что «некоторые страны» хотели не снять санкции, а лишь приостановить их. При этом канцлер не назвал эти страны. Но аналитики, конечно, догадались, что Шюссель имел в виду Францию и Бельгию, в которых ультраправые партии тоже были весьма активны — отсюда их опасения, что пример Австрии окажется заразительным.

И все же по настоянию Великобритании, Люксембурга и Дании санкции были сняты без всяких дополнительных условий. Примеру ЕС последовали и другие страны. Например, Канада объявила о восстановлении в полном объеме дипломатических контактов с Австрией. Только Израиль «опечалился» уступками ЕС по отношению к Йоргу Хайдеру. Премьер Эхуд Барак осуждал решение Евросоюза и считал, что «санкции следовало бы сохранить, пока партия, проявляющая неонацистские настроения, входит в состав правительства Австрии»⁵.

Какова была позиция России по отношению к конфликту между ЕС и Австрией?

Посол Австрии в России Франц Цеде рассказывал, что когда 14 стран-членов Евросоюза ввели против Австрии дипломатические санкции, «нас это повергло в шок». «Должен сказать, подчеркивал Франц Цеде, что все это время Россия была на нашей стороне. И президент Путин, и министр иностранных дел Игорь Иванов высказались в поддержку Австрии, австрийской демократии и канцлера Вольфганга Шюсселя»⁶.

Посол РФ в Австрии А.В. Головин говорил после разрешения европейско-австрийского кризиса, что внутренние перемены в Австрии «мы рассматриваем

⁴ Kommersant-Daily. 14.09.2000.

⁵ URL: <http://www.kommersant.ru/doc/157897>.

⁶ Kommersant-Vlast. 30.07.2002.

с позиций того, что австрийцы сами выбирают себе правительство, выбирают те политические силы, которым они доверяют. Если одна партия сменяет у руля другую, то эта другая должна задуматься над тем, почему ей стали меньше доверять»⁷.

Таким образом, Российская Федерация в тогдашнем кризисе между ЕС и Австрией поддержала австрийскую сторону в отстаивании суверенных прав на политическое самоопределение.

Итак, Евросоюз отменил санкции. Некоторые политики и аналитики считали, что руководство ЕС будет испытывать «угрызение» совести. Однако этого не произошло. Чиновники из Брюсселя заявили о том, что они продолжают «размышлять над тем, как оценивать подобные ситуации, предупреждать их и какие меры предпринимать». Они пообещали, что ситуация в Австрии останется предметом «особой бдительности» ЕС.

В руководстве Франции заметили тогда, что «меры, предпринятые против Австрии, были полезны». Премьер-министр Швеции Йоран Перссон, приветствуя снятие санкций с Австрии, указал на необходимость наблюдения за развитием экстремистских политических движений в Австрии и в других странах⁸.

Всё тогда происшедшее ставило под сомнение последующие рассуждения некоторых уважаемых российских исследователей о том, что в условиях эволюции «двухблоковой системы» к «однополюсности» объективно возрастают потенции самостоятельного курса и у малых европейских стран [1: с. 48].

Всякие попытки некоторых зарубежных авторов представить конфликт руководства Евросоюза с Австрией в 2000 году как «заботу» Евросоюза о «поступательном, демократическом развитии Альпийской республики» являются неубедительными. Австрийская Республика с ее известными достижениями в развитии демократических институтов не нуждалась в такой «заботе».

Вся эта история с введением дипломатического бойкота Австрии не могла долго продолжаться, писал австрийский исследователь Пауль Луиф. И она закончилась, по его мнению, безуспешно для ЕС [9: s. 183].

Так уж ли безуспешно? Последующие шаги тогдашнего руководства Австрии позволяют говорить о том, что Евросоюз получил все-таки определенные дивиденды. Речь идет о том, что после снятия бойкота наметился курс австрийских властей на пересмотр концепции национальной безопасности страны в сторону сближения Австрии с западными военно-политическими союзами; стали все громче раздаваться голоса о том, что после вступления страны в ЕС австрийский нейтралитет должен трансформироваться в пользу политики «внеблоковости» [2: с. 20].

Встает вопрос: может быть тогда «европейские демократические ценности», которые якобы отстаивал ЕС в рассмотренной истории, и ни при чем? Ответ на этот вопрос требует отдельного изучения.

Вся история с санкциями Евросоюза в отношении Австрии должна стать уроком для тех, кто принимает решения об общем направлении европейской интеграции, писал в 2000 году Том Грант, научный сотрудник Института международного права имени Макса Планка в Гейдельберге (Германия) и научный сотрудник

⁷ Новый Венский журнал. 2000. № 8.

⁸ Независимая газета. 2000. 14 сентября.

колледжа Св. Анны в Оксфордском университете. Говоря коротко, подчеркивал этот автор, история санкций против Австрии высветила опасности «углубления» институтов ЕС, т. е. наделения Брюсселя еще большими полномочиями по наблюдению и контролю за тем, как управляются страны, входящие в ЕС⁹.

Действительно, Европейский союз нуждался и нуждается в реформировании системы управления. Эта необходимость особенно проявляется сегодня. Ведь если не заниматься реформированием ЕС, то дело может дойти до того, что Брюссель установит жесткие правила формирования правительств в странах — членах Евросоюза!

Все это усиливает тенденцию отчуждения населения стран ЕС от Брюсселя. На протяжении австрийско-евросоюзского кризиса социологические службы страны констатировали, что более 60 % австрийцев считали санкции стран ЕС несправедливыми. Лишь 12 % полностью поддерживали дипломатический бойкот, а 17 % — частично. Более того, 42 % опрошенных австрийцев считали, что решение о вступлении страны в ЕС в 1995 году не оправдалось [1: с. 96–97].

Прошли годы, и сегодня в Австрии треть австрийцев положительно относится к членству страны в ЕС, тогда как у 41 % отношение нейтральное¹⁰.

Поэтому ожидаемы были результаты действий австрийских евроскептиков летом 2015 года, когда они собрали 260 тысяч подписей граждан республики, имеющих право голоса, при необходимом минимуме в 100 тысяч, под петицией с требованием выхода Австрии из Евросоюза¹¹.

Но дело не только в реформировании системы управления Европейского союза. Санкции и ограничения «убивают» саму европейскую идею — создание Большой и Общей демократической Европы. Ведь условием жизнеспособности европейской идеи является стремление не к всеобщей унификации, а к единству при сохранении разнообразия.

Еще одним уроком (и, пожалуй, главным, уроком для сегодняшнего времени) внутреннего кризиса в ЕС пятнадцатилетней давности, рассмотренного в данной статье, должен был стать пересмотр отношения ЕС к режиму санкций. К сожалению, этого не произошло; и сегодня режим санкций по-прежнему выглядит архаичным атрибутом внешней политики Европейского союза.

Литература

1. Государства Альпийского региона и страны Бенилюкс в меняющейся Европе / Под ред. В.Я. Швейцера. М.: Изд-во «Весь Мир», 2009. 544 с.
2. *Кружков В.А.* Постоянный нейтралитет Австрии: становление, трансформация и перспективы: автореф. дис. ... канд. истор. наук. М., 2009. 26 с.
3. *Тэвдой-Бурмули А.* Австрия и ЕС: в поисках решения // Ассоциация европейских исследований: [сайт]. URL: <http://www.edc-aes.ru>.
4. *Швейцер В.Я.* Европа: большой опыт малых стран // Современная Европа. 2008. № 3. С. 46–58.

⁹ Wall Street Journal (WSJ). 13.09.2000.

¹⁰ URL: <http://svpressa.ru/politic/article/126804/>.

¹¹ URL: <http://eu-austritts-volksbegehren.blogspot.ru/p/fragen-zur-eu.html>; URL: <http://der-standard.at/2000018407378/261159-unterschieben-Anti-EU-Volksbegehren>.

5. Юданов Ю. Австрия и Евросоюз: противостояние // Мировая экономика и международные отношения. 2001. № 2. С. 82–91.
6. Bundesministerium für auswärtige Angelegenheiten: Deklaration. Verantwortung für Österreich — Zukunft im Herzen Europas // Österreichisches Jahrbuch 2000. 72 Folge. Wien, 2000. S. 214–216.
7. Österreichisches Jahrbuch 2000. 72 Folge. Wien, 2000. 1200 S.
8. Parlamentswahlen in Österreich, 3. Oktober 1999 // Министерство внутренних дел Австрийской Республики: [сайт]. URL: http://www.bmi.gv.at/cms/BMI_wahlen/nationalrat/1999/start.aspx
9. Von Paul Luif. Österreich und die europäische Integration // Einsichten und Perspektiven. 2012. № 2. S. 180–195.

Literatura

1. Gosudarstva Al'pijskogo regiona i strany' Benilyuks v menyayushhejsya Evrope / Pod red. V.Ya. Shvejsera. M.: Izd-vo «Ves' Mir», 2009. 544 s.
2. Kruzhkov V.A. Postoyanny'j nejtralitet Avstrii: stanovlenie, transformaciya i perspektivy: avtoref. dis. ... kand. istor. nauk. M., 2009. 26 s.
3. Te'vdoj-Burmuli A. Avstriya i ES: v poiskax resheniya // Associaciya evropejskix issledovanij: [sajt]. URL: <http://www.edc-aes.ru>.
4. Shvejser V.Ya. Evropa: bol'shoj opy't maly'x stran // Sovremennaya Evropa. 2008. № 3. S. 46–58.
5. Yudanov Yu. Avstriya i Evrosoyuz: protivostoyanie // Mirovaya e'konomika i mezh-dunarodny'e otnosheniya. 2001. № 2. S. 82–91.
6. Bundesministerium für auswärtige Angelegenheiten: Deklaration. Verantwortung für Österreich — Zukunft im Herzen Europas // Österreichisches Jahrbuch 2000. 72 Folge. Wien, 2000. S. 214–216.
7. Österreichisches Jahrbuch 2000. 72 Folge. Wien, 2000. 1200 S.
8. Parlamentswahlen in Österreich, 3. Oktober 1999 // Ministerstvo vnutrennix del Avstrijskoj Respubliki: [sajt]. URL: http://www.bmi.gv.at/cms/BMI_wahlen/nationalrat/1999/start.aspx
9. Von Paul Luif. Österreich und die europäische Integration // Einsichten und Perspektiven. 2012. № 2. S. 180–195.

I.G. Zhiryakov

On the History of European Union «Sanction Wars»: EU conflict with Austria in 2000

In this article the author considers the vicissitudes of formation of a coalition government between Austrian People's Party and radical Freedom Party of Austria in 2000, EU inadequate response to the formation of this government, reveals the rationale of the EU sanctions against Austria and their counterproductiveness, formulates lessons from the sanctions policy of the European Union.

Keywords: coalition government; vote of non-confidence; sanctions; «sanction war»; diplomatic boycott.

**А.А. Болтаевский,
И.П. Прядко**

Болезни урбанизма: прошлое и настоящее

В работе дается оценка одной из древнейших форм девиации — проституции. Анализируются ее исторические формы, в частности, показана связь семейной проституции в традиционном обществе с этическими представлениями, понятием долга, ответственности низов общества перед властью имущими. Новизна подхода состоит в анализе болезней цивилизации под углом зрения социокультурной динамики: показаны изменения отношения к девиации на Древнем Востоке, в Средние века, Новое время, в России.

Ключевые слова: проституция; девиация; болезни цивилизации; социальная работа; ресоциализация; аномия.

Явление, о котором авторы будут говорить, уже неоднократно становилось предметом самого пристального, детального и всестороннего анализа. Однако исследователям не всегда удавалось отказать от предвзятых оценок этого вида девиации, причем высказывались суждения полярного противоположного характера.

Более того, и сегодня не прекращаются попытки расширить область применения данного понятия. Так, в наше десятилетие был реанимирован термин «политическая проституция». В последнем случае мы имеем дело с метафорой, имеющей оттенок гиперболы. К ней прибегли авторы СМИ для того, чтобы оттенить конъюнктурность позиции некоторых недальновидных представителей мира политики. Для уточнения смысла термина «проституция» необходимо обращение к историческому контексту, что и будет сделано в настоящей статье.

Без такого обращения обсуждаемое понятие становится пустой идеологемой, не имеющей фиксированного смысла. Если неопределенность идеологемного дискурса проистекает из смысловой противоречивости, то в действие вступает парадокс материальной импликации, в соответствии с которым «из лжи следует все, что угодно». Если неопределенность возникает из-за того, что понятие не имеет смысла, то здесь реализуется идеологема «*всеобщей значимости*», в соответствии с которой «любому грамматически правильно выраженному можно придать некий смысл, построив для него подходящий языковый или ситуативный контекст» [1: с. 45]. А обсуждаемое явление такой ситуативный контекст предоставляет, как мы увидим ниже, весьма часто.

Идеологемный смысл понятия «проституция» дополняется многообразием эпитетов, которыми наделяются представительницы данной сферы деятельности:

путаны, дамы полусвета, ночные бабочки, «куртизанки», кокетки... И это при том, что люди, занимающиеся политической проституцией, не ведут ночного образа жизни, не носят туфель на каблуках, а носят пиджаки и бороды... Редьярд Киплинг назвал проституцию древнейшей профессией, сформировав устойчивую мифологию, сохранившуюся до наших дней. Однако очевидна связь неполитической проституции с развитием товарно-денежных отношений, с разделением общественного труда.

В силу гетерогенности явлений, обозначаемых термином «проституция», в отношении одних из них в обществе велась беспощадная борьба, а в отношении других — очевидно стремление так или иначе их узаконить. В условиях современной России девиантное поведение сделалось едва ли не нормой (начало этому было положено массовым обсуждением в годы перестройки таких тем, как аборты, проституция и т. д. Именно поэтому все чаще раздаются требования легализовать проституцию, ввести ее в некоторые законные рамки, придать тем, кто ею занимается, официальный статус [11].

Актуальность данной проблемы заставляет обратиться к историческому опыту взаимоотношений общества и представительниц данного вида ремесла. Древнейшими формами подобного вида девиации являются храмовая (религиозная) и гостевая (семейная) проституция. Первая из них встречалась в древности в Вавилоне, Персии, Греции, у индусов и у многих других древних этносов. По хронологическому критерию она делится на два вида:

– однократную проституцию в честь какого-либо божества, роль которого выполнял специально переодетый актер: античные авторы сообщали, что в Передней Азии «каждая женщина в стране должна раз в жизни сесть у храма Афродиты [так античный писатель называет богиню Милитту] и отдаться любому из чужестранцев»;

– и постоянную ее форму (в Персии храмовые жрицы до конца жизни «служили своим телом» богине Анаитис) [2].

Что касается семейной формы, то ее пережитки сохранялись еще долгое время. Даже в середине XIX века «на севере России хозяин, отдавая в наем квартиру, предлагает жильцу свою супругу или дочь, увеличивая, разумеется, при этом и квартирную плату» [19: с. 253]. В XX веке подобный порядок вещей сохранялся у хантов и, по личному наблюдению одного из авторов данной статьи, у тунгусов.

Следует упомянуть еще об одной разновидности семейной проституции — *долговой*. В средневековой Индии, когда крестьянин или бедный городской ремесленник одалживал денег на свадьбу дочери, залогом здесь нередко становилась сама невеста. Она должна была явиться в дом кредитора после брачной ночи и провести там несколько месяцев в качестве наложницы. А затем, когда она надоедала, ее отправляли на какой-нибудь лесоповал неподалеку, где она еще год-другой отрабатывала отцовский долг, занимаясь проституцией. После такой натуральной отработки она возвращалась к своему мужу и начинала благополучно жить

семейной жизнью. И этот порядок бедняки воспринимали как вполне справедливый! Более того, морально безнравственным считалось не выплачивать кредитору долг таким способом [2: с. 90].

Светская проституция возникает из противоречий, рожденных появлением моногамной семьи. Женщина подпадает под власть мужчины, заключается в тесные рамки своего мирка, а вот мужчина по-прежнему свободен. Афинский законодатель Солон в VI в. до н. э. пришел к выводу, что для защиты брака надо легализовать проституцию и стал покупать женщин для «общего пользования», фактически став первым известным организатором проституции. В первую очередь проституция расцветает в условиях городской среды: «Города с их интенсивной жизнью, густым и разнообразным по составу населением, с богатством рядом с бедностью и нищетой, представляют для склонного к преступлению человека более широкое поле деятельности и гораздо больший соблазн, чем сельские местности, где близость к природе, тихая и уединенная обстановка деревенской жизни узкий круг хозяйственных интересов предохраняют от тяжелых нравственных и материальных потрясений, толкающих на дорогу преступления» [3: с. 14].

В средневековой Европе муниципалитеты в городах фактически взяли проституцию под свой бдительный контроль, при этом число «дам полусвета» было весьма значительным: по данным переписи 1526 года, в Венеции из 55 035 жителей насчитывалось 4900 куртизанок. В отдельных странах средневековой Европы проституция имела характер и структуру цехового ремесла. Даже духовенство мирилось с существованием проституции. Публичные дома официально платили ренту епископам. Как отмечает немецкий исследователь Г. Глезер, «часто в одном и том же доме внизу находилась школа, а вверху — публичный дом» [18: с. 109].

Однако к середине XVI века ситуация меняется кардинально: эпидемии чумы, Реформация и Контрреформация как реакция Церкви на критику со стороны религиозных диссидентов и протестантов, называвших Рим Великой блудницей (*sic!*) и со стороны консервативной части прихожан и клира. Результат был ожидаем: большинство легальных домов терпимости, где куртизанки принимали клиентов, было закрыто. Во Франции, например, в 1560 году Орлеанский ордонанс запретил владение и управление притонами. Преследованию проституции способствовала Реформация, резко изменившая отношения к «жрицам любви»: в них стали видеть угрозу для порядочных женщин и семейной морали. Достаточно вспомнить слова Мартина Лютера о том, что проститутку «послал дьявол... чтобы погубить некоторых несчастных юношей» [8].

Естественно, что сами по себе представительницы данного вида нелегкого ремесла никуда не исчезли, а лишь поменяли свой статус на нелегальный. А в XVIII веке угроза распространения венерических заболеваний вновь вызвала мысль о легализации данного явления: в 1798 году во Франции двум врачам поручили провести обследование всех парижских проституток. Так был намечен новый путь вынужденного признания обществом проституции,

однако теперь в защиту этого выдвигались естественнонаучные, а также медицинские соображения: в Европе установилась система врачебно-полицейского контроля.

В России дело обстояло по-другому. Начнем с того, что в допетровской Руси какие-либо легальные, да и нелегальные, заведения с проститутками фактически отсутствовали. Даже иностранцы от С. Герберштейна до А. Олеария свидетельствовали, что у русских «не устраиваются публичные дома с блудницами, от которых... власти получают известный доход» [10: с. 210].

Положение постепенно стало изменяться «в лучшую сторону» в петровскую эпоху, которая была ознаменована большим притоком в нашу страну не только иностранцев, но и западных нравов. К середине XVIII века проституция приобретает широкое распространение в Петербурге. Скандальную известность получило дело одной немки, по месту рождения получившей прозвище Дрезденша. Она снимала на Вознесенской улице хороший дом, где предлагала для увеселения «недурных и молодых девиц» [7: с. 55–56]. Активную борьбу карательными мерами с этим явлением вел мальтийский рыцарь на российском троне Павел Петрович, в частности, требовавший полковым командирам «непотребных не терпеть в лагере... смотреть и оных выгонять». А в 1800 году вышел указ, согласно которому «развратных женщин, какие есть и впредь сказываться будут, в обеих столицах, отсылать прямо на Иркутские фабрики» [9: с. 65].

Однако сходный с западноевропейскими странами процесс распространения венерических заболеваний вызвал тревогу у российских властей, что стало причиной введения в 1843 году режима регламентации и создание врачебно-полицейских комитетов (ВПК). Основной их задачей должны были стать розыск и привлечение к надзору женщин, занимающихся развратом, а также наблюдать за их явками на медицинские осмотры. Свое окончательное устройство ВПК получили только в первый год правления императора-освободителя, а именно в 1856 году, но еще долго их деятельность была фактически парализована отсутствием реального надзора за проституцией за пределами столицы.

Освободив Россию от крепостной зависимости, Александр II не смог ее освободить от этой социальной болезни. Однако именно в 1860-е годы начался процесс регламентации данной «отрасли» теневого досуга. Индустриальное общество интенсифицировало непосильный труд этих женщин. Все проститутки в императорской России стали делиться на «билетных» и «бланковых». У «билетных» (у которых вместо паспорта был «желтый билет») фактически не было личной жизни: ночью они работали, днем спали. «Бланковые» же были свободными в своем графике, но в отсутствии клиентов должны были искать их и днем, и ночью.

Стоит сопоставить положение вещей, связанных с данным видом девиантного поведения в индустриальную эпоху, с тем, как развивались формы социального взаимодействия, *очень похожие на проституцию*, в эпоху феодальную. Исследователей неоднократно привлекало внимание наличие крепостных гаремов у некоторых представителей российской феодальной аристократии. В общем ряду

выделялось заведение у князя Б.Н. Юсупова, который называл себя «магометанином» (на гербе князей Юсуповых красовались египетские пирамиды и нильский крокодил) и содержал при себе гарем крепостных девушек. Следует сказать, что полутатарин-феодал не только обеспечивал своих русских наложниц всем необходимым, но и нанимал для них преподавателей. Женщины в заведениях Юсупова обучались грамоте, французскому языку, танцам, вокалу, их учили разбираться в искусствах. Таковы были причуды земельной аристократии начала позапрошлого века. Но вернемся к отечественной проституции эпохи становления бездушной власти капитала.

Как вид городской девиации оценивал распространение этого социально-недуга отечественный историк и социальный мыслитель казанский профессор Н.А. Васильев. В работе «Вопрос о падении Западной Римской империи в историографической литературе и истории философии в свете теории истощения народов и человечества» он приходит к выводу: *обречены те цивилизации, где город доминирует над деревней*. Победа города над деревней в индустриальную эпоху означала победу техники, созданной человеком, над ним самим. Создав город, человечество — так думал Васильев — создало своего рода инструмент для самоистребления. Социальный мыслитель напоминает, что в городах чрезвычайно высок процент самоубийств, растет преступность, проституция, неизбежными спутниками городской жизни стали наркомания и алкоголизм [4]. Отметим в данной связи, что приблизительно в то же время, когда Васильев подверг анализу социальные процессы, протекающие в современном обществе, к проблемам девиантного поведения в городе обратился видный представитель социологической мысли Запада Э. Дюркгейм.

Французы считают, что «в России всегда оправдывают преступников — их называют несчастными». Неудивительно, что общественное мнение считало необходимым оказывать помощь для реабилитации «падших женщин»: в России благотворительные заведения впервые были открыты в Киеве в 1860-е годы при поддержке княгини А.А. Васильчиковой, супруги тогдашнего киевского генерал-губернатора, а с 1862 года в Санкт-Петербурге при печально известной Калинкинской больнице действовал приют, устроенной графиней Е.К. Ламберт на средства московского купечества.

Даже некоторые мыслители и публицисты вынуждены были мириться с данным социальным явлением, понимая его неизбежность (здесь у них возникали новозаветные аллюзии). Вот и Василий Васильевич Розанов в своем «Втором коробе» «Опавших листьев» присоединяется к всеобщему хору, говорит об некоем «онтологическом» небытии представительниц этой профессии: «Несмотря на важность проституции, однако в каком-то отношении, мне не ясном, — они (проститутки. — А. Б., И. П.) суть действительно “погибшие создания”, как бы погаснувшие души. Их суть действительно — ‘небытие’; ‘не существуют’, а только кажется, что они ‘есть’» [14: с. 282]. Боготворимый Розановым Ф.М. Достоевский хорошо знал представительниц социального дна, выводил их в качестве героинь своих романов.

26 июня 1866 года в Москве на Полянке в наемном доме было открыто убежище св. Марии Магдалины, где находились преимущественно несовершеннолетние молодые девушки [16: с. 166]. К основным целям данного заведения относилось не только улучшение нравственного облика «насельниц», но и обучение ремеслам, которые позволили бы им к моменту выхода из него вернуться к нормальной жизни: обучение грамоте, шитью, вязанию, стирка осуществлялось под руководством надзирательницы. О важности подобных мер свидетельствует крик души одной из девушек, вступившей на путь проституции и не знающей как вырваться из него: «Я не знаю никакого ремесла, я не видала ни одного порядочного человека» [12: с. 34].

Среди первых учредителей убежища были княгиня О.А. Голицына, сестра А.А. Васильчиковой, епископ Дмитровский Леонид и баронесса Е.К. Цейлерт. Крупные пожертвования сделали известные меценаты К.Т. Солдатенков, И.В. Щукин, С.М. Третьяков.

В приют принимались девушки преимущественно до двадцатипятилетнего возраста, а минимальный срок пребывания составлял три года. Как и во всех подобных случаях девиаций (алкоголизм, наркомания), первый год пребывания был самым тяжелым и отмечался побегами из учреждения. Спустя три года пребывания в приюте, девушка получала небольшую награду в размере от 15 до 25 рублей. Многим удавалось вернуться к нормальной жизни, некоторым — устроиться сиделками в московские больницы.

Конечно, все это было каплей в море. Первая мировая война вовлекла в проституцию тысячи женщин, вынужденных бежать из оккупированных и прифронтовых территорий. Нищета и голод доводили людей до отчаяния; резко увеличилась детская и подростковая проституция. Изменился сексуальный и моральный климат. Современник считал, что «женщины, преимущественно молодые, и, к сожалению, гимназисточки, очень и очень скверно показали себя в эту войну. В деревнях мало осталось цветущих мужчин, и они рады (девушки) “каждому встречному и поперечному” и атакуют его толпой. Ревность! Драки! Ссоры! Царят у нас в деревнях. А сколько у нас появилось маленьких австрияков от женщин, поддающихся соблазну австрийцев. Эти мерзавцы пользуются отсутствием мужей, отцов и братьев. Солдаты, приезжающие из отпуска, жалуются на своих девушек и жен. “Жаль, — говорит, — что я не взял бомбы, я бы их разогнал”» [5: с. 198–199].

Унизительный и на тот момент уже архаичный режим государственной регламентации, напоминавший меры античных рабовладельческих полисов, постепенно стал вызывать все больше протестов как среди общественных деятелей, так и в сообществе медицинских работников, тем более что со временем стало ясно: «проститутки домов терпимости отнюдь не представляют меньше опасности для заражения сифилисом, чем тайные». Однако несмотря на различные собрания и съезды активистов, феминисток, обществ в защиту женщин, регламентация проституции была отменена только после падения царской власти. . . Конечно, сама проституция никуда не исчезла, но вновь в очередной раз ушла в подполье, пытаясь выжить в борьбе с карательными органами [3; 15].

Однако обсуждение этого вопроса выходит за формат настоящей статьи. Отметим лишь то, что сегодня данное явление вновь получило широкое распространение: девиация во всех сферах общественной жизни вовлекла в свои сети как женщин, так и мужчин.

Вернемся, однако, к нашему первому тезису о идеологической нагруженности понятия «проституция» и подкрепим его словами великого В.В. Розанова: «“Разврат” есть слово, которому нет соответствующего предмета. Им обозначена груда явлений, которых человечество не могло понять. В дурной час ему приснился дурной сон... будто все эти явления... суть уже скрываемые. И оно занесло их сюда, без дальнейших счетов и всякого разумения» [14: с. 282]. Не потому ли проституция как социальное явление изменчиво, поскольку изменению подвержено само общество?

Литература

1. *Бирюков Б.В.* Социально-идеологические аспекты торможения науки в тоталитарном социуме // Вестник Международного славянского университета / Под ред. Н.В. Смирнова, Б.В. Бирюкова и др. М.: МСУ, 1997. С. 44–50.
2. *Блох И.* История проституции. СПб.: РИД, АСТ, 1994. 544 с.
3. *Болтаевский А.А.* Борьба за нравственность в городской среде: исторический опыт Российской империи и СССР // Урбанистика. 2014. № 1. С. 10–18.
4. *Васильев Н.А.* Вопрос о падении Западной Римской империи и античной культуры в историографической литературе и истории философии в связи с теорией истощения народов и человечества // Известия общества археологии, истории и этнографии при Казанском ун-те. Т. 3. Вып. 2–3. Казань: Б. и., 1921. С. 129–222.
5. «Господи, скоро ли кончатся наши муки»: дневники прапорщика К.В. Аханьева // Первая мировая: взгляд из окопа / Предисловие, составление и комментарии К.А. Пахалюка. М.; СПб.: Нестор – история, 2014. С. 137–215.
6. *Гребер Д.* Об одной нравственной путанице // The Prime Russian Magazine. № 5 (26). Сентябрь / Октябрь. 2014. С. 83–91.
7. *Данилов М.В.* Записки артиллерии майора Михаила Васильевича Данилова, написанные им в 1771 году. М.: Типография С. Селивановского, 1842. 136 с.
8. История женщин на Западе. Т. 3: Парадоксы эпохи Возрождения и Просвещения. СПб.: Алетейя, 2008. 599 с.
9. *Кузнецов М.* Проституция и сифилис в России. СПб.: Типография В.С. Балашева, 1871. 230 с.
10. *Олеарий.* Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно. СПб.: Изд-во А.С. Суворина, 1906. 582 с.
11. *Пелехова Ю.* Бордель в законе // Версия. Общероссийская газета. 17–23 февраля 2014. С. 5.
12. *Приклонский И.И.* Возвращение падших девушек к честной трудовой жизни и деятельность приюта св. Марии Магдалины в Москве. М.: б. и., 1900. 79 с.
13. *Прядко И.П.* Историческое воззрение Н.А. Васильева в контексте Серебряного века и в свете традиции восточно-христианской философии: дис. ... канд. культурологии. М.: Российский институт культурологии, 2004. 221 с.

14. *Розанов В.В.* Опавшие листья. Короб 2-й // *Розанов В.В.* Опавшие листья. Лирико-философские записки / Сост. и вступит. статья А.В. Гулыги. М.: Современник, 1992. С. 102–468.
15. *Стайтс Р.* Женское освободительное движение в России. Феминизм, нигилизм и большевизм 1860–1930. М.: РОССПЭН, 2004. 615 с.
16. Учреждение св. Марии Магдалины в Москве // Проституция и ее жертвы. М.: б.и., 1873. С. 150–180.
17. *Харчев А.Г.* Брак и семья в СССР. 2-е изд. М.: Мысль, 1979. 367 с.
18. *Хрупкова А.Г., Колесов Д.В.* Мальчик, подросток, юноша. М.: Просвещение, 1982. 208 с.
19. *Шашков С.С.* Очерк истории русской женщины. СПб.: Изд-во Н.А. Шигина, 1871. 623 с.

Literatura

1. *Biryukov B.V.* Social'no-ideologicheskie aspekty' tormozheniya nauki v totalitarnom sociume // *Vestnik Mezhdunarodnogo slavyanskogo universiteta* / Pod red. N.V. Smirnova, B.V. Biryukova i dr. M.: MSU, 1997. S. 44–50.
2. *Blox I.* Istoriya prostitucii. SPb.: RID, AST, 1994. 544 s.
3. *Boltaevskij A.A.* Bor'ba za npravstvennost' v gorodskoj srede: istoricheskij opyt' Rossijskoj imperii i SSSR // *Urbanistika*. 2014. № 1. S. 10–18.
4. *Vasil'ev N.A.* Vopros o padenii Zapadnoj Rimskoj imperii i antichnoj kul'tury' v istoriograficheskoj literature i istorii filosofii v svyazi s teoriej istoshheniya narodov i chelovechestva // *Izvestiya obshhestva arxeologii, istorii i e'tnografii pri Kazanskom un-te*. T. 3. Vy'p. 2–3. Kazan': B. i., 1921. S. 129–222.
5. «Gospodi, skoro li konchatsya nashi muki»: dnevniki praporshhika K.V. Anan'eva // *Pervaya mirovaya: vzglyad iz okopa* / Predislovie, sostavlenie i kommentarii K.A. Paxalyuka. M.; SPb.: Nestor – istoriya, 2014. S. 137–215.
6. *Greber D.* Ob odnoj npravstvennoj putanice // *The Prime Russian Magazine*. № 5 (26). Sentyabr'/Oktyabr'. 2014. S. 83–91.
7. *Danilov M.V.* Zapiski artillerii majora Mixaila Vasil'evicha Danilova, napisanny'e im v 1771 godu. M.: Tipografiya S. Selivanovskogo, 1842. 136 s.
8. *Istoriya zhenshhin na Zapade*. T. 3: Paradoksy' e'poxi Vozrozhdeniya i Prosveshheniya. SPb.: Aletejya, 2008. 599 s.
9. *Kuznecov M.* Prostituciya i sifilis v Rossii. SPb.: Tipografiya V.S. Balasheva, 1871. 230 s.
10. *Olearij.* Opisanie puteshestviya v Moskoviyu i cherez Moskoviyu v Persiyu i obratno. SPb.: Izd-vo A.S. Suvorina, 1906. 582 s.
11. *Pelexova Yu.* Bordel' v zakone // *Versiya*. Obshherossijskaya gazeta. 17–23 fevralya 2014. S. 5.
12. *Priklonskij I.I.* Vozvrashhenie padshix devushek k chestnoj trudovoj zhizni i deyat'nost' priyuta sv. Marii Magdaliny' v Moskve. M.: b. i., 1900. 79 s.
13. *Pryadko I.P.* Istoriiosofskie vozzreniya N.A. Vasil'eva v kontekste Serebryanogo veka i v svete tradicii vostochno-xristianskoj filosofii: dis. ... kand. kul'turologii. M.: Rossijskij institut kul'turologii, 2004. 221 s.
14. *Roazanov V.V.* Opavshie list'ya. Korob 2-j // *Roazanov V.V.* Opavshie list'ya. Liriko-filosofskie zapiski / Sost. i vstupit. stat'ya A.V. Guly'gi. M.: Sovremennik, 1992. S. 102–468.

15. *Stajts R.* Zhenskoe osvoboditel'noe dvizhenie v Rossii. Feminizm, nигilizm i bol'shevizm 1860–1930. M.: ROSSPE'N, 2004. 615 s.
16. Uchrezhdenie sv. Marii Magdaliny' v Moskve // Prostituciya i ee zhertvy'. M.: b.i, 1873. S. 150–180.
17. *Xarchev A.G.* Brak i sem'ya v SSSR. 2-e izd. M.: My'sl', 1979. 367 s.
18. *Xripkova A.G., Kolesov D.V.* Mal'chik, podrostok, yunosha. M.: Prosveshhenie, 1982. 208 s.
19. *Shashkov S.S.* Oчерk istorii russoj zhenshhiny'. SPb.: Izd-vo N.A. Shigina, 1871. 623 s.

*A.A. Boltaevskiy,
I.P. Priadko*

Deseases of Urbanizm: Past and Present

This article assesses one of the oldest forms of deviation — prostitution. The article also analyzes its historical forms. In particular, it shows the relationship of family prostitution in a traditional society with ethical notions, concepts of duty, responsibility of lower classes before the authorities of society. The novelty of the approach is based on the analysis of diseases of civilization from the standpoint of social and cultural dynamics. A change in attitude to the deviation in the Ancient East, in the Middle Ages, in New time, in Russia is shown in the article.

Keywords: prostitution; deviation; diseases of civilization; social work; resocialization; anomie.

**«Что нужно Лондону, то рано для Москвы».
Система Джозефа Ланкастера и император
Александр I. Рецензия на монографию
А.А. Орлова «“Школы для всех”».
Ланкастерская система обучения в России
в первой четверти XIX века (1814–1826 гг.)»
(М.: РИЦ МГГУ им. М.А. Шолохова,
2014. 200 с.: ил.)**

В своей новой монографии доктор исторических наук А.А. Орлов продолжает исследовать давно уже интересующую его тему — тему восприятия в России (в разные исторические периоды) английских достижений во всех сферах жизни государства [5–6]. Его книга посвящена первому в истории нашей страны опыту введения системы светского начального образования для народа — ланкастерскому взаимному обучению, появившемуся в Англии в конце XVIII века. Автор на основании разнообразных источников, прежде всего, мемуарной литературы, и научных исследований отечественных и зарубежных специалистов (историков и педагогов) изучил причины и специфику утверждения ланкастерских школ на российской почве, выявил побудительные мотивы отказа императорской власти от данной реформы и оценил ее значение для России.

С его точки зрения, «на всех переломных этапах российской истории высшая власть стремилась реформировать экономику государства, что неизбежно вело за собой реформы в системе образования. При этом политические новшества, особенно в период существования крепостного права, значительно отставали от экономических новаций. Определяющим в политике власти было желание модернизировать производство, чтобы на равных конкурировать с ведущими западными державами... но при этом не утратить собственных позиций, избежать революционных потрясений в стране» (с. 5). По мнению А.А. Орлова, такая двойственная позиция вызывала «...серьезные противоречия между обществом

и властью, а также между разными группами населения. <...> Это... приводило к «...возникновению революционной ситуации или к революциям». Он убежден в том, что «подобная дилемма существует и в наше время» и поэтому считает актуальной «...проблему реформирования народного образования в России в начале XIX в.» (с. 5–6).

Первая глава монографии «Причины создания ланкастерских школ в России (1814–1816 гг.)» (с. 8–18) посвящена анализу причин, по которым император Александр I после окончания в 1815 году эпохи наполеоновских войн решил в числе других своих преобразовательных проектов ввести в империи новую (Белл-Ланкастерскую) методику обучения детей из числа простонародья по британскому образцу. Автор довольно подробно характеризует саму эту методику (с. 12–17), выясняет, когда именно и как император заинтересовался ею (с. 10–12, 17–18), кто был его первыми помощниками в этом деле (с. 10–11), и что стало важным дополнительным стимулом, подтолкнувшим Александра I к введению в России именно британской (а не швейцарской или немецкой, которые он также внимательно изучал лично или при помощи доверенных лиц) педагогической системы. Поскольку экономика (особенно финансы) России после окончания длительного периода революционных и наполеоновских войн находилась в кризисном состоянии, император избрал то, что было практичнее и позволяло сэкономить средства казны. Ланкастерские школы должны были обойтись «...правительству гораздо дешевле, нежели обычные училища» (с. 18).

Во второй главе «Ланкастерские школы как часть политики либеральных реформ Александра I (1816–1821 гг.)» (с. 19–33) более подробно раскрываются реформаторские замыслы Александра I. Говорится о том, что «...введение в России системы взаимного обучения...» было только небольшой частью его «...обширного плана реформ...» (с. 19). Главное же заключалось в следующем: император искренне желал создать конституционную монархию и постепенно идти к отмене крепостного права. Организация сети бесплатных (или дешевых) школ для народа («школ для всех», по выражению одного из создателей этой системы — английского педагога-квакера Джозефа Ланкастера), с одной стороны, должно было «...подготовить население к позитивному восприятию начавшихся перемен, а, с другой стороны, предотвратить возможность социального бунта низов» (там же). А.А. Орлов подробно описывает, как Александр I взялся за эту трудную работу и какими именно путями хотел достигнуть поставленной цели. Но в 1820 году отношение императора к ланкастерским школам изменилось. Автор указывает на попытку бунта в гвардейском Семеновском полку в октябре 1820 года (так называемую «Семеновскую историю») как на перелом в либеральных педагогических экспериментах Александра I. Причем «Семеновская история» поставлена ученым в контекст важных политических событий того времени. «Ситуация в Европе... была очень тревожной. В 1820–1821 гг. вспыхнули революции в Испании, Португалии, Италии (Неаполе и Пьемонте), началось

национально-освободительное восстание греков против Османской империи. Император связал «Семеновскую историю» с деятельностью европейских заговорщиков («карбонариев»), способных взбунтовать его «опричников» (так он в шутку называл семеновцев), чтобы отвлечь русского монарха от борьбы с революционной угрозой в Европе. Средством антиправительственной пропаганды могла служить система взаимного обучения нижних чинов и солдатских детей. <...> Возникшие разногласия в начале 1820-х гг. стали тормозить распространение метода взаимного обучения. <...> В дворянской среде и в церковных кругах стало проявляться недовольство модернизаторской политикой Александра I», — пишет он (с. 31–32).

Третья глава монографии «Распространение ланкастерского метода обучения в провинциях Российской империи: гомельская школа Я.И. Герда (1819–1821 гг.)» (с. 34–40) посвящена рассказу об одной из знаменитых ланкастерских школ — гомельской школе англичанина Джеймса Хёрда (Я.И. Герда), созданной по инициативе бывшего министра иностранных дел графа Н.П. Румянцева. Эту школу долгое время называли первой в России. Автор опровергает данный тезис (с. 34), но обращает внимание на следующий факт: Герд так успешно руководил школой, что ему для обучения вскоре прислали 20 солдат из расквартированной в городе артиллерийской бригады полковника Деллингсгаузена (с. 38). Даже после отказа высшей государственной власти от ланкастерской системы Герд пользовался расположением императоров Александра I и Николая I, заслужив потомственное дворянство и став основателем династии русских ученых, существующей по сей день (с. 35–36, 39–40).

О школе Герда уже много раз говорилось в научной литературе, как отечественной, так и зарубежной [1; 4; 7–9; 15; 19]. Но, как представляется, А.А. Орлов удачно поместил данный эпизод в общий контекст англomanии русского дворянства, особенно усилившейся после окончания наполеоновских войн. Когда он пишет об англичанах и шотландцах, работавших в гомельском имении Румянцева, читатель может зримо представить себе степень влияния британских специалистов на помещную экономику. Архитектор Кларк, агрономы Скотт, Стюарт и Харботтл, заведующий свечным заводом Стивенсон с семьей, — вот то общество, в котором первоначально нашел себе друзей молодой английский учитель. Однако он не стал замыкаться в узком кругу соотечественников, выучил русский язык, причем настолько хорошо, что впоследствии публиковал учебники для русских школ и перевел с английского классический роман Оливера Голдсмита «Векфильдский священник» (перевод долгое время считался лучшим) — с. 37, 39–40. Интересен и такой вывод А.А. Орлова: русская аристократия использовала «...для интенсификации производства навыки и труд британских специалистов, не отказываясь от главного порока отечественной экономики — крепостного права» (с. 36).

Завершает исследование четвертая глава «Ликвидация системы взаимного обучения в России (1821–1826 гг.): причины и последствия» (с. 41–62). Здесь автор возвращается к рассказу о «Семеновской истории», так сильно, по его мнению, повлиявшей на настроение Александра I и на ликвидацию

системы ланкастерского обучения в России (с. 41–46). Потом он рассказывает о «деле Раевского» – обвинении преподавателя Кишиневской дивизионной школы майора В.Ф. Раевского (в отечественной историографии за ним закрепилось звание «первого декабриста» [10: с. 7–70]) в революционной агитации (с. 46–48). Психологически оценивая влияние декабристов на новую систему образования, автор резюмирует: «революционная работа... велась на уровне подсознания». «Плохо усвоенные западноевропейские политические лозунги создавали хаос в умах людей, получивших лишь самые азы знаний, едва умевших читать и писать. У солдат после разгрома восстания на Сенатской площади появилось ощущение того, что офицеры-дворяне их обманули» (с. 49).

Огромное разочарование пережил и Александр I. Ему пришлось отказаться от избранной им западной методики, как постепенно и от других либеральных преобразований. Его преемник Николай I вынужден был поставить всю систему народного образования в России (от школы до университета) под крайне жесткий контроль государства и церкви (с. 53). На первых порах это принесло положительные плоды (единая государственная идеология «официальной народности», стройная модель сословного образования, упорядочивание всей системы обучения и т.д.), но уже во второй половине правления императора образованные классы общества, стремившиеся воспользоваться новейшими достижениями идейной мысли Западной Европы, стали высказывать недовольство патерналистской политикой императора. Как только режим Николая I рухнул, Россия вновь обратилась к западному опыту реформирования, в том числе и в сфере образования. Опыт ланкастерской школы тут уже ничем не мог помочь, и Россия в полной мере восприняла достижения немецкого классического образования, помогшего Пруссии выиграть войну с Францией 1870–1871 годов и стать Германией — одной из ведущих мировых держав (с. 57–58, 61). Сегодня, отмечает А.А. Орлов, мы снова находимся в том же положении, только реформирование происходит по англо-американским образцам. Его вывод, как ни странно, одновременно оптимистичен и пессимистичен: «как показывает исторический опыт, это неизбежно поставит вопрос о политических переменах» (с. 62). Почему я говорю об оптимизме пополам с пессимизмом? Политические перемены (если они ведут к лучшему) нельзя не приветствовать. Но мы видим, что в современном мире ситуация складывается далеко не такая. Какова же цель идущих в нашей стране реформ? Но это вопрос уже не к автору рецензируемой монографии.

Возвращаясь к опыту ланкастерской школы, отмечу важный вывод А.А. Орлова, переводящий разговор из специальной историко-педагогической в гуманитарную сферу. Эти школы «...дали стране большое количество грамотных людей, часть которых впоследствии продолжала заниматься самообразованием... в некоторой степени идейно подготовили наступление эпохи буржуазных реформ Александра II. <...> [Они помогли образованному русскому человеку] ...отстоять достоинство личности... перед всей мощью государственной машины» (с. 64).

Читателю можно смело рекомендовать обратить внимание на книгу А.А. Орлова. Ни школьные учителя, ни преподаватели вузов, ни учащиеся, ни те, кто интересуется историей, не потратят даром времени, познакомившись

с ее содержанием. Тем более, что издание снабжено уникальными иллюстрациями и интересным приложением — отрывком из книги российского автора (доктора медицины И.Х. Гамеля) [3], одним из первых познакомившегося в Англии с новой методикой обучения и почти сто лет назад описавшего ее для отечественной публики (с. 65–83).

Тема, конечно, далеко еще не исчерпана. Если автор захочет продолжить исследование, ему можно сделать несколько предложений. Было бы очень хорошо, если бы А.А. Орлов в дальнейшем ответил на вопрос, возникший у меня в самом начале чтения его труда и не исчезнувший вплоть до последней страницы. Обосновывая необходимость введения в России ланкастерской системы обучения, он пишет: Александр I сознательно избрал именно ее, так как она обеспечивала возможность «...подготовки большого количества грамотных работников из числа русских разночинцев», что было необходимо для реформирования экономики и готовило «...почву для будущих более значительных перемен» (с. 8–9). Далее сказано: ланкастерские школы появлялись в тех странах, которые «...в начале XIX в. переживали разные стадии экономического подъема или промышленного переворота» (с. 17). Так что же было главным и решающим: субъективное желание императора или объективные потребности развития экономики страны? Могли бы ланкастерские школы появиться в России не из-за желания монарха? Мне кажется, что могли. Автор сам на с. 20 пишет: «замыслы Александра I на время совпали с интересом представителей образованных слоев русского общества к новой методике». Может быть, не стоит преувеличивать степень авторитарности высшей государственной власти начала XIX века хотя бы по отношению к столичной аристократии?

Ну и, конечно, хотелось бы пожелать автору использовать больше англоязычной литературы. Это позволило бы подробнее описать суть Белл-Ланкастерского метода обучения [11; 13], полнее представить жизнь и деятельность разработчиков данной методики, особенно Ланкастера [12; 16–17], и внести важные дополнительные нюансы в оценку ланкастерского движения в России [2; 14; 18].

В заключение скажу: работа А.А. Орлова посвящена важной теме, его исследование состоялось, оно начало жить самостоятельной жизнью и, можно надеяться, привлечет к себе внимание специалистов, а также широкого круга читателей.

Литература

1. *Борейко Л.И., Панкова О.В.* О распространении ланкастерских школ в России // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2013. № 4 (55). С. 97–101.
2. *Виттакер Ц.Х.* Граф Сергей Семёнович Уваров и его время. СПб.: Академический проект, 1999. 350 с.
3. *Гамель И.[Х.]* Описание способа взаимного обучения по системам Белла, Ланкастера и других, в коем изложены начало и успехи сего способа в Англии, во Франции и в других странах, и подробно изъяснены правила и порядок употребления онаго в училищах / Пер. с нем. К. Кнаппе. СПб.: В Типографии Императорского Воспитательного Дома, 1820. 352 с.

4. *И.Г.* Первая в России ланкастерская школа // Исторический вестник. 1887. Т. 29. № 9 (сентябрь). С. 650–656.
5. *Орлов А.А.* Союз Петербурга и Лондона. Российско-британские отношения в эпоху наполеоновских войн. М.: Прогресс-Традиция, 2005. 368 с.
6. *Орлов А.А.* «Теперь вижу англичан вблизи...»: Британия и британцы в представлениях россиян о мире и о себе (вторая половина XVIII – первая половина XIX вв.). Очерки. М.: Гиперборея; Кучково поле, 2008. 368 с.
7. *Орлов А.А.* Ланкастерские школы в России в начале XIX в. // Вестник МГГУ им. М.А. Шолохова. Серия: Педагогика и психология. 2013. № 2. С. 14–16.
8. *Телешов С.В.* Ланкастерская школа в России // Педагогика. 2005. № 10. С. 73–77.
9. *Томашевская Н.* Ланкастерские школы в России // Русская школа. 1913. № 3 (март). Отд. I. С. 36–62.
10. Щёголев П.Е. Декабристы. М.; Л.: Госиздат, 1926. 362 с.
11. *Corston W.* A brief sketch of the life of Joseph Lancaster; including the introduction of his system of education. L.: Harvey Darton, [1840]. XII, 96 p.
12. *Dickson M.* Teacher extraordinary, Joseph Lancaster, 1778–1838. Sussex (England): Book Guild, 1986. 308 p.
13. *Fingard J.* «Grapes in the wilderness»: the Bible Society in British North America in the early nineteenth century // Histoire sociale / Social History. 1972. № 5. P. 5–31.
14. *Hollingsworth B.* Lancastrian schools in Russia // Durham Research Review. 1966. № 14. P. 59–74.
15. *Muckle J.* James Arthur Heard (1798–1875) and education of the poor in Russia. Ilkeston (Derbyshire): Bramcote Press, 2013. 170 p.
16. *Salmon D.* *Joseph Lancaster*. L.; N.-Y. [etc.]: Longmans, Green, and C°, 1904. 109 p.
17. *Spragge G.W.* Joseph Lancaster in Montreal // The Canadian Historical Review. 1941. № 22. P. 35–41.
18. *Whittaker C.H.* The Origins of Modern Russian Education: an Intellectual Biography of Count Sergei Uvarov, 1786–1855. DeKalb (Illinois): Northern Illinois University Press, 1984. 348 p.
19. *Zacek J.C.* The Lancastrian School Movement in Russia // The Slavonic and East European Review. 1967. Vol. XLV. № 105 (July). P. 343–367.

Literatura

1. *Borejko L.I., Pankova O.V.* O rasprostranении lankasterskix shkol v Rossii // Psixopedagogika v pravooxranitel'ny'x organax. 2013. № 4 (55). S. 97–101.
2. *Vittaker C.X.* Graf Sergej Semyonovich Uvarov i ego vremya. SPb.: Akademicheskij proekt, 1999. 350 s.
3. *Gamel' I.[X.]* Opisanie sposoba vzaimnogo obucheniya po sistemam Bella, Lankastera i drugix, v koem izlozheny' nachalo i uspehi sego sposoba v Anglii, vo Francii i v drugix stranax, i podrobno iz'yasneny' pravila i porjadok upotrebleniya onago v uchilishhax / Per. s nem. K. Knappe. SPb.: V Tipografii Imperatorskogo Vospitatel'nogo Doma, 1820. 352 s.
4. *I.G.* Pervaya v Rossii lankasterskaya shkola // Istoricheskij vestnik. 1887. Т. 29. № 9 (sentyabr'). S. 650–656.
5. *Orlov A.A.* Soyuz Peterburga i Londona. Rossijsko-britanskije otno-sheniya v e'po-xu napoleonovskix vojn. M.: Progress-Tradiciya, 2005. 368 s.

6. *Orlov A.A.* «Teper' vizhu anglichan vblizi...»: Britaniya i britancy' v predstavleniyax rossiyan o mire i o sebe (vtoraya polovina XVIII – pervaya polovina XIX vv.). Ocherki. M.: Giperboreya; Kuchkovo pole, 2008. 368 s.
7. *Orlov A.A.* Lankasterskie shkoly' v Rossii v nachale XIX v. // Vestnik MGGU im. M.A. Sholoxova. Seriya: Pedagogika i psixologiya. 2013. № 2. S. 14–16.
8. *Teleshov S.V.* Lankasterskaya shkola v Rossii // Pedagogika. 2005. № 10. S. 73–77.
9. *Tomashevskaya N.* Lankasterskie shkoly' v Rossii // Russkaya shkola. 1913. № 3 (mart). Otd. I. S. 36–62.
10. *Shhyogolev P.E.* Dekabristy'. M.; L.: Gosizdat, 1926. 362 s.
11. *Corston W.* A brief sketch of the life of Joseph Lancaster; including the introduction of his system of education. L.: Harvey Darton, [1840]. XII, 96 p.
12. *Dickson M.* Teacher extraordinary, Joseph Lancaster, 1778–1838. Sussex (England): Book Guild, 1986. 308 p.
13. *Fingard J.* «Grapes in the wilderness»: the Bible Society in British North America in the early nineteenth century // Histoire sociale / Social History. 1972. № 5. P. 5–31.
14. *Hollingsworth B.* Lancastrian schools in Russia // Durham Research Review. 1966. № 14. P. 59–74.
15. *Muckle J.* James Arthur Heard (1798–1875) and education of the poor in Russia. Ilkeston (Derbyshire): Bramcote Press, 2013. 170 p.
16. *Salmon D.* *Joseph Lancaster.* L.; N.-Y. [etc.]: Longmans, Green, and C°, 1904. 109 p.
17. *Spragge G.W.* Joseph Lancaster in Montreal // The Canadian Historical Review. 1941. № 22. P. 35–41.
18. *Whittaker C.H.* The Origins of Modern Russian Education: an Intellectual Biography of Count Sergei Uvarov, 1786–1855. DeKalb (Illinois): Northern Illinois University Press, 1984. 348 p.
19. *Zacek J.C.* The Lancastrian School Movement in Russia // The Slavonic and East European Review. 1967. Vol. XLV. № 105 (July). P. 343–367.

A.M. Лотменцев

**АВТОРЫ «ВЕСТНИКА МГПУ»,
СЕРИЯ «ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ»,
2015, № 4 (20)**

Антоненко Виктория Михайловна — аспирант кафедры отечественной и всеобщей истории Сахалинского ГУ (victoriasah87@gmail.com).

Барабанов Максим Валерьевич — кандидат политических наук, докторант кафедры зарубежной истории МГГУ им. М.А. Шолохова (maxim112007@yandex.ru).

Болтаевский Андрей Андреевич — кандидат исторических наук, доцент кафедры философских и социально-гуманитарных дисциплин Московского государственного университета пищевых производств (boltaev83@mail.ru).

Ермаков Александр Владимирович — аспирант кафедры всеобщей истории МГПУ (ron01@list.ru).

Ершова Тамара Витальевна — доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории МГПУ (ershtamaris@yandex.ru).

Жиряков Иван Георгиевич — доктор исторических наук, профессор кафедры новой, новейшей истории и методологии МГОУ (ivan1948@yandex.ru).

Карпачёв Сергей Павлович — доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории МГПУ (spk1950@yandex.ru).

Карпов Евгений Александрович — соискатель кафедры отечественной истории МГПУ (Evg-A-Karpov@yandex.ru).

Кодина Владлена Сергеевна — соискатель кафедры всеобщей истории МГПУ (kodinaVS@yandex.ru).

Лотменцев Андрей Михайлович — кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета (avlot@yandex.ru).

Лузгина Юлия Сергеевна — аспирант кафедры отечественной истории и культурологии МГГУ им. М.А. Шолохова (gysit@yandex.ru).

Малышева Ольга Геральдовна — доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории МГПУ (malysheva_o56@mail.ru).

Прядко Игорь Петрович — кандидат культурологии, доцент кафедры общей психологии Международного славянского института (prydcko.igor@yandex.ru).

Сидоров Никита Владимирович — аспирант кафедры зарубежной истории МГГУ им. М.А. Шолохова (umbergys@rambler.ru).

Тадтаев Таймураз Валерьевич — кандидат исторических наук, доцент, декан исторического и юридического факультетов Юго-Осетинского государственного университета им. А.А. Тибилова (tadtai@mail.ru).

Токарева Елена Анатольевна — кандидат исторических наук, профессор кафедры отечественной истории МГПУ (tokarev-elena@yandex.ru).

«МСТТУ Vestnik» / Authors,
Series «Historical Studies», 2015, № 4 (20)

Antonenko Viktorija Mikhailovna — postgraduate, department of History of Russia and World History department, Sakhalin State University (victoriasah87@gmail.com).

Barabanov Maksim Valerievich — Ph.D. (Political Science), doctoral candidate of department of World History, M.A.Sholokhov MSHU (maxim112007@yandex.ru).

Boltaevskiy Andrei Andreevich — Ph.D. (History), docent, department of Philosophic and Socio-humanitarian disciplines, Moscow State University of Food Production (MSUFP) (boltaev83@mail.ru).

Ermakov Aleksandr Vladimirovich — postgraduate, department of World History, MCU (ron01@list.ru).

Ersnova Tamara Vitaljevna — Doctor of History, professor of department of History of Russia, MCU (ershtamaris@yandex.ru).

Zhiryakov Ivan Georgievich — Doctor of History, professor of department of Modern, Recent History and Methodology, MSRU (ivan1948@yandex.ru).

Karpachyov Sergei Pavlovich — Doctor of History, professor of department of History of Russia, MCU (spk1950@yandex.ru).

Karpov Evgeniy Aleksandrovich — competitor, department of History of Russia, MCU (Evg-A-Karpov@yandex.ru).

Kodina Vladlena Sergeevna — competitor, department of World History, MCU (kodinaVS@yandex.ru).

Lotmentsev Andrei Mikhailovich — Ph.D. (History), docent, department of World History, Saint Tikhon's Orthodox Humanitarian University (avlot@yandex.ru).

Luzgina Julia Sergeevna — postgraduate, department of History of Russia and Cultural Studies, M.A.Sholokhov MSHU (gysit@yandex.ru).

Malysheva Olga Geraldovna — doctor of history, professor of department of Russian history, MCU (malysheva_o56@mail.ru).

Priadko Igor Petrovich — Ph.D. (Cultural Studies), docent, department of General Psychology, International Slav institute (prydcko.igor@yandex.ru).

Sidorov Nikita Vladimirovich — postgraduate, department of Foreign History, M.A.Sholokhov MSHU (umbergys@rambler.ru).

Tadtaev Taimuraz Valerievich — Ph.D. (History), docent, dean of History and Law faculties, A.A.Tibilov SOSU (tadtai@mail.ru).

Tokareva Elena Anatolievna — Ph.D. (History), professor of department of History of Russia, MCU (tokarev-elena@yandex.ru).

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

Уважаемые авторы!

Редакция просит вас при подготовке материалов, предназначенных для публикации в «Вестнике МГПУ», руководствоваться требованиями к оформлению научной литературы, рекомендованными Редакционно-издательским советом Университета.

1. Шрифт — Times New Roman, 14 кегль, межстрочный интервал — 1,5, поля — верхнее, нижнее и левое — по 20 мм, правое — 10 мм. Объем статьи, включая список литературы и постраничные сноски, не должен превышать 18–20 тыс. печатных знаков (0,4–0,5 п. л.). При использовании латинского или греческого алфавита обозначения набираются: латинскими буквами — в светлом курсивном начертании, греческими буквами — в светлом прямом. Рисунки должны выполняться в графических редакторах. Графики, схемы, таблицы не могут быть сканированными.

2. Инициалы и фамилия автора набираются полужирным шрифтом в начале статьи слева; заголовок — посередине, полужирным шрифтом.

3. В начале статьи после названия помещается аннотация на русском языке (не более 500 печатных знаков) и ключевые слова (не более 5). Ключевые слова и словосочетания разделяются точкой с запятой.

4. Статья снабжается пристатейным списком использованной литературы, оформленным в соответствии с требованиями ГОСТ 7.05–2008 «Библиографическая ссылка» на русском и английском языках.

5. Ссылки на издания из пристатейного списка даются в тексте в квадратных скобках, например: [3: с. 57] или [6: т. 1, кн. 2, с. 89].

6. Ссылки на Интернет-ресурсы и архивные документы даются в тексте в круглых скобках или внизу страницы по образцам, приведенным в ГОСТ Р 7.0.5–2008 «Библиографическая ссылка».

7. В конце статьи после списка литературы на русском языке приводится фамилия автора, заглавие, аннотация статьи, ключевые слова (*Keywords*) и список литературы (*References*) на английском языке.

8. Рукопись подается в редакцию журнала в установленные сроки на электронном и бумажном носителях.

9. К рукописи прилагаются сведения об авторе (ФИО, ученая степень, звание, должность, место работы, электронный адрес для контактов) на русском и английском языках.

В случае несоблюдения какого-либо из перечисленных требований автор по требованию главного или выпускающего редактора обязан внести необходимые изменения в рукопись в пределах срока, установленного для ее доработки.

Более подробно о требованиях к оформлению рукописи можно посмотреть на сайте www.mgpi.ru в разделе «Документы» издательского отдела Научно-информационного издательского центра.

По вопросам публикации статей в журнале «Вестник МГПУ» серии «Исторические науки» обращаться к заместителю главного редактора *Михайловскому Федору Александровичу* (e-mail: f.mikhailovsky@yandex.ru).

Вестник МГПУ

Журнал Московского городского педагогического университета

Серия «Исторические науки»

2015, № 4 (20)

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору
в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации средства массовой информации:

ПИ № ФС77-62499 от 27 июля 2015 г.

Главный редактор:

доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАО *В.В. Рябов*

Заместитель главного редактора:

доктор исторических наук, профессор *Ф.А. Михайловский*

Главный редактор выпуска:

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник *Т.П. Веденева*

Редактор:

И.Е. Посоха

Корректор:

К.М. Музамилова

Перевод на английский язык:

А.С. Джанумов

Техническое редактирование и верстка:

О.Г. Арефьева

Научно-информационный издательский центр ГАОУ ВО МГПУ

129226, Москва, 2-й Сельскохозяйственный проезд, д. 4, корп. 1.

Телефон: 8-499-181-50-36.

E-mail: Vestnik@mgpu.ru

Подписано в печать: 23.12.2015 г. Формат 70 × 108 ¹/₁₆.

Бумага офсетная.

Объем 7,25 усл. печ. л. Тираж 1000 экз.